ЕВРАЗИЙСКАЯ № 5 (76) 2025

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, заместитель председателя Комитета Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам (Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

18+

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».
Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru.
Дата выхода в свет: 15.12.2025. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **мессенджеры**: +7-917-40-61-340

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики в отставке, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия», Ректор учреждения «Международная Академия труда» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии образования, заведующий кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), почетный работник сферы образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Калмыкия (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);
ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва);
ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа);
ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);
ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);
ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе (Швейцария, г. Женева);
ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);
ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);
ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

***Главный редактор*:**
РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:
ДЁМИНА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;
КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;
КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;
МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;
ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;
РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;
ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

EURASIAN № 5 (76) 2025
ADVOCACY *Journal is published since 2012.*

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),
5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).
In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, Vice Chairman of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Azerbaijan Republic, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the State University of Education, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People's Democratic Republic, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – advocate, LLD, associate professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, Legal adviser of the Program for Europe (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjef – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Vice-Rector of Russian University of Advocacy and Notaries Named by G.B. Mirzoev (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya», Rector of the International Labor Academy Institution (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:
RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:
DEMINA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;
KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;
KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;
MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;
POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;
RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;
FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.
Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

Содержание

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

ХАЗИЕВ Артур Радикович
Исторические предпосылки становления и развития института правовой охраны уставов муниципальных образований 65

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

РАГУЛИН Андрей Викторович
«Адвокатская монополия»: разоблачение антинародной контрреформы в стенах парламента 69

РАГУЛИН Андрей Викторович
О подходах к реализации демократических процедур в адвокатуре России и Казахстана 91

РАГУЛИН Андрей Викторович
Не избираемые адвокатами демократическим путем управленцы из Федеральной палаты: пять лет на «ответ» без ответа 95

РАГУЛИН Андрей Викторович
Очередной провал сторонников «адвокатской монополии»: судебный департамент объявил приговор Федеральной палате адвокатов 98

ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА

БРЮХАНОВА Алёна Дмитриевна
Уголовная ответственность за воспрепятствование адвокатской деятельности по Уголовному кодексу Российской Федерации и по законодательству ряда стран Содружества независимых государств (сравнительно-правовой анализ) 102

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

РАГУЛИН Андрей Викторович
«Я – подданный. Бесправие. Безответственность. Бездействие»: истинная суть псевдопатриотического проекта от репрессивных педагогов из Федеральной палаты адвокатов 108

КАЛУГИН Вадим Иванович
Адвокатура и защита прав инвесторов в цифровой экономике: коллизии юрисдикций и правовая определённость 117

МОКРОВСКИЙ Андрей Викторович
Генезис понимания относимости доказательств 124

КИРИЧЕНКО Артём Викторович
Социальные сети как источник доказательств: правовые риски и гарантии защиты в России 131

ГРИШИНА Ксения Владимировна, ЛАРИОНОВ Сергей Сергеевич
Косвенные доказательства в судебных делах по трудовым спорам: анализ практических и теоретических проблем в контексте использования цифровых и электронных доказательств 137

БАТАНОВ Андрей Николаевич
Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях: вопросы правовой природы и практики применения 142

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

КОЛОКОЛОВА Марина Владиславовна
К некоторым вопросам о пределах конституционных прав человека в контексте противодействия экстремистской деятельности 146

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ГАРМАЕВ Юрий Петрович, ФЕДОРОВ Анатолий Михайлович
Криминалистическая классификация преступлений, связанных с банкротствами юридических лиц 151

АКИМЕНКО Марина Алексеевна
К проблеме применения технологий криминалистического профайлинга как инструмента диагностики и психологической коррекции боевого стресса у военнослужащих 158

РАМАЗАНОВ Фуад Нариман оглы
Особенности судебной системы в Объединенных Арабских Эмиратах 162

КУВШИНОВ Алексей Николаевич
О некоторых криминологических и уголовно-правовых аспектах противодействия киберпреступности 167

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

МАЛАФЕЕВ Михаил Александрович
Информационные системы как объект гражданско-правовых отношений 171

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

КРОХИНА Юлия Александровна
Особенности юридической ответственности за нарушение законодательства о контролируемых иностранных компаниях в Российской Федерации и Турецкой Республике 176

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич
Выбор собственником типа учреждения: правовые основы и практическая реализация 182

ПОПОВ Павел Валерьевич
Институт общественного контроля в условиях цифровизации системы публичного управления в России и за рубежом 186

БАБАЕВ Расим Вагифович
Предпосылки зарождения и развития общественного контроля 191

РОДИОНОВА Алина Александровна
К вопросу о методах и формах налогового контроля 195

ДАО Ле Минь Чанг
Характеристики новой зонтичной оговорки во вьетнамских международных инвестиционных соглашениях 198

Contents

HISTORICAL EXPERIENCE

KHAZIEV Artur Radikovich
Historical Prerequisites for the Formation and Development of the Institute of Legal Protection of Municipal Entities' Charters 65

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

RAGULIN Andrey Viktorovich
«Lawyer's Monopoly»: Exposing the Anti-People Counter-Reform in Parliament 69

RAGULIN Andrey Viktorovich
On Approaches to the Implementation of Democratic Procedures in the Legal Profession of Russia and Kazakhstan 91

RAGULIN Andrey Viktorovich
Managers From the Federal Chamber of Advocates Who were not Democratically Elected by Advocates: Five Years for an «Answer» Without an Answer 95

RAGULIN Andrey Viktorovich
Another Failure of the «Lawyer's Monopoly» Supporters: the Judicial Department Announced the Verdict to the Federal Chamber of Advocates 98

PROTECTION OF THE PROFESSIONAL RIGHTS OF A LAWYER

BRYUKHANOVA Alena Dmitrievna
Criminal Liability for Obstruction of Lawyer's Activities under the Criminal Code of the Russian Federation and the Legislation of Several of the Commonwealth of Independent States (Comparative Legal Analysis) 102

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

RAGULIN Andrey Viktorovich
«I am a Patrial. Deprivation of Rights. Lack of Accountability. Failure to Act»: the Core of the Pseudopatriotic Project from the Federal Chamber of Advocates` Repressive Teachers 108

KALUGIN Vadim Ivanovich
Advocacy and Investor Protection in the Digital Economy: Jurisdictional Conflicts and Legal Certainty 117

MOKROVSKY Andrey Viktorovich
The Genesis of the Concept of Relevance of Evidence 124

KIRICHENKO Artyom Viktorovich
Social Media as Evidence: Legal Risks and Protective Guarantees in the Russian Context 131

GRISHINA Ksenia Vladimirovna, LARIONOV Sergey Sergeevich
Circumstantial Evidence in Labor Disputes: an Analysis of Practical and Theoretical Issues in the Context of the Use of Digital and Electronic Evidence 137

BATANOV Andrey Nikolayevich
Placement in a Medical Organization Providing Psychiatric Care in Stationary Conditions: Issues of Legal Nature and Application Practice 142

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE

KOLOKOLOVA Marina Vladislavovna
On Some Questions About the Limits of Constitutional Human Rights in the Context of Countering Extremist Activity 146

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

GARMAEV Yury Petrovich, FEDOROV Anatoly Mikhailovich
Criminalistic Classification of Crimes Related to Bankruptcy of Legal Entities 151

AKIMENKO Marina Alekseevna
On the Problem of Using Forensic Profiling Technologies as a Diagnostic Tool and Psychological Correction of Combat Stress in Military Personnel 158

RAMAZANOV Fuad Nariman ogly
Features of the Judicial System in the United Arab Emirates 162

KUVSHINOV Aleksey Nikolaevich
On Some Criminological and Criminal Law Aspects of Countering Cybercrime 167

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

MALAFEEV Mikhail Alexandrovich
Information Systems as an Object of Civil Law Relations 171

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

KROKHINA Yulia Aleksandrovna
Controlled Foreign Companies in the Russian Federation and the Republic of Turkiye 176

YAKOVLEV Alexander Yurievich
Owner's Choice of Institution Type: Legal Basis and Practical Implementation 182

POPOV Pavel Valerievich
The Institute of Public Control in the Context of Digitalization of the Public Administration System in Russia and Abroad 186

BABAEV Rasim Vagifovich
Prerequisites for the Origin and Development of Public Control 191

RODIONOVA Alina Aleksandrovna
On the Methods and Forms of Tax Control 195

DAO Le Minh Trang
Characteristics of the New Umbrella Clause in Vietnamese International Investment Agreements 198

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 65.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):65.

Исторический опыт

Научная статья
УДК 347
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_65

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ УСТАВОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ХАЗИЕВ Артур Радикович
Аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420088, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – выявить предпосылки становления и развития института правовой охраны уставов муниципальных образований. В данной статье нормирование местного самоуправления как относительно самостоятельной формы организации общественной жизни на обособленных территориях единого государства рассматривается как исторический процесс. При этом эволюция правового регулирования муниципальных институтов, в частности уставов муниципальных образований, рассматривается, во-первых, в контексте динамического развития более общего явления (государственно-правовых основ местного самоуправления) и, во-вторых, с учетом особенностей процесса возникновения отдельных элементов местного самоуправления и их дальнейшего развития, отражаемых, прежде всего, в нормативных источниках соответствующего исторического периода. Значимость работы заключается в том, что в ней сформулированы положения, отражающие ключевые этапы становления института правовой охраны уставов муниципальных образований.

Ключевые слова: устав муниципального образования, исторические предпосылки становления и развития института правовой охраны уставов муниципальных образований, местный уровень власти

Для цитирования: Хазиев А.Р. Исторические предпосылки становления и развития института правовой охраны уставов муниципальных образований // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 65. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_65

Historical Experience

Original article

HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LEGAL PROTECTION OF MUNICIPAL ENTITIES' CHARTERS

KHAZIEV Artur Radikovich
Postgraduate Student of Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga Region) Federal University
420088, Kazan, Kremlevskaya St., Bldg. 18, Russian Federation

Abstract: The purpose of this paper is to identify the prerequisites for the establishment and development of the institution of legal protection of municipal charters. This article examines the development of local self-government as a relatively independent form of public organization in isolated territories of a single state as a historical process. The evolution of legal regulation of municipal institutions, particularly municipal charters, is examined, firstly, in the context of the dynamic development of a more general phenomenon (the state and legal foundations of local self-government), and, secondly, taking into account the specifics of the emergence of individual elements of local self-government and their subsequent development, reflected primarily in the regulatory sources of the relevant historical period. The significance of this paper lies in its formulation of provisions reflecting the key stages in the development of the institution of legal protection of municipal charters.

Keywords: charter of a municipality, historical background of the formation and development of the institution of legal protection of charters of municipalities, local level of government

For citation: Khaziev A.R. Historical Prerequisites for the Formation and Development of the Institute of Legal Protection of Municipal Entities' Charters = Eurasian advocacy. 2025;5(76):65. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_65

© Хазиев А.Р., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Эволюция правового регулирования муниципальных институтов рассматривается, во-первых, через призму динамического развития более общего явления – государственно-правовых основ местного самоуправления, и, во-вторых, на основании особенностей процесса зарождения базисных элементов местного самоуправления и их последующей эволюции, закрепляемых, прежде всего, в источниках исторических периодов.

Исходя из этого, вопросы становления и функционирования правовой охраны устава муниципального образования невозможно исследовать без проведения анализа динамики, с одной стороны, централизованных правовых основ местного самоуправления, выступающих, по мнению Н.В. Зимина и Р.М. Вульфовича, базисом и основным условием его эффективного существования [1, с. 49], а с другой – тех элементов, содержание которых комплексно определяется по воле законодателя в уставном порядке [2, с. 50].

В науке муниципального права высказываются различные точки зрения относительно эволюции и развития уставного регулирования в муниципальных образованиях как автономной формы нормирования общественных отношений по решению вопросов местного значения населением.

Рассмотрение вопроса об историческом развитии устава муниципального образования, а значит и способов его правовой охраны, характеризуется неравномерной эволюцией содержания (предмет и объект регулирования), формы и юридических свойств указанного нормативного источника.

Так, к историческим предпосылкам возникновения института правовой охраны устава следует относить становление его социально-правового содержания (базовых общественных отношений), их генезис как предметов (объектов) правового регулирования, среди которых выделяются, прежде всего, вопросы организации управления на местах для решения местных дел с учетом специфических интересов населения (национальных, культурных, конфессиональных, экономико- или хозяйственно-географических и пр.) на отдельных территориях, эволюционировавших со временем в муниципальные правовые институты. В этой связи следует согласиться с точкой зрения тех авторов, которые полагают, как и Е.В. Иванютина, что местное самоуправление как форма организации общества по решению вопросов локального значения в различных его проявлениях было присуще российской государственности на протяжении всей его истории [3, с. 11].

Относительно самостоятельными критериями, на наш взгляд, выступают внешняя форма, внутренняя организация и юридические свойства устава как нормативного акта и объекта правовой охраны, в котором объективируются основные правила о специфике местного администрирования и особенностях ее взаимоотношений с централизованной государственной властью, находящегося в системной взаимосвязи с законодательными нормами.

Так, в историко-правовой науке отмечаются следующие особенности уставных грамот местного управления как правовых источников средневекового русского права (по мнению одних авторов, XIV–XVI вв. [4], по мнению других, XIV – первой половины XVII в. [5]): публично-правовой характер [6, с. 7]; организующий характер [7, с. 225]; сфера правового регулирования, выражающаяся в нормировании устройства и порядка деятельности органов местного управления [8, с. 223]; межотраслевой характер, за счет включения в свое содержание норм, которые в современности относятся к группе финансовых, административных, уголовных, гражданских [9, с. 169] и уголовно-процессуальных [10, с. 290]; отнесение к территориальным актам государства [11, с. 26]; особые адресаты норм, содержащихся в уставных грамотах (орган местного управления, население административно-территориальной единицы или образования); конкретно-распорядительный характер [12, с. 68]; типизированная внутренняя структура (формуляр), состоящая из устоявшихся конструкций (обозначение лица, от которого исходит акт, диспозитивная часть, санкция как запрещение нарушения распоряжения и установление меры ответственности за это, скрепа документов в виде подписи, приложение печати), расположенных в определенном порядке [13] и пр.

Особенности развития местного самоуправления в советский период, для которого были характерны существенные социально-правовые сдвиги и структурно-институциональные преобразования в обществе, связаны, главным образом, с положением Советов депутатов (Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918–1937 годы), Советов депутатов трудящихся (1936–1978 годы), Советов народных депутатов (1978–1993 годы)) как нового государственного и общественного института. В целом особенности советской системы организации местной власти выражались в первичности Советов и принадлежности к механизму государства, их массовости, выражении народного представительства, приоритетности общегосударственных интересов

при осуществлении собственной хозяйственно-организаторской деятельности, особых связях с избирателями, проведении регулярной организационно-массовой работы с населением в тесных взаимосвязях с органами общественных объединений и пр.

Правовое регулирование их статуса осуществлялось уже на основе актов конституционного законодательства СССР и РСФСР (Конституции РСФСР 1918 года [14], Конституции СССР 1924 года и Конституции РСФСР 1925 года [15], Конституции СССР 1936 года и Конституции РСФСР 1937 года [16], Конституции СССР 1977 года и Конституции РСФСР 1978 года [17]), а также иных нормативных правовых актов.

С точки зрения единства содержания, формы и юридических свойств устава муниципального образования как объекта правовой охраны наиболее значимым этапом его исторического развития выступает постсоветский период, включающий в себя несколько основных этапов, основанных на особенностях федерального и регионального законодательного регулирования системы местного самоуправления в Российской Федерации: а) с апреля 1990 года до первой половины 1993 года; б) со второй половины 1990 года до 28 августа 1995 года; в) с 28 августа 1995 года по 6 октября 2003 года; г) с 6 октября 2003 года до принятия нового Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Таким образом, становление и развитие института правовой охраны устава муниципального образования предопределяется эволюцией материальной (содержательной), процессуальной и документарной легальности устава в соотношении с иными муниципальными правовыми актами и включает в себя дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Список источников

1. Зимина Н.В., Вульфович Р.М. Становление и развитие местного самоуправления в Российской Федерации // Вопросы студенческой науки. 2016. № 2. С. 48–55.
2. Гришай Е.В., Палий В.М. К вопросу совершенствования законодательного регулирования деятельности органов местного самоуправления // Общество и право. 2014. № 1. С. 50–56.
3. Иванютина Е.В. Эволюция органов местного самоуправления в дореволюционной России (историко-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
4. Загоскин Н.П. Уставные грамоты XIV-го – XVI-го вв., определяющие порядок местного правительственного управления // Исследования Николая Загоскина: в 2 т. Казань, 1875–1876.
5. Локшина К.Н. Местное самоуправление в России: самобытная история формирования (до начала XX века) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 2. С. 77–78.
6. Агеева А.К. Земские уставные грамоты XVI века // Вопросы экономики и права. 2014. № 12. С. 5–12.
7. Аляутдинова Е.Т. Понимание термина «устав» и зарождение этого вида документа в Киевской Руси // История и архивы. 2008. № 8. С. 223–233.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.
9. Петров К.В. Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начала XVII в.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 169–175.
10. Стус Н.В. Источники уголовно-судебного права Московского государства (XV–XVII) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 289–293.
11. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.
12. Фоменко Р.В. Эволюция системы городского права в России // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2016. № 1–2 (18). С. 63–72.
13. Ельчанинова О.Ю. Специфика формуляра и видовое многообразие русских грамот XVII века // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 21–25.
14. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года) // Официальный правовой интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/.
15. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) (с изменениями и дополнениями) (прекратила действие) // Официальный правовой интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/chapter/3c1d312a9c6c4a13a02d7900fa6f03a9/.
16. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Официальный правовой интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/c7f0164139c159e5c4e7786790ae469d/.
17. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Официальный правовой интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/.

References

1. Zimina N.V., Vul'fovich R.M. Stanovlenie i razvitie mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii // Voprosy studencheskoj nauki. 2016. № 2. S. 48–55.
2. Grishaj E.V., Palij V.M. K voprosu sovershenstvovaniya zakonodatel'nogo regulirovaniya deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya // Obshchestvo i pravo. 2014. № 1. S. 50–56.
3. Ivanyutina E.V. Evolyuciya organov mestnogo samoupravleniya v dorevolyucionnoj Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. … kand. yurid. nauk. Vladimir, 2006.
4. Zagoskin N.P. Ustavnye gramoty XIV-go – XVI-go vv., opredelyayushchie poryadok mestnogo pravitel'stvennogo upravleniya // Issledovaniya Nikolaya Zagoskina: v 2 t. Kazan', 1875–1876.
5. Lokshina K.N. Mestnoe samoupravlenie v Rossii: samobytnaya istoriya formirovaniya (do nachala XX veka) // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. 2014. № 2. S. 77–78.
6. Ageeva A.K. Zemskie ustavnye gramoty XVI veka // Voprosy ekonomiki i prava. 2014. № 12. S. 5–12.
7. Alyautdinova E.T. Ponimanie termina «ustav» i zarozhdenie etogo vida dokumenta v Kievskoj Rusi // Istoriya i arhivy. 2008. № 8. S. 223–233.
8. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Rostov n/D, 1995.
9. Petrov K.V. Ustavnye gramoty (akty) namestnich'ego upravleniya XIV – nachala XVII v.: genezis pravovoj formy normativnogo akta // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2006. № 2. S. 169–175.
10. Stus N.V. Istochniki ugolovno-sudebnogo prava Moskovskogo gosudarstva (XV–XVII) // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 4 (28). S. 289–293.
11. Shumakov S. Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva. M., 1895.
12. Fomenko R.V. Evolyuciya sistemy gorodskogo prava v Rossii // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Pravo». 2016. № 1–2 (18). S. 63–72.
13. El'chaninova O.Yu. Specifika formulyara i vidovoe mnogoobrazie russkih gramot XVII veka // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 10 (71). S. 21–25.
14. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim s»ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 goda) // Oficial'nyj pravovoj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/.
15. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (utverzhdena postanovleniem XII Vserossijskogo S»ezda Sovetov ot 11 maya 1925 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami) (prekratila dejstvie) // Oficial'nyj pravovoj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/chapter/3c1d312a9c6c4a13a02d7900fa6f03a9/.
16. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki (utverzhdena postanovleniem Chrezvychajnogo XVII Vserossijskogo S»ezda Sovetov ot 21 yanvarya 1937 g.) // Oficial'nyj pravovoj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/c7f0164139c159e-5c4e7786790ae469d/.
17. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki ot 12 aprelya 1978 g. // Oficial'nyj pravovoj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/.

Статья поступила в редакцию 16.10.25; одобрена после рецензирования 28.10.25; принята к публикации 28.10.25.

The article was submitted 16.10.25; approved after reviewing 28.10.25; accepted for publication 28.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 69.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):69.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_69

«АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ»: РАЗОБЛАЧЕНИЕ АНТИНАРОДНОЙ КОНТРРЕФОРМЫ В СТЕНАХ ПАРЛАМЕНТА

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье представлен детальный анализ заседания круглого стола, проведенного 9 октября 2025 года в Государственной Думе РФ под эгидой фракции КПРФ на тему «Защита прав граждан в сфере юридических услуг: роль государства и профессиональных сообществ». Обсуждение фокусировалось на законопроекте «о профессионализации судебного представительства», известном как «адвокатская монополия». Автор, опираясь на свои предыдущие доклады, систематизирует выступления 28 участников (политиков, чиновников, адвокатов, юристов, ученых и студентов), выделяя ключевые тезисы, цитаты и критическую оценку. Анализ выявляет глубокие противоречия в юридическом сообществе: сторонники контрреформы акцентируют внимание на повышении качества услуг через «монополизацию адвокатуры», а оппоненты подчеркивают нарушения конституционных прав, рост цен на услуги и угрозу независимости профессии. В выводах предлагаются альтернативы, такие как создание саморегулируемых организаций, реестров и реформа образования, подчеркивается антиконституционный и социально вредный характер законопроекта.

Ключевые слова: адвокатская монополия, Федеральная палата адвокатов, юридическая профессия, правовая реформа, профессиональная этика, самоуправление адвокатуры

Для цитирования: Рагулин А.В. «Адвокатская монополия»: разоблачение антинародной контрреформы в стенах парламента // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 69. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_69

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

«LAWYER'S MONOPOLY»: EXPOSING THE ANTI-PEOPLE COUNTER-REFORM IN PARLIAMENT

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of Moscow Advocate`s Chamber, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article provides a detailed analysis of the roundtable meeting held on October 9, 2025, in the State Duma of the Russian Federation under the auspices of the Communistic Party of Russian Federation faction on the topic «Protection of Citizens' Rights in the Field of Legal Services: The Role of the State and Professional Communities». The discussion centered on the bill aimed at professionalizing court representation, commonly referred to as the «lawyer`s monopoly». Drawing on the author's prior reports, the paper systematizes the speeches of 28 participants (politicians, officials, lawyers, attorneys, scholars, and students), highlighting key theses, quotes, and critical evaluations. The analysis reveals profound divisions within the legal community: proponents emphasize improving service quality through «monopolization» of legal profession, while opponents highlight violations of constitutional rights, rising service costs, and threats to professional independence. The conclusions propose alternatives such as self-regulatory organizations, registries, and educational reforms, underscoring the bill's unconstitutional and socially harmful nature.

© Рагулин А.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Keywords: lawyer's monopoly, Federal Chamber of Advocates, legal profession, legal reform, professional ethics, self-government of the bar

For citation: Ragulin A.V. «Lawyer's Monopoly»: Exposing the Anti-People Counter-Reform in Parliament = Eurasian Advocacy. 2025;5(76):69. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_69

9 октября 2025 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации состоялось заседание круглого стола, проведенного под эгидой фракции Коммунистической партии Российской Федерации на тему «Защита прав граждан в сфере юридических услуг: роль государства и профессиональных сообществ» [1–4].

Дискуссия была посвящена одной из наиболее резонансных реформ современной российской юридической профессии – законопроекту, направленному на профессионализацию судебного представительства, который в юридическом сообществе и средствах массовой информации получил устойчивое наименование «адвокатская монополия».

Как исследователь проблем организации и деятельности адвокатуры считаю данную дискуссию чрезвычайно показательной, поскольку она обнажает глубокие мировоззренческие, экономические и конституционно-правовые противоречия, существующие в российском юридическом сообществе.

Нужно отдать должное организаторам мероприятия. В рамках круглого стола были представлены полярные точки зрения: от официальной позиции Министерства юстиции и руководства Федеральной палаты адвокатов (ФПА) до мнений адвокатов, частнопрактикующих юристов, представителей юридического бизнеса, научного сообщества и студенчества.

В материале представлен анализ выступлений каждого участника круглого стола с выделением ключевых тезисов и цитат.

Анализ проведен через призму выводов, содержащихся в ранее подготовленных мной докладах «Один большой ужасный законопроект: «адвокатская монополия» как средство демонтажа независимой юридической профессии в России» [5, 6] и ««Захват» адвокатуры и преследование адвокатов в Российской Федерации: как вернуть независимость адвокатов и право граждан на защиту» [8].

1. Геннадий Андреевич Зюганов – руководитель фракции Политической партии КПРФ в Государственной Думе

Геннадий Зюганов выступил в роли модератора и открыл заседание, задав тон дискуссии. Его речь носила преимущественно политический и идеологический характер. Он начал с напоминания о предыдущих обсуждениях проблем роботизации и научно-технического прогресса, подчеркнув, что без развития ключевых отраслей страна не выйдет из тупика. Основной тезис его выступления – любая монополия неизбежно ведет к загниванию и является нарушением фундаментального закона развития – единства и борьбы противоположностей. Он привел статистику о количестве юристов и адвокатов в стране, указав на вероятное троекратное увеличение стоимости юридических услуг в случае принятия реформы, что сделает правосудие недоступным для половины страны, живущей на 25–30 тысяч рублей в месяц. Г-н Зюганов также поделился своим богатым, в том числе и печальным, опытом взаимодействия с правоохранительной и судебной системами, упомянув о 7 месяцах в Конституционном Суде, защите партийных газет и совхоза имени Ленина. Прозвучала мысль о том, что современная Россия нуждается в правовом равновесии между властью, обществом и законом. По мнению Зюганова, «монополизация» адвокатуры ведёт к «огосударствлению» профессии и уничтожению её защитной функции.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Хочу прямо сказать, любая монополия ведёт неизбежно к загниванию. Никакой монополии не должно быть».

2. «Если ввести монополию, эта цифра [стоимость трудового спора] утроится... По силе будет многим гражданам или нет? Абсолютно нет».

3. «Потому что на сегодня ровно полстраны живёт на 25–30 тысяч в среднем в месяц. Для многих это жалкое прозябание, и они не в состоянии ни писать ни заявления, ни обращение».

4. «Меня 300 раз судили, трижды обворовывали, в том числе и в этом здании... Я насмотрелся все жанры, все кадры».

5. «Будем искать главную составляющую, которая позволила бы защитить страну и всех нас от произвола».

Мнение о выступлении: Геннадий Зюганов продемонстрировал глубокое политическое чутье, безошибочно определив суть законопроекта как попытку установления губительной монополии, ведущей к загниванию. Этот тезис, как показывают доклады, имеет под собой серьезное научное обоснование: ликвидация конкуренции и создание закрытой корпоративной системы не-

избежно ведут к стагнации и снижению качества. Его акцент на катастрофических социально-экономических последствиях, в частности на недоступности правосудия для беднейших слоев населения, является ключевым правозащитным аргументом, полностью подтвержденным выводами доклада о неизбежном росте цен и снижении доступности юридической помощи. Личный опыт в противостоянии государственной машине придает его словам особую убедительность и подчеркивает жизненную необходимость существования подлинно независимых защитников, которых эта реформа призвана уничтожить. Таким образом, его выступление задало единственно верный, правозащитный и «антимонопольный» тон всей дальнейшей дискуссии.

2. Юрий Петрович Синельщиков – первый заместитель председателя Комитета по государственному строительству и законодательству, член фракции КПРФ

Юрий Синельщиков выступил с основным докладом, в котором системно изложил суть предлагаемой контрреформы и ключевые аргументы обеих сторон. Он начал с того, что законопроект, подготовленный Минюстом, устанавливает общее правило, согласно которому судебное представительство смогут осуществлять только адвокаты, за рядом исключений. Цель декларируется как повышение качества юридических услуг. Затем он методично перечислил девять основных аргументов сторонников контрреформы:

– Требования к статусу: наличие высшего образования, стажа и сдача сложного экзамена отсекает некомпетентных лиц;

– Ответственность: адвокат несет дисциплинарную ответственность вплоть до лишения статуса;

– Адвокатская тайна: закон защищает конфиденциальность информации клиента;

– Страхование ответственности: наличие финансовых гарантий для клиента (хотя и отметил, что норма приостановлена с 2007 года);

– Этика: наличие Кодекса профессиональной этики;

– Упорядочивание процесса: суду проще работать с профессионалами;

– Прозрачность: вывод юридических услуг из теневого сектора;

– Адвокатский иммунитет: защита от давления со стороны государства;

– Объединение всех на базе адвокатуры**:** создание единого сильного института.

Далее он изложил аргументы противников «адвокатской монополии», отметив, что контрреформа сделает услуги менее доступными (рост цен на 30–50 %), а тезис о повышении качества не подкреплен данными. Он подчеркнул, что многие узкопрофильные консультанты не имеют статуса адвоката, и их исключение из процесса не поспособствует качеству правосудия. Г-н Синельщиков также указал на конституционные риски, напомнив, что идея монополии была отвергнута при разработке Конституции, а КС РФ в 2004 году уже признавал неконституционным подобное ограничение. В завершение он сформулировал четыре ключевых вопроса для дискуссии, касающихся ограничения прав граждан, социально-экономических последствий, наличия альтернативных путей и рисков усиления административного давления на адвокатуру.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Предлагаемая реформа направлена на исключение сферы судебного представительства профессиональной группы, которая по своей численности превосходит адвокатский корпус почти в шесть раз».

2. «По оценкам специалистов, сейчас стоимость услуг адвоката в среднем на 30–50 % выше, чем у юриста без статуса».

3. «Качество юридической помощи определяется не формальным статусом, а квалификацией, опытом и, что немаловажно, нередко узкой специализацией».

4. «Идея «адвокатской монополии» обсуждалась при разработке основного закона ещё в девяносто третьем году, но была отвергнута».

5. «Предлагаю сосредоточиться на следующих вопросах. Первое. Не является ли предлагаемая модель чрезмерным ограничением прав граждан на свободный выбор представителя, а также прав десятков тысяч специалистов на труд и свободный выбор рода деятельности, гарантированных статьёй тридцать четвёртой, тридцать седьмой и сорок восьмой Конституции? Второе. Каковы подтверждённые расчётами социально-экономические последствия реформы? Мы слышим прогнозы о значительном росте цен и формировании юридических пустынь в регионах с низкой плотностью адвокатов, а на чём основано утверждение разработчиков об отсутствии негативных последствий для граждан и сектора малого и среднего предпринимательства? Третье. Рассмотрены ли в полной мере альтернативные, менее радикальные пути повышения качества юридической помощи? Почему установление «монополии» предпочтительнее таких механизмов, как введение единых стандартов для всех судебных представителей? Создание саморегулируемой организации

юристов по аналогии с другими отраслями, ну, по опыту Казахстана, например, внедрение обязательного страхования профессиональной ответственности или создание единого реестра аккредитованных судебных представителей. Четвёртое. Не создаём ли мы риски превращения независимого правового института в подконтрольную государственным органам структуру, что в конечном итоге может ослабить защиту прав граждан в их спорах с государством?».

Мнение о выступлении: доклад Юрия Синельщикова является эталоном системного и объективного анализа, который, представляя аргументы обеих сторон, с юридической точностью вскрывает все фундаментальные пороки и экзистенциальные угрозы законопроекта. Он абсолютно верно идентифицировал и перечислил все ключевые риски, которые детально проанализированы в докладе: от нарушения конституционных прав и роста цен до угрозы для узких специалистов и превращения адвокатуры в подконтрольный государству институт. Особую ценность представляет его напоминание о том, что идея монополии была отвергнута еще при разработке Конституции, а также о решении Конституционного Суда 2004 года, что подчеркивает антиконституционный характер текущей инициативы. Четыре вопроса, поставленные им в конце доклада, являются, по сути, обвинительным заключением для этого законопроекта, и каждый из них находит свое исчерпывающее подтверждение в выводах научного доклада, демонстрируя суть происходящего демонтажа независимой юридической профессии.

3. Максим Михайлович Бесхмельницын – заместитель министра юстиции Российской Федерации

Максим Бесхмельницын представил официальную позицию разработчика законопроекта. Он начал с категорического утверждения, что в законопроекте «нет адвокатской монополии», и у Минюста нет такой задачи. Он подчеркнул, что термин был озвучен в 2018 году, а нынешний проект – совершенно новый. Перечислил широкий круг лиц, которые сохранят право на представительство: законные представители, близкие родственники, сотрудники госюрбюро, патентные поверенные, штатные юристы компаний (включая холдинги), юристы НКО и профсоюзов, госслужащие, аудиторы и арбитражные управляющие. Отметил, что контрреформа не затронет споры в мировых судах, которые составляют 88 % от всех гражданских и административных дел, заверил, что вход в профессию для практикующих юристов сделан максимально комфортным, с переходным периодом до 2028 года и учетом стажа. Он опроверг тезис о неизбежном росте цен, заявив, что увеличение числа участников рынка (адвокатов) приведет к снижению расценок. Он также отметил, что судебное представительство – это не бизнес, а оказание правовой помощи, и контрреформа направлена на вывод юристов из «тени», где некоторые умудряются не платить налоги вообще.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Юрий Петрович, у нас нет «адвокатской монополии», и у Минюста нет такой задачи – сделать адвокатскую монополию».
2. «Данный законопроект не затрагивает споры, рассматриваемые мировыми судами, споры по административным правонарушениям... составляют 88 % от всех».
3. «Мы его [вход в профессию] сделали максимально комфортным, сделали переходный период до двадцать восьмого года».
4. «Я не вижу в этом никаких рисков [повышения расценок], потому что если адвокатское сообщество... чем больше участников, тем меньше расценки».
5. «Судебное представительство, ну, это не бизнес, понимаете?.. Судебный представитель, как правило, – это советник по юридическим вопросам».

Мнение о выступлении: выступление заместителя министра является образцом административно-бюрократической демагогии и сознательной подмены понятий, призванной закамуфлировать истинную, репрессивную сущность законопроекта. Стартовый тезис о том, что «у нас нет адвокатской монополии», является семантической уловкой, полностью соответствующей выводу доклада об использовании эвфемизма «профессионализация судебного представительства» для нивелирования негативной коннотации термина. Искомый термин, кстати, в юридической науке является устоявшимся, и первое его упоминание удалось обнаружить в работах, опубликованных в 1885 году [7]. Утверждение, что реформа не затронет мировые суды, где рассматривается 88 % дел, преподносится как акт заботы о гражданах, но на деле является циничным популистским жестом. Все это доказывает, что реальная цель – не защита граждан в самом массовом и уязвимом сегменте, а установление тотального контроля над более сложными, экономически и политически значимыми спорами в судах общей юрисдикции и арбитраже. Заверения в «максимально комфортном» входе в

профессию являются откровенным лукавством. Доклады убедительно доказывают, что для юристов не убираются, а скорее создаются новые дискриминационные барьеры: от уже имеющихся неподъемных вступительных взносов в адвокатских палатах и повышенной налоговой нагрузки до недавнего отсечения от профессии бакалавров юриспруденции. Аргумент о том, что увеличение числа адвокатов приведет к снижению цен, демонстрирует либо полное непонимание законов рынка, либо сознательное введение аудитории в заблуждение. Ранее опубликованный доклад неопровержимо доказывает обратное: уничтожение конкуренции со стороны в 5–20 раз более многочисленной группы юристов неминуемо приведет к резкому росту цен и снижению доступности правосудия. Идеологический пассаж о том, что «судебное представительство – это не бизнес», используется как ширма для оправдания ликвидации целого сектора экономики и нарушения фундаментального конституционного права на свободную экономическую деятельность (ст. 34 Конституции РФ), что подтверждает вывод доклада о консолидации лжи в пояснительной записке к законопроекту [5,6].

4. Дмитрий Владимирович Аграновский – адвокат

Дмитрий Аграновский занял взвешенную центристскую позицию. Он заявил, что термин «адвокатская монополия» носит обывательский характер, и корректнее говорить о «профессионализации судебного представительства». Ключевым понятием в его выступлении стал «контроль». Он утверждал, что контроль в юридической деятельности – это в абсолютном большинстве случаев хорошо, так как деятельность адвоката строго регламентирована законом, кодексом этики, и это заставляет поддерживать профессиональный уровень. В то же время он выразил опасение, что предлагаемый законопроект является «достаточно радикальной реформой». Он поставил под сомнение необходимость таких радикальных мер именно сейчас, указав на риск того, что это ударит по простым гражданам и даже по самой адвокатуре, которая испытает наплыв новых членов. Он предложил рассмотреть компромиссный вариант, сделать реформу более плавной или отсрочить ее, одновременно усилив меры контроля за юридическим сообществом вне адвокатуры.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Термин «адвокатская монополия», он, скорее, носит, наверное, обывательский характер. А, конечно, надо говорить о профессионализации судебного представительства».

2. «И можно их [проблемную сторону] выразить одним словом: контроль. Вот я, как адвокат-практик... могу сказать, что контроль в адвокатской деятельности... это в абсолютном большинстве хорошо».

3. «Предлагаемый законопроект, на мой взгляд, он предусматривает достаточно радикальную реформу. И вот надо подумать, нужны ли нам сейчас в этой области радикальные реформы».

4. «Вот есть система, которая складывалась долго... она сложилась... Эта система работает, конечно, у неё есть недостатки».

5. «При этом, наверное, усилить меры контроля за юридическим сообществом вне адвокатуры, так сказать, за вольными юристами».

Мнение о выступлении: призыв выступающего к «здоровому консерватизму» полностью созвучен выводу докладов об отсутствии каких-либо веских и доказанных причин для столь радикальной и разрушительной реформы. Спикер проницательно определил «контроль» как обоюдоострое лезвие, увидев в нем не только потенциальную пользу, но и угрозу. Его предложение о более плавном, эволюционном пути и рассмотрении альтернативных, менее радикальных механизмов регулирования – это именно тот взвешенный подход, на отсутствии которого настаивают критики реформы. Позиция господина Аграновского доказывает, что в адвокатском сообществе есть силы, способные критически мыслить и осознавать, что принудительная монополия в условиях тотального госконтроля губительна не только для «вольных юристов», но и для самой адвокатуры, лишая ее независимости и подрывая доверие общества.

5. Николай Васильевич Коломейцев – первый заместитель руководителя фракции КПРФ

Николай Коломейцев выступил как со-модератор, но также высказал свою позицию, подкрепив ее личным опытом. Он рассказал, как после выборов, которые он, по его словам, выиграл, а затем проиграл, ни один адвокат из двух палат Ростовской области не осмелился его защищать «по политическим мотивам». Ему пришлось привлекать независимых юристов. Этот пример он использовал для иллюстрации тезиса о необходимости существования независимых юристов, так как контроль над адвокатами «зачастую их заставляет замолчать». Он подчеркнул, что фракция не против усиления позиций адвокатов и квалифицированной помощи, но против ущемления права на защиту. Он также отметил, что суды сегодня перегружены, и введение «моно-

полии» при недостаточном количестве адвокатов лишь усугубит ситуацию.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Из двух адвокатских палат Ростовской области ни один адвокат не осмелился меня защищать по политическим мотивам».

2. «Поэтому я вынужден был, в том числе, привлечь Аграновского и независимых юристов, понимаете?»

3. «А возможность контроля над адвокатами... зачастую их заставляют замолчать. Почему? Говорят, будешь шибко умничать, сейчас отберём у тебя удостоверение».

4. «Поэтому мы за совершенствование законодательства, но не за ущемление прав на защиту».

5. «Поверьте, 73 000 адвокатов, вы знаете, что у нас суды сегодня перегружены».

Мнение о выступлении: приведенный Николаем Васильевичем личный пример – это не просто частный случай, а яркая иллюстрация системной проблемы, описанной в моем докладе «Захват» адвокатуры и преследование адвокатов в Российской Федерации: как вернуть независимость адвокатов и право граждан на защиту» [8]. В условиях «захваченной» адвокатуры, пронизанной страхом и зависимостью от власти, институт перестает выполнять свою правозащитную функцию. История о том, как региональная адвокатура отказалась защищать его по «политическим мотивам», наглядно показывает, что произойдет со всей системой юридической помощи, если она будет «монополизирована» такой корпорацией. Его вывод о том, что «возможность контроля над адвокатами зачастую их заставляет замолчать», – это точный диагноз, подтверждающий самые мрачные прогнозы доклада о создании «атмосферы репрессий и страха». Защищая необходимость существования независимых юристов, он, по сути, отстаивает последний бастион правозащиты в стране, который данный законопроект призван снести.

6. Андрей Анатольевич Бакрадзе – профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук

Андрей Бакрадзе выступил в защиту идеи реформы. Он построил свою аргументацию на аналогии с уголовным судопроизводством, где адвокатура уже имеет фактическую монополию, и общество доверило ей эту сферу, считая, что там не должно быть ошибок. Он задал риторический вопрос: разве гражданские дела имеют меньшую значимость, чтобы допускать там неквалифицированную помощь? Он также раскритиковал использование цифры в 400 000 «свободных юристов», утверждая, что не все из них ходят в суд, а те, кто ходит, могут безболезненно получить статус адвоката, для чего созданы комфортные условия. По его мнению, говорить о «монополии» и ограничении конкуренции некорректно, так как у частного юриста есть возможность получить статус, и ему никто не создает невыполнимых условий. Он также выразил сомнение в механизме повышения цен, утверждая, что адвокатские палаты не навязывают стоимость услуг, а лишь следят за ее соответствием объему выполненной работы.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Если мы исходим из логики, что раз по уголовным делам нужна квалифицированная помощь в лице адвокатов, то почему мы пренебрегаем этой же квалифицированной помощью при оказании... в рамках гражданского судопроизводства?»

2. «Вообще, надо сразу с этим термином разобраться, нет никакой «монополии», потому что адвокатура, она не ограничивает какой-либо другой институт в конкуренции».

3. «А какая здесь безвыходная ситуация для частнопрактикующих юристов? Просто нежелание сдать экзамен, ведь есть же возможность».

4. «Я не видел механизма повышения этой стоимости. То есть в какой момент эта стоимость должна увеличиться?»

5. «У адвокатов всё равно остаётся более широкий кругозор, потому что они каждое дело, когда берут, они ещё смотрят с точки зрения уголовных перспектив».

Мнение о выступлении: поддержка законопроекта со стороны профессора Бакрадзе демонстрирует опасный отрыв теоретических конструкций от суровой реальности, в которой, как доказывает мой доклад, российская адвокатура переживает глубокий кризис, вызванный «захватом» ее органов самоуправления государственными акторами и утратой независимости [8]. Его аналогия с уголовным процессом в корне порочна: именно в этой сфере наиболее ярко проявляются системные нарушения прав самих адвокатов, их преследование и неспособность корпорации их защитить, что делает распространение этой модели на всю юриспруденцию не реформой, а катастрофой. Легковесное утверждение, что юристам нужно «просто нежелание сдать экзамен», полностью игнорирует центральную проблему: их принуждают вступить не в сильный и независимый институт, а в «захваченную» государством,

недемократическую и репрессивную структуру. Отрицание грядущего роста цен свидетельствует о полном игнорировании экономических реалий, детально проанализированных в докладе, включая неизбежные издержки (взносы, налоги, страхование) и эффект от ликвидации конкуренции. Аргумент о «более широком кругозоре» адвоката является несостоятельным, поскольку он обесценивает уникальные компетенции узкопрофильных специалистов, которые будут вытеснены с рынка, что приведет не к повышению, а к деградации и снижению качества юридической помощи в сложных, специализированных отраслях права, таких как таможенное, налоговое право или право в сфере IT. Таким образом, выступление представителя научного сообщества, к сожалению, послужило не объективному анализу, а легитимации антиправовой контрреформы.

7. Лилия Васильевна Гуменюк – генеральный директор ООО «ОРЛЕАН», юрист

Лилия Гуменюк выступила как представитель регионального юридического бизнеса и выразила категорическое неприятие реформы. Ее ключевой тезис: «Не стоит ломать то, что уже хорошо работает». Она заявила, что в стране уже существует работающая модель оказания юридической помощи, где представителями могут быть лица с высшим юридическим образованием, и у граждан есть свобода выбора. По ее мнению, законопроект не решает проблему недобросовестных практик, так как ни один статус не гарантирует защиту от ошибок или преступлений. Она перечислила негативные последствия реформы: граждане потеряют доступ к узкоквалифицированным специалистам, тысячи юридических бизнесов закроются, государство получит снижение налогов и рост теневого сектора. Она подчеркнула, что юридическое сообщество по всей стране выражает несогласие, и это не протест, а обоснованное мнение практиков, которые просят не разрушать работающую экосистему.

Наиболее яркие высказывания:

1. «И я хочу поделиться с вами простым выводом... Не стоит ломать то, что уже хорошо работает».

2. «Ни один статус... ни один статус не гарантирует от ошибок или преступлений».

3. «Мы рискуем спровоцировать напряжение в профессиональной среде, особенно в период, когда в стране важна консолидация, а не дестабилизация».

4. «Мы за баланс, здравый смысл и эволюционное развитие правовой системы, а не за революционные запреты».

5. «Это не протест, это обоснованное мнение практиков, которые просят: «Не разрушайте экосистему, которая работает».

Мнение о выступлении: Лилия Васильевна выступила как яркий и убедительный представитель тысяч профессионалов и целого сегмента малого и среднего бизнеса в юридической сфере, который данный законопроект приговаривает к ликвидации. Ее фраза «не стоит ломать то, что уже хорошо работает» – это квинтэссенция здравого смысла и прямое возражение на бездоказательные утверждения о «критическом» состоянии рынка. Она абсолютно точно перечисляет все негативные последствия, проанализированные в докладе: рост цен, снижение доступности помощи, уничтожение узких специалистов, рост теневого сектора и социальная напряженность. Особо важен ее тезис о том, что выступление юридического сообщества – это не «протест», а «обоснованное мнение практиков». Это подтверждает вывод доклада о массовом неприятии реформы в профессиональной среде. Ее речь – это мощный призыв к законодателям услышать голос реальной экономики и практикующих юристов, а не следовать догмам чиновников и функционеров ФПА.

8. Вадим Витальевич Чубаров – вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

Вадим Чубаров представил позицию бизнес-сообщества, объединенного ТПП. Он подтвердил оценку численности юристов вне адвокатуры в 440 000 человек и отметил, что законопроект вызывает обеспокоенность у членов палаты. Он перечислил основные риски для бизнеса:

– Рост издержек: малый и средний бизнес в основном обращается не к адвокатам, а к альтернативным юристам;

– Трудности для корпоративных юристов: в сложных холдинговых структурах юристы могут быть выделены в отдельные образования, и им придется доказывать свою аффилированность;

– Высокие взносы в адвокатуру в регионах;

– Ограничение диверсификации и инноваций: в специфических сферах (антимонопольное право, недвижимость) бизнес обращается к узкопрофильным специалистам, которые часто не являются адвокатами;

– Риск ухода части рынка в тень. Он подчеркнул, что такое резкое перераспределение рынка требует серьезного обдумывания. В качестве альтернативы он предложил рассмотреть модель саморегулируемой организации (СРО). Также он высказал предложение продлить срок вступления реформы в силу и настоял на том, чтобы ТПП, в

силу закона, сохранила право представлять интересы своих членов в судах.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Если будет введён этот законопроект, вырастут издержки бизнеса. Всё-таки... малый и средний бизнес в основном обращается не к адвокатам».

2. «Перераспределение рынка весьма существенное... разом взять и переместить. Над этим нужно ещё серьёзно очень подумать».

3. «Может быть, даже здесь бы говорилось о каких-то промежуточных моделях. Ну, например, модель саморегулируемой организации».

4. «Двадцать восьмой год не за горами, это пролетит буквально очень и очень быстро».

5. «Мы будем настаивать на том, чтобы мы как палата в силу закона... получили бы право представлять интересы наших членов в судах».

Мнение о выступлении: позиция, озвученная Вадимом Витальевичем от имени крупнейшего бизнес-объединения, является неопровержимым доказательством провала оценки регулирующего воздействия законопроекта (которая разработчиками законопроекта не производилась), на что указывается и в докладе. Он методично перечислил все прямые финансовые издержки и риски для малого и среднего бизнеса, которые разработчики законопроекта цинично и бездоказательно объявили несуществующими. Его указание на потерю доступа к узкопрофильным специалистам в специфических отраслях (антимонопольное право, споры по недвижимости) полностью подтверждает вывод доклада о неминуемом снижении качества юридической помощи для бизнеса. Предлагая рассмотреть альтернативную модель СРО, он демонстрирует готовность к конструктивному диалогу и поиску соразмерных решений, что резко контрастирует с ультимативным и безальтернативным подходом Минюста и ФПА. Его выступление – это веское предупреждение о том, что контрреформа нанесет прямой удар по экономике страны, препятствуя развитию предпринимательства.

9. Алексей Павлович Галоганов – вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент АП Московской области

Алексей Галоганов, как один из высших функционеров Федеральной палаты адвокатов, выступил с позиций убежденного и последовательного сторонника реформы. Его речь, построенная как исторический экскурс, была призвана продемонстрировать историческую предопределенность и безальтернативность предлагаемого объединения всех судебных представителей на базе адвокатуры. Он начал свое выступление с трех терминологических «ремарок», которые задали тон всей его аргументации: категорическое отрицание термина «монополия», противопоставление публично-правовой «помощи» коммерческим «услугам» и уточнение, что юристы «ведут дела», а не выигрывают или проигрывают их. Далее он представил ретроспективу развития юридической профессии в России: от «золотого века» присяжной адвокатуры через стойкую советскую адвокатуру к хаосу 1990-х, который, по его мнению, был вызван отменой лицензирования юридической деятельности в 1998 году. Современный рынок юридических услуг был охарактеризован им как «абсолютно неконтролируемая никем деятельность». В качестве доказательства он привел вопиющие примеры коммерческих фирм (ООО), которые не только незаконно используют слово «адвокат» в своих названиях, но и имеют в видах деятельности такие абсурдные пункты, как «подача напитков». Завершил свое выступление спикер призывом к «вольным юристам» вступать в ряды адвокатуры, пообещав им создание «комфортных» условий для перехода, чтобы они могли сохранить своих клиентов и «называться настоящими адвокатами».

Наиболее яркие высказывания:

1. «Где написано слово «монополия»? В каком законопроекте? Кто придумал это слово?»

2. «Никогда адвокаты, да и юристы не оказывают услуги. Они оказывают правовую помощь населению и оказывают её достойно».

3. «Появилась в России неконтролируемо... Абсолютно не контролируемая никем деятельность».

4.«Давайте сделаем так, чтобы им было комфортно, чтобы вы сохранили своих клиентов, и чтобы вам было уютно, и чтобы вас называли адвокатами, действительно настоящими адвокатами».

Мнение о выступлении: речь господина Галоганова является хрестоматийным образцом официальной риторики руководства ФПА, направленной на оправдание захвата рынка юридических услуг. Его стартовый демагогический прием – отрицание самого термина «монополия» и противопоставление «помощи» «услугам» – призван замаскировать антиконституционную сущность реформы, которая посягает на свободу труда и предпринимательской деятельности. Исторический экскурс используется для манипулятивного построения мифа о том, что ФПА является единственным легитимным наследником великой дореволюционной адвокатуры, а весь остальной

юридический мир – это не более чем хаотичное и некомпетентное наследие «лихих девяностых». Приводя единичные абсурдные примеры фирм, «подающих напитки», спикер намеренно дискредитирует сотни тысяч добросовестных профессионалов, чтобы оправдать их ликвидацию как класса. Обещание «комфортного» входа в адвокатуру является откровенным лукавством, полностью игнорирующим реальные экономические, административные и квалификационные барьеры, а главное – нежелание свободных юристов вступать в забюрократизированную и подконтрольную государству корпорацию. Выступление наглядно демонстрирует полное игнорирование руководством ФПА аргументов оппонентов и его истинную цель – не повышение качества помощи, а установление тотального корпоративного контроля над профессией в союзе с государством.

10. Гасан Борисович Мирзоев – вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов

Гасан Мирзоев выступил с эмоциональной речью в поддержку реформы, апеллируя к истории и социальной справедливости. Он заявил, что дискуссия напоминает ему 1999–2000 годы, когда принимался закон об адвокатуре. Ключевой мыслью его выступления было то, что речь идет не об адвокатуре, а о «населении, о простых людях», которым сегодня помогают в основном адвокаты, в том числе бесплатно. Он скептически отнесся к цифре в 400 000 юристов, утверждая, что реально практикующих чуть более 200 000, и они находятся без всякого контроля. Он призвал их вступать в адвокатуру в упрощенном порядке. По его мнению, противники реформы – это те, кто хочет оставаться «сами себе хозяевами», зарабатывать сколько хотят без контроля, что является наследием идей Чубайса. Он завершил речь тезисом о том, что «незащищенный адвокат – это незащищенный россиянин» и что усиление статуса адвоката и общий контроль приведут к повышению эффективности защиты.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Слушайте, а речь-то идёт о населении, о простых людях. Кто сегодня им помогает?»

2. «Ну давайте, пусть они в упрощённом порядке... вступят в адвокатуру, то же самое делают».

3. «На самом деле, по-честному, давайте помужски перед Господом Богом говорить, это наши ребята, они сами себе хозяева. Они делают ровно то, что хотел Чубайс».

4. «А незащищённый адвокат – это незащищённый россиянин».

5. «Господь Бог будет помогать адвокатам тогда, когда у них усилится статус, когда будет общий контроль за их деятельностью».

Мнение о выступлении: патетическое выступление господина Мирзоева является хрестоматийным примером того, как руководство ФПА, действуя в симбиозе с государством и вразрез с интересами профессии, лоббирует губительные для независимой адвокатуры инициативы. Его апелляция к «простым людям» и их защите – верх цинизма, поскольку законопроект, как убедительно доказывает доклад, приведет к окончательному лишению граждан возможности получения юридической помощи от независимых юристов и резкому снижению доступности правосудия из-за роста цен [5, 6]. Использование пропагандистского клише о «последователях Чубайса» – это демагогический прием, призванный избежать содержательной дискуссии и дискредитировать оппонентов, что полностью соответствует тактике ФПА, игнорирующей любую аргументированную критику. Ключевая фраза «незащищенный адвокат – это незащищенный россиянин» в контексте данного законопроекта звучит как злая ирония. Именно этот законопроект, как детально показано в докладе, финализирует процесс демонтажа гарантий независимости адвокатов, вводя беспрецедентные механизмы контроля со стороны Минюста, включая право инициировать лишение статуса и обжаловать решения органов адвокатуры вплоть до суда. Господин Мирзоев, по сути, призывает юристов войти в горящий дом, уверяя, что там безопасно. Его выступление является неопровержимым доказательством вывода доклада о том, что ФПА совершает акт стратегического предательства интересов российской адвокатуры, выступая соавтором ее уничтожения как независимого института [8].

11. Сергей Вячеславович Колосовский – адвокат

Сергей Колосовский выступил как убежденный сторонник контрреформы, используя резкую и полемическую манеру. Он назвал слово «монополия» выдумкой тех, «кто не мог выговорить «профессионализация рынка». Он отверг саму идею «монополии», указав, что адвокатские палаты есть в каждом субъекте, а вступить в них может любой юрист, способный сдать «достаточно простой экзамен». Цель законопроекта, по его словам, – борьба с мошенниками и бессистемным рынком. Он заявил, что система контроля предполагает два условия: допуск к профессии и дисциплинарные меры, и такая система уже существует в виде адвокатуры, поэтому не нужно

выдумывать альтернативы вроде СРО. Ключевым и наиболее острым его тезисом стало утверждение, что истинная причина протеста «несистемных юристов» – это нежелание платить налоги (13–15 % НДФЛ у адвокатов против 4–6 % или 0 % у юристов) и находиться под контролем.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Вот это вот слово «монополия», оно вообще откуда взялось? Его придумали те, кто не мог выговорить «профессионализация рынка».

2. «Способность сдать достаточно простой, не соглашусь с предыдущими выступающими, ...достаточно простой экзамен, достаточно поверхностный».

3. «И вот именно за вот эту вот бесконтрольность и бьётся на самом деле большинство несистемных юристов».

4. «Вот вам плохо, вы хотите, чтобы нам было плохо, ребят? Нет, я хочу, чтобы нам тоже обсудили введение упрощённой системы налогообложения».

5. А вас, господа, просто вовлекли в борьбу с «монополией», скрыв истинную причину вот этого протеста».

Мнение о выступлении: агрессивно-популистская риторика господина Колосовского вскрывает истинную подоплеку законопроекта: это не реформа качества, а карательная операция против независимых юристов, замаскированная под борьбу с мошенниками. Его характеристика экзамена как «достаточно простого» – это проявление корпоративного высокомерия, игнорирующего реальные финансовые и квалификационные барьеры. Главный его тезис – о борьбе с «недобросовестными юристами» и «бесконтрольностью» – это именно та стратегия «троянского коня», которую разоблачает доклад [5, 6]. Законопроект не решает проблему мошенников (которые часто и не ходят в суд), а ликвидирует огромный пласт добросовестных профессионалов, составляющих им конкуренцию. Его аргумент о налогах – это циничная попытка стравить юристов между собой и отвлечь внимание от главной цели – установления государственного контроля. Доклад же показывает, что, с точки зрения бюджета, реформа контрпродуктивна и приведет к потере значительных налоговых поступлений, например, от юридических фирм, платящих НДС. Выступление господина Колосовского, с его разделением сообщества на «чистых» (адвокатов) и «нечистых» (всех остальных), является ярким проявлением атмосферы подавления инакомыслия, культивируемой руководством ФПА, где любая оппозиция и конкуренция клеймятся как проявление корысти и непрофессионализма.

12. Венера Камилевна Шайдуллина – директор исследовательского центра «Аналитика. Бизнес. Право»

Венера Шайдуллина представила результаты исследования своего центра, на которые ссылались многие участники. Она подчеркнула, что сам факт дискуссии вокруг исследования доказывает необходимость проведения официальной оценки регулирующего воздействия (ОРВ) законопроекта. Она подтвердила цифру в 440 000 юристов без статуса, основанную, в том числе, на данных Минюста и ФНС. Касательно цен она сослалась на теорию спроса и предложения Адама Смита и заявила, что, по их оценкам, основанным на анализе рынка, рост цен составит до 155 % (при этом средняя разница в стоимости услуг адвоката и юриста уже сейчас составляет около 30 %). Наиболее важной частью ее выступления стал анализ налоговых последствий. Она указала, что основные налоговые поступления идут не от самозанятых, а от крупных юридических компаний, платящих НДС. При переходе юристов в адвокатуру (которая освобождена от НДС) бюджетные потери только от сферы судебного представительства могут составить до 20 млрд рублей. Она заключила, что разница между юристом и адвокатом в том, что юрист – это предприниматель, а адвокат – нет, и поэтому необходимо рассмотреть более мягкие варианты регулирования, как, например, реестр консультантов в Казахстане.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Вам не кажется, что вообще в принципе дискуссия об исследовании говорит о том, что должна быть проведена оценка регулирующего воздействия?»

2. «По нашим оценкам, рост [цен] составит примерно 155 %».

3. «Мы с вами прекрасно понимаем, что основные налоговые поступления у нас идут от НДС».

4. «Примерные бюджетные потери могут составить 20 млрд... При этом не от всего юридического рынка... а только от судебного представительства».

5. «Юрист – это предприниматель, как бы вы ни хотели говорить о том, что это не так... адвокатская деятельность – это профессиональная деятельность. И в этом разница».

Мнение о выступлении: выступление Венеры Шайдуллиной является тем самым «холодным душем» для сторонников «адвокатской монопо-

лии», состоящим из фактов и цифр, который полностью уничтожает демагогические и голословные конструкции сторонников реформы. Ее опора на данные ФНС, экономическую теорию и строгие расчеты представляет собой образец научного, доказательного подхода, в котором так остро нуждалась эта дискуссия. Она не просто подтвердила колоссальную численность независимых юристов, но и дала убийственную для законопроекта оценку его последствий: катастрофический рост цен до 155 % и прямые потери для государственного бюджета в размере до 20 миллиардов рублей только от НДС. Этот аргумент полностью разоблачает ложь разработчиков об отсутствии негативных социально-экономических последствий. Ее четкое разграничение юриста-предпринимателя и адвоката как представителя профессиональной, а не предпринимательской деятельности, вскрывает идеологическую подоплеку контрреформы – уничтожение целого класса экономического актива под видом наведения порядка. Требование провести официальную оценку регулирующего воздействия – это прямой вызов чиновникам, которые пытаются «вслепую» протолкнуть разрушительный для экономики и граждан законопроект.

13. Елена Георгиевна Авакян – руководитель цифровой трансформации адвокатуры России

Елена Авакян, имея опыт работы и на госслужбе, и в СРО, и в адвокатуре, выступила с позиции адвоката, сделавшего осознанный выбор. Она заявила, что адвокатура никогда не стремилась «загнать к себе всех», а была вынуждена «подставить плечо» государству, когда возникла необходимость регулировать рынок. Она резко раскритиковала идею СРО, ссылаясь на опыт постсоветских стран, где это привело лишь к «разрыванию рынка на части» и «торговле благодатью». Она признала, что приток большого количества активных юристов приведет к полному изменению адвокатуры, и в нынешнем формате она не сохранится, но подчеркнула, что адвокатура к этой реформе готова. Она также напомнила, что в 2022 году иностранные юридические фирмы, для которых во многом и сохранялся нерегулируемый рынок, «встали, плюнув на всех своих клиентов, развернулись и ушли». Ее выступление было построено на идее о том, что адвокатура, как институт гражданского общества, берет на себя сложную миссию по упорядочиванию профессии.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Адвокатура в ситуации, когда было сказано государством, что нам необходимо регулировать рынок... вынуждена подставить плечо».
2. «Ни одна страна не может похвастаться тем, что она удовлетворена той моделью, которая у них возникла после саморегулирования».
3. «В нынешнем её формате адвокатура не сохранится после реформы. Но мы на эту реформу готовы».
4. «Иностранные юридические фирмы, которые что сделали в двадцать втором году, встали, плюнув на всех своих клиентов, развернулись и ушли».
5. «Выстояла адвокатура российская и после революции, и во время войны... Выстоит и сейчас».

Мнение о выступлении: выступление госпожи Авакян – это яркий пример корпоративного сервилизма и попытки представить акт государственно-рейдерского захвата рынка юридических услуг как благородную миссию. Тезис о том, что адвокатура была «вынуждена подставить плечо» юристов государству, является верхом лицемерия: на самом деле, руководство ФПА стало соучастником и главным лоббистом уничтожения своих же коллег-юристов. Ее пренебрежительная критика идеи СРО, основанная на туманных ссылках на неудачный опыт других стран, призвана отбросить единственную реальную альтернативу тотальной «монополии» без какой-либо серьезной аргументации. Патриотический пассаж об ушедших иностранных фирмах – это дешевая демагогическая уловка, призванная отвлечь внимание от того, что законопроект направлен на уничтожение именно отечественного юридического бизнеса. Самое страшное признание заключается в ее словах: «В нынешнем её формате адвокатура не сохранится после реформы. Но мы на эту реформу готовы». Это прямое подтверждение того, что руководство ФПА сознательно идет на демонтаж независимой адвокатуры и ее превращение в подконтрольный государству придаток, что является стратегическим предательством интересов всей профессии.

14. Борис Андреевич Асриян – адвокат, Председатель Коллегии адвокатов «Династия»

Борис Асриян посвятил свое выступление узкой, но важной проблеме – отсутствию в законе требования о наличии российского гражданства для получения статуса адвоката. Он отметил, что взносы от адвокатов-иностранцев могут рассматриваться банками как иностранное финансирование некоммерческой организации (коллегии адвокатов). Он сослался на конвенцию ООН, согласно которой требование о наличии гражданства для юристов не является дискриминационным, и предложил уделить внимание этому вопросу при доработке законодательства.

Наиболее яркие высказывания:

1. «У нас в законе об адвокатуре... не указано, что это должен быть гражданин Российской Федерации».

2. «Что делать, если их конституция, конституция их страны [адвокатов – неграждан России] противоречит российской?»

3. «Откуда у нас будут сведения о судимости в иностранном государстве?»

4. «Фактически мы, как некоммерческая организация, подпадали под обязанность подавать отчёт... по иностранному финансированию»».

5. «Предлагаю рассмотреть этот вопрос и, возможно, тоже уделить внимание, учитывая вот сегодняшнюю обстановку».

Мнение о выступлении: выступление господина Асрияна – это классический пример тактики «отвлечения на негодный объект». В момент, когда обсуждается экзистенциальная угроза для всей юридической профессии, когда речь идет о нарушении Конституции и уничтожении прав десятков тысяч юристов и миллионов граждан, он посвящает свое выступление узкой проблеме отсутствия требования о гражданстве для адвокатов. Безусловно, поднятые им вопросы о присяге или проверке на судимость могут иметь определенное техническое значение. Однако фокусировка на них в контексте данной дискуссии является интеллектуальной диверсией, создающей иллюзию конструктивного обсуждения деталей законопроекта, в то время как его репрессивная и антиправовая суть остается за скобками. Это попытка увести разговор от фундаментальных проблем (утрата независимости, тотальный контроль Минюста, рост цен) к второстепенным вопросам, которые не волнуют никого, кроме узкого круга функционеров. Такое выступление демонстрирует либо полное непонимание масштаба происходящей катастрофы, либо сознательное желание помочь разработчикам законопроекта «замылить» повестку и избежать обсуждения самых острых и неудобных тем.

15. Иван Александрович Брикульский – руководитель Центра конституционного правосудия

Иван Брикульский представил фундаментальный конституционно-правовой анализ, выступив резко против реформы. Он заявил, что ссылка на ст. 48 Конституции (о праве на квалифицированную помощь) для оправдания монополии некорректна. Он определил конституционное право как «возможность... свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения», и отметил, что человек сам должен выбирать, кто его будет представлять. По его мнению, одна статья 48 не может «преодолевать» все прочие конституционные нормы, такие как ст. 19 (равноправие), ст. 34 (свобода предпринимательской деятельности) и ст. 37 (свобода труда). Он также утверждал, что аргументация законопроекта не проходит «тест на пропорциональность», так как не доказано, что не использованы иные, менее обременительные подходы. Самым сильным его аргументом стала ссылка на практику Конституционного Суда, который, по его словам, уже неоднократно и четко указывал, что из статьи 48 «не следует возможность введения монополии».

Наиболее яркие высказывания:

1. «Конституционное право – это... возможность, позволяющая каждому... свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения».

2. «Ну, логически не преодолевает она [статья 48] всё прочие у нас гарантии».

3. «А использованы ли иные, менее обременительные для наших конституционных прав средства, которые позволяют добиться повышения качества юруслуг?»

4. «Я бы назвал это ошибкой пятиклассника, когда в своей аргументации ссылаются на постановления Конституционного Суда».

5. «Конституционный Суд-то чётко сказал, что из статьи сорок восьмой как раз-таки не следует то, о чём говорят».

Мнение о выступлении: спикер представил фундаментальное научное опровержение всей идеологической базы законопроекта с позиций конституционного права. Его анализ доказывает, что законопроект не просто спорен, а антиконституционен по своей сути. Он абсолютно верно указывает, что ссылка на ст. 48 Конституции используется для оправдания прямо противоположных ей идей, что в докладе названо «жонглированием искаженным тезисом» и «манипуляцией термином «публичный интерес». Его тезис о том, что конституционное право – это возможность свободного выбора, является краеугольным камнем критики. Самый сокрушительный его аргумент – это ссылка на устоявшуюся практику Конституционного Суда, который уже неоднократно и прямо отвергал саму возможность введения подобной «монополии». Это доказывает, что разработчики законопроекта сознательно игнорируют высший судебный орган страны. Его выступление – это блестящее подтверждение вывода доклада о том, что законопроект вступает в противоречие со значительным числом положений Конституции РФ и не соответствует идеям и принципам правового государства.

16. Светлана Сергеевна Волкова – частнопрактикующий юрист

Светлана Волкова выступила от лица тех, кого непосредственно затрагивает реформа, – частнопрактикующих юристов. Она назвала «монополию» не развитием профессии, а ограничением доступа к правосудию. Ключевой ее аргумент – колоссальный рост цен минимум на 30 %, который сделает правовую помощь недоступной для пенсионеров и многодетных семей. Причиной роста цен она назвала разницу в налоговой нагрузке и обязательные взносы для адвокатов. По ее мнению, граждане будут вынуждены либо отказываться от защиты прав, либо представлять себя в суде самостоятельно, что увеличит нагрузку на судей и снизит качество правосудия. Она подчеркнула, что сейчас люди вправе выбирать специалиста «по своему карману», и этот выбор будет уничтожен. Она также сослалась на отчет Адвокатской палаты Москвы, согласно которому 30 % обращений – это жалобы на действия адвокатов, что, по ее мнению, ставит под сомнение тезис о гарантированно высоком качестве их работы.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Адвокатская «монополия» – это не развитие профессии, а ограничение доступа к правосудию».

2. «Позволит ли себе какой-либо пенсионер либо многодетная семья защищать свои права в суде, учитывая то, что стоимость... вырастет на 30 %?»

3. «Если люди, не имеющие денежных средств, пойдут сами себя защищать суд, суды будут тратить ещё больше времени».

4. «Сейчас же люди у нас вправе выбирать специалиста по своему карману».

5. «Граждане жалуются на адвокатов, 30 % обращений. Поэтому в том виде, в котором законопроект есть сейчас, он, на мой взгляд, не направлен на профессионализацию».

Мнение о выступлении: выступление Светланы Сергеевны – это пронзительный и юридически грамотный голос тех профессионалов, которых реформа лишает права на труд. Она справедливо называет законопроект «ограничением доступа к правосудию» и дает исчерпывающе точный экономический анализ причин неизбежного и колоссального роста цен, полностью подтверждая выводы докладов. Она очень точно предсказывает последствия: граждане будут вынуждены либо отказываться от защиты, либо идти в суд самостоятельно, что приведет к коллапсу и снижению качества судебной работы. Ее тезис о том, что люди сейчас вправе выбирать специалиста «по своему карману», а контрреформа это право уничтожит, – это ключевой правозащитный аргумент. Ее ссылка на официальную статистику Адвокатской палаты о 30 % жалоб на самих адвокатов – это мощный удар по мифу о безупречном качестве адвокатской помощи и доказательство того, что статус сам по себе не является панацеей, как это утверждается и в докладе.

17. Ольга Игоревна Власова – председатель МГКА «Власова и партнеры», советник ФПА Российской Федерации

Ольга Власова, будучи адвокатом, выступила с целью «развеять легенды и мифы вольных юристов». Она опровергла утверждение, что все адвокаты – это специалисты по уголовным делам, и что в адвокатуре нет узких специалистов, сославшись на правовые рейтинги. Она подчеркнула, что адвокатура – это уникальный институт, который занимается не только судебным представительством, но и «правозаступничеством», защищая интересы не только частных лиц, но и общества, и государства. Главной проблемой законопроекта она назвала то, что в гражданском и арбитражном процессе роль адвоката сводится к роли обычного представителя по доверенности, что недопустимо. По ее мнению, адвокат должен иметь особый статус, и неучастие профессионального представителя в суде должно быть основанием для отмены решения. Она также заявила, что 90 % «вольных юристов» работают по «договору с физлицом и расписке», не платя налогов.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Я представляю из себя тот вид адвоката, который, по мнению вольных юристов, в принципе, в природе не существует».

2. «Говорить о том, что есть какие-то узкоспециальные специалисты, которых нет в адвокатуре, но это тоже несерьёзно».

3. «Я категорически не согласна с тем, что в гражданском арбитражном и административном процессе роль адвоката сводится к роли просто обычного представителя по доверенности».

4. «Я вам хочу сказать, что 90 % вольных юристов – это договор с физическим лицом и расписка о получении денежных средств. Такие ваши коллеги, поверьте мне, налогов не платят».

5. «У нас куда-то потерялся самый главный принцип, принцип адвокатского служения».

Мнение о выступлении: выступление госпожи Власовой, несмотря на ее попытку позиционировать себя как прогрессивного цивилиста, демонстрирует глубокое непонимание или сознательное игнорирование системных угроз и

опасно наивную веру в то, что можно укрепить статус адвоката, одновременно поддерживая законопроект, который этот статус уничтожает. Ее бездоказательное и уничижительное заявление о «90 % вольных юристов», не платящих налоги, лишь подтверждает тактику дискредитации конкурентов, описанную в докладе. Ее справедливое желание видеть в адвокате не просто «обычного представителя» вступает в вопиющее противоречие с ее поддержкой законопроекта, который, как доказывает ранее опубликованный мною доклад, превращает адвоката из независимого советника в «поднадзорный придаток исполнительной власти» и «зависимого запуганного бесправного клерка». Она сокрушается об утрате «принципа адвокатского служения», но не видит, что именно предлагаемая система тотального контроля, иерархии и подчинения государству окончательно подменит служение обществу и праву на служение административной вертикали и собственному выживанию. Ее позиция – трагический пример того, как часть адвокатского сообщества, ослепленная идеей корпоративной монополии, не замечает, что помогает государству строить ту самую «клетку», в которой окажутся заперты и они сами, и те, кого они сегодня с презрением называют «вольными юристами».

18. Константин Александрович Дождев – председатель СРО «Союз юристов, судебных представителей»

Константин Дождев посвятил свое выступление продвижению альтернативного пути регулирования – через создание саморегулируемой организации (СРО) юристов, которую они с коллегами уже учредили. Он сообщил, что по итогам проведенных ими всероссийских общественных обсуждений был сделан вывод, что «гражданское общество... не располагает доверием к руководству сегодняшних адвокатских палат» и категорически не принимает политику Федеральной палаты адвокатов. Именно поэтому, по его словам, общество поддержало идею СРО. Он подверг критике ключевые атрибуты адвокатуры: Кодекс этики он назвал просто «сводом правил», не более ценным, чем стандарты их профсоюза; квалификационный экзамен – эмпирическим подходом, противопоставив ему доверие к государственному диплому; а вступительные взносы – непомерными. Он также отметил, что законопроект отбирает у адвокатов избирательное право внутри корпорации.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Я буду говорить только о СРО, о саморегулируемой организации юристов, судебных представителей, которую мы учредили уже».

2. «Гражданское общество... не располагает доверием к руководству сегодняшних адвокатских палат».

3. «Федеральная палата адвокатов... Это не государственная, не коммерческая организация. Это такое же НКО, как и любое иное».

4. «Нам говорят: «Есть кодекс этики». А давайте честно говорить, это же свод правил».

5. «Мы доверяем государству. Если Государственная экзаменационная комиссия говорит, что... человек достоин получить квалификацию юриста, ...то мы, например, в СРО это принимаем за истину».

Мнение о выступлении: выступая от имени зарождающейся альтернативной структуры, Константин Александрович абсолютно точно диагностировал глубочайший кризис легитимности и доверия адвокатов и юристов к официальным органам адвокатского самоуправления – ФПА и региональным палатам. Его данные о результатах общественных слушаний, выявивших массовое неприятие политики руководства ФПА, служат прямым подтверждением выводов доклада о «захвате» этих органов, их антиадвокатской и антиобщественной деятельности. Он справедливо деконструирует фетишизированные атрибуты адвокатуры: Кодекс этики – как простой «свод правил», экзамен – как недоверие к государственному диплому, взносы – как необоснованные поборы. Его выступление показывает, что в профессиональной среде существует мощный запрос на подлинное, демократическое саморегулирование, который нынешняя система, а тем более предлагаемая контрреформа, не просто не удовлетворяет, а стремится подавить, загоняя всех в дискредитировавший себя институт.

19. Виктор Александрович Дроздов – адвокат, член АП города Санкт-Петербурга

Виктор Дроздов, будучи адвокатом, выступил с резкой критикой как самой контрреформы, так и внутреннего состояния адвокатуры. Он заявил, что в адвокатуре проблем «больше, чем приватизация права граждан на судебное представительство». Он указал на серьезную юридическую проблему: Кодекс профессиональной этики, являясь бланкетной нормой в законе, изменяется на съезде, где рядовые адвокаты не представлены, но затем становится для них обязательным. По его мнению, такие изменения должна утверждать Государственная Дума. Он также раскритиковал выступление министра юстиции Чуйченко, который, по его словам, поставил интересы государства выше прав граждан, что противоречит статье 18 Конституции. Он считает, что главная про-

блема – не в отсутствии монополии, а в том, что адвокатура не готова к этой роли из-за внутренних проблем и недостаточной независимости.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Проблем в адвокатуре больше, чем приватизация права граждан на судебное представительство».

2. «Кодекс профессиональной этики меняется на съезде, так называемом, адвокатов, где адвокаты отсутствуют».

3. «Адвокаты – не члены Федеральной палаты адвокатов, если кто не знает. А потом им предлагают это принимать как данность, чтобы платить деньги на содержание Федеральной палаты адвокатов».

4. «Министр юстиции во всеуслышание... сказал, что она [статья 18] в прошлом, и нам нужно якобы защищать государство. Да как же так?»

5. «Нельзя допустить, чтобы адвокатура была [подконтрольна]».

Мнение о выступлении: ценность выступления адвоката Виктора Дроздова состоит, прежде всего, в том, что он, будучи частью системы, не побоялся вскрыть ее глубокие внутренние пороки и недемократичность, что придает его критике особую убедительность. Его анализ статуса Кодекса профессиональной этики как нормы, принимаемой недемократическим путем, но обязательной для всех, является точным юридическим диагнозом, подтверждающим вывод доклада о деградации институтов внутрикорпоративной демократии. Его возмущение позицией министра юстиции, ставящего государство выше прав граждан, говорит о его приверженности истинному предназначению адвокатуры как правозащитного института. Он абсолютно прав, утверждая, что проблем внутри самой адвокатуры больше, чем за ее пределами. Его выступление – свидетельство того, что контрреформа не решает существующих проблем адвокатуры, а, наоборот, усугубляет их, цементируя недемократическую вертикаль и окончательно подчиняя ее государству.

20. Александр Николаевич Латыев – доцент УрГЮА, партнер юридической фирмы INTELLECT, кандидат юридических наук

Александр Латыев выступил против контрреформы с позиций здравого смысла и консерватизма. Он поддержал тезис о том, что «не надо ломать то, что работает», отметив, что текущая система складывалась 25 лет. Его основной аргумент заключался в том, что для такого радикального регулирования должна быть «катастрофически невыносимая ситуация», а ее нет. Он задался вопросом, как запрет на участие в суде решит проблему мошенников, которые «в суд не ходят». Получается, что законопроект оставляет мошенников с их возможностями, а добросовестных участников рынка ограничивает. Он также раскритиковал Минюст за отсутствие исследования и расчетов, указав на очевидное, с точки зрения экономики, следствие сокращения предложения на рынке – рост цен. В качестве исторического курьеза он заметил, что основатель партии КПРФ В.И. Ульянов, будучи помощником присяжного поверенного, по новому закону не смог бы никого защищать в суде.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Не надо ломать то, что работает».

2. «Нужна какая-то катастрофически невыносимая ситуация с юридическим представительством... А где она?»

3. «Как предлагаемое средство... запрет на участие в судебном представительстве... предотвратит этот обман? Да они в суд не ходят, те, кто обманывают».

4. «Мошенников не ограничивают, а добросовестных участников... рынка ограничивают».

5. «Если уменьшается предложение... то цены, извините, вырастут. Это экономика, закон спроса и предложения».

Мнение о выступлении: Александр Николаевич, с присущей ему академической точностью, представил логически безупречное опровержение всей концепции контрреформы. Его тезис «не надо ломать то, что работает» и указание на отсутствие доказанной «катастрофически невыносимой ситуации» полностью соответствуют выводам доклада [5, 6] об отсутствии фактических оснований для столь радикальных мер. Он гениально просто и наглядно разоблачил ложность главного предлога контрреформы, показав, что борьба с мошенниками, которые «в суд не ходят», не требует ликвидации добросовестных судебных юристов. Его экономический анализ, доказывающий неизбежность роста цен, неопровержим. Три критерия оценки контрреформы, которые он предложил, являются универсальным инструментом, который данный законопроект не выдерживает. Его выступление – это триумф здравого смысла и юридической логики над административным произволом и корпоративным лоббизмом.

21. Татьяна Владимировна Мурзиянова – частнопрактикующий юрист

Татьяна Мурзиянова в своем выступлении апеллировала к истории создания Конституции РФ. Она напомнила, что в 1993 году на конституционных совещаниях предметно обсуждался во-

прос об ограничении представительства только адвокатами, и это предложение было отклонено. Причинами отклонения были антимонопольные соображения и, главное, защита права гражданина на свободный выбор защитника. Она процитировала одного из участников тех совещаний, который говорил, что у человека должен быть выбор, так как «не всегда существующие адвокатские структуры независимы от органов власти». Она задала вопрос, почему спустя 30 лет этот исторический и юридический факт игнорируется. По ее мнению, это говорит либо об отсутствии квалификации у современных юристов, либо о желании толковать закон в свою пользу.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Если ограничиваются права иных лиц, кроме адвокатов, ходить в суды, это есть «адвокатская монополия». Это суть».

2. «Предметно стоял вопрос по поводу того, допустимо ли ограничивать в конституции представительство только адвокатами».

3. «Поправка была отклонена в ходе бурных дискуссий».

4. «Главное то, чтобы у человека при осуществлении его права на защиту был выбор независимого защитника».

5. «Почему мы спустя 30 лет... вообще делаем вид, что этого нет?».

Мнение о выступлении: обращение к историческим корням действующей Конституции, предпринятое спикером, является сокрушительным ударом по легитимности всего законопроекта. Она убедительно напомнила, что отцы-основатели правовой системы современной России, профессионалы высочайшего уровня, сознательно и аргументированно отвергли идею адвокатской монополии, защитив право гражданина на свободный выбор защитника и здоровую конкуренцию в правозащитной сфере. Этот исторический факт, который разработчики законопроекта предпочитают замалчивать, доказывает, что предлагаемая контрреформа является не развитием, а ревизией и откатом от фундаментальных демократических принципов, заложенных в основу государства. Ее выступление наглядно демонстрирует, что сторонники монополии действуют вопреки не только букве и духу действующей Конституции, но и вопреки исторической воле ее создателей.

22. Алексей Геннадьевич Обысов – управляющий партнер юридической практики «Jur Help»

Алексей Обысов выступил как профессиональный предприниматель и юрист, «не желающий становиться адвокатом». Он специализируется на сложных делах в сфере строительства и рейдерских захватов и утверждает, что его опыт как предпринимателя дает ему уникальные компетенции, которые он не может делегировать адвокату. Ключевая проблема для него – запрет на предпринимательскую деятельность для адвокатов. Он заявил, что готов стать адвокатом, если им разрешат заниматься бизнесом. Он также указал на проблему отсутствия узких специалистов (военных, медицинских юристов) в адвокатуре. Он критически отозвался о работе адвокатов в уголовном процессе, упомянув «сделки со следствием» и боязнь спорить с судом («клиент уйдёт, судья останется»). По его мнению, системная проблема не в статусе юриста, а в самой системе правоприменения и давлении со стороны государственных органов.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Я профессиональный предприниматель и лицо, не желающее становиться адвокатом».

2. «Предпринимательство запрещается в адвокатской среде... как я могу это передать [дело адвокату]?»

3. «Я предлагаю внести поправки, что адвокат имеет право заниматься предпринимательской деятельностью. Я с удовольствием стану адвокатом тогда».

4. «Многие боятся. Боятся судьи. Клиент уйдёт, судья останется. Это вот незыблемое правило адвокатов».

5. «Системность проблемы заключается не в статусе адвоката, а в самой системе правоприменения судами».

Мнение о выступлении: выступление Алексея Обысова вскрыло непреодолимое противоречие между природой современного юридического бизнеса и архаичной, зарегулированной моделью адвокатуры, в которую всех пытаются загнать. Его личный пример как успешного предпринимателя и юриста-практика, который «не желает становиться адвокатом» из-за запрета на бизнес, доказывает, что контрреформа игнорирует экономические реалии и лишает профессии самых активных и предприимчивых людей. Он абсолютно прав, указывая на ценность уникального опыта узких специалистов, которые будут уничтожены как класс. Его острая критика зависимого и конформистского поведения многих адвокатов в судах («клиент уйдет, судья останется») – это точное описание «замораживающего эффекта», порождаемого атмосферой страха и контроля, о котором предупреждает доклад [8]. Его предложение разрешить адвокатам заниматься бизнесом – это конструктивный вызов всей устаревшей модели.

23. Радислав Радикович Репин – советник консалтинговой группы VERSUS, адвокат, старший преподаватель кафедры гражданского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Радислав Репин предложил сменить фокус дискуссии. По его мнению, введение «монополии» не решает реальных проблем – квалификации и стандартизации. Корень проблемы, по его утверждению, лежит в качестве юридического образования. Он указал на недостаточное количество часов на фундаментальные дисциплины в вузах. Он считает, что именно диплом, полученный в результате качественного образования со сложным контролем, должен быть «лицензией» на юридическую деятельность. Он также отметил, что проблема неквалифицированной помощи острее стоит не в судах, где есть судья-арбитр, а в сфере консультаций и сопровождения сделок. В качестве органа, который мог бы вырабатывать «мягкие стандарты» для практикующих юристов, он предложил рассмотреть Ассоциацию юристов России.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Я боюсь, что эти проблемы введение «монополии адвокатов» на судебное представительство, она просто не решает».

2. «На самом деле, мне кажется, нам надо работать с вузами. Вот это самое главное».

3. «Нам нужно работать здесь, чтобы диплом... был той самой лицензией... которая и даёт возможность ему осуществлять юридическую деятельность».

4. «Мы, кажется, саморазоблачительно не верим в свои собственные университеты».

5. «Если у нас будут прекрасные выпускники, то нам никакая «монополия» не нужна».

Мнение о выступлении: Радислав Репин предложил единственно верный и стратегически правильный подход к решению проблемы качества юридической помощи – начинать не с запретов, а с фундамента, то есть с системы высшего образования. Он справедливо указывает, что никакие корпоративные барьеры не компенсируют пробелы в подготовке специалистов в вузах. Его идея о том, что именно качественный диплом должен быть настоящей «лицензией» на профессию, – это путь к созданию подлинно профессионального сообщества, основанного на знаниях, а не на формальном статусе. Предлагая развивать «мягкие стандарты» на базе добровольных объединений типа Ассоциации юристов России, он отстаивает эволюционный, плюралистический и демократический путь развития профессии, который является полной противоположностью принудительной и репрессивной модели, навязываемой законопроектом.

24. Евгений Альфредович Рубинштейн – вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

Евгений Рубинштейн в своем выступлении сделал акцент на этических и дисциплинарных стандартах, существующих в адвокатуре, как на ключевом аргументе в пользу реформы. Он подробно описал структуру квалификационных комиссий, в которых адвокаты составляют лишь половину членов, а остальные – представители судебной, исполнительной, законодательной власти и научного сообщества. Он подчеркнул, что ни в одном другом юридическом сообществе нет такого разностороннего контроля. Он заявил, что за 20 лет адвокатура сформировала «глубокую, вдумчивую и разностороннюю дисциплинарную практику», а стандарт доказывания дисциплинарного проступка у адвокатов «гораздо выше, чем даже в судейском сообществе». Это, по его мнению, является сильной гарантией для юристов, которые решат прийти в адвокатуру, от необоснованных наказаний.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Отсутствие этического регулирования в профессиональной юридической деятельности влечёт за собой очень серьёзные проблемы».

2. «Ни в одном сообществе, юридическом сообществе нет такой структуры, которая бы настолько разносторонняя... принимала бы участие в пополнении рядов».

3. «Адвокатское сообщество сформировало глубокую, вдумчивую и разностороннюю дисциплинарную практику».

4. «Если вы сравните подходы, ...то вы увидите, что у адвокатов стандарт доказывания гораздо выше, чем даже в судейском сообществе».

5. «Наличие стандартов оказания юридической помощи, этических стандартов... является очень сильной гарантией в пользу реформы».

Мнение о выступлении: выступление господина Рубинштейна, восхваляющее этические стандарты и дисциплинарные процедуры адвокатуры, является яркой иллюстрацией создания «фасада» благополучия в тот самый момент, когда несущие конструкции института независимости целенаправленно демонтируются. Он с гордостью говорит о смешанном составе квалификационных комиссий, но умалчивает, что именно это, по оценке экспертов ООН, отраженной в докладе [8], является каналом прямого вмешательства

и контроля со стороны власти. Его утверждения о «высоких стандартах доказывания» – это откровенное искажение реальности. В докладе [8] приводятся многочисленные свидетельства того, что дисциплинарные производства систематически используются как инструмент репрессий против адвокатов за их профессиональную деятельность, критику или общественную позицию. Господин Рубинштейн расписывает преимущества системы, которую этот же законопроект окончательно уничтожает, вводя механизм «ведомственной апелляции» для Минюста, который сможет оспаривать любые неугодные ему решения дисциплинарных органов вплоть до суда. Он рекламирует юристам вступление в корпорацию, уверяя в ее справедливых внутренних процедурах, в то время как законопроект передает ключи от этих процедур в руки государственного чиновника. Это не просто лукавство, это сознательное введение в заблуждение коллег, которых заманивают в ловушку тотального государственного контроля.

25. Кирилл Геннадьевич Сердюков – адвокат Московской городской коллегии адвокатов

Кирилл Сердюков построил свое выступление на исторической параллели. Он сравнил текущий законопроект, особенно в части усиления контроля Минюста, с инициативами министра юстиции Российской империи графа Палена в 1878 году, который также пытался получить право лишать присяжных поверенных их звания. Он отметил, что тогда эти инициативы были отклонены Государственным советом как неверные. Он также напомнил, что в XIX веке наряду с присяжными поверенными существовал институт частных поверенных, что является историческим примером параллельного существования различных форм юридического представительства. Его выступление было направлено на то, чтобы показать, что попытки усиления государственного контроля над адвокатурой и ограничения ее независимости – не новы и в прошлом уже признавались вредными.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Начертать закон – дело сравнительно лёгкое, но найти людей, направить их к благой цели... – вот задача, с которой едва ли что может сравниться».

2. «Наша сегодняшняя встреча в какой-то мере повторяет те... дискуссии о месте и роли судебного представительства».

3. «Чем вам, уважаемые коллеги, не предложенные нынешним законопроектом дополнения... предусматривающие возможность обжалования федеральным органам юстиции любых решений Совета».

4. «В те времена инициативы Министерства юстиции... так и не были реализованы».

5. «Судебные установления закрепили институт частных поверенных».

Мнение о выступлении: выступление Кирилла Сердюкова является образцом глубокого историко-правового анализа, который придает всей дискуссии необходимый интеллектуальный и концептуальный масштаб. Его историческая параллель с попытками министра юстиции графа Палена подчинить себе присяжных поверенных в XIX веке – это не просто красивый экскурс, а сокрушительный аргумент, доказывающий, что нынешняя контрреформа является не шагом вперед, а реакционным откатом в прошлое. Он убедительно показывает, что борьба за независимость адвокатуры – это неотъемлемая часть российской правовой истории, и что даже Государственный совет Российской империи более ста лет назад проявил больше мудрости и государственного мышления, чем современные контрреформаторы, отклонив вредные для правосудия инициативы. Напоминание о параллельном существовании института частных поверенных полностью разрушает миф сторонников контрреформы о некой исторической безальтернативности монополии. Это выступление доказывает, что предлагаемый законопроект идет вразрез не только с действующей Конституцией, но и с лучшими традициями отечественной юриспруденции.

26. Максим Сергеевич Сикач – адвокат

Максим Сикач, будучи адвокатом, выступил против «принудительной адвокатской монополии». Его главный тезис: «Вместо того, чтобы насильно загонять юристов в адвокатуру, нужно сделать её сильной и привлекательной через усиление гарантий её деятельности». Он проанализировал изменения в законе об адвокатуре за последние годы и пришел к выводу о тенденции к ужесточению контроля и ослаблению гарантий (запрет на депутатство, ужесточение требований к запросу и т. д.). Он предложил конкретные меры по усилению адвокатуры:

– Безопасность: рассмотреть вопрос о выдаче табельного оружия, упростить получение мер госзащиты, ужесточить ответственность за нападение на адвокатов;

– Независимость: требовать согласие самого адвоката на проведение у него обыска, сделать адвокатское удостоверение документом, удостоверяющим личность, и расширить перечень мест, куда адвокат может входить беспрепятственно;

– Сокращение срока ответа на запрос адвоката: сократить срок ответа на адвокатский запрос до 10 дней и значительно увеличить ответственность за его игнорирование. По его мнению, только сделав статус адвоката по-настоящему защищенным и сильным, можно будет говорить о привлекательности корпорации, а не о принудительном присоединении.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Я против принудительной «адвокатской монополии», хоть я и адвокат».

2. «Вместо того, чтобы насильно загонять юристов в адвокатуру, нужно сделать её сильной и привлекательной через усиление гарантий её деятельности».

3. «В девятом году ещё поднимался вопрос о выдаче адвокатам табельного оружия. Считаю, вопрос можно поднять по новой».

4. «Согласие адвоката на проведение обыска у адвокатов предлагаю как один из вариантов решения».

5. «Предлагаю сделать адвокатское удостоверение документом, подтверждающим личность».

Мнение о выступлении: говоря «изнутри» адвокатской корпорации, спикер полностью разрушает миф о монолитной поддержке контрреформы адвокатским сообществом. Его главный тезис – «нужно сделать адвокатуру сильной и привлекательной через усиление гарантий её деятельности, а не насильно загонять в нее юристов» – является единственно верной и конструктивной альтернативой порочному пути принуждения. Он абсолютно точно диагностирует многолетнюю тенденцию не к усилению, а к ослаблению реальных гарантий независимости адвокатов. Его конкретные предложения – от ужесточения ответственности за нападение на адвокатов и требования их согласия на обыск до превращения удостоверения в полноценный документ, удостоверяющий личность, – наглядно демонстрируют, в чем на самом деле нуждается профессия. Это выступление вскрывает вопиющее лицемерие руководства ФПА, которое, на словах ратуя за усиление статуса адвоката, на деле поддерживает законопроект, окончательно ставящий его в зависимое положение от чиновников Минюста. Это голос настоящей, а не «захваченной» адвокатуры, отстаивающей принципы, а не корпоративные интересы.

27. Владимир Алексеевич Степанов – представитель студенчества, Председатель Студенческого антифашистского фронта

Владимир Степанов осветил проблему с точки зрения будущих юристов. Он привел статистику о старении адвокатуры (доля адвокатов моложе 30 лет сократилась с 17 % до 6,5 %) и о сжатии рынка труда для юристов. Его основной аргумент – законопроект обесценивает диплом о высшем юридическом образовании, объявляя его недостаточным для работы. Он указал на неподъемные для выпускников вступительные взносы (до 800 000 рублей). Важнейшей проблемой он назвал разрушение системы производственной практики: студенты, которые сейчас получают опыт, участвуя в реальных процессах, потеряют эту возможность, что приведет к появлению поколения адвокатов, «не умеющих выступать в судебном процессе». Он также выразил опасение, что «монополия» убьет узкие специализации и создаст систему госконтроля, где карьера будет зависеть не от профессионализма, а от лояльности.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Молодёжь покидает профессию именно тогда, когда её планируют сделать монопольной».

2. «Законопроект де-факто объявляет диплом недостаточным для ведения профессиональной деятельности».

3. «Государство одной рукой выдаёт дипломы, а другой объявляет их обладателями, не способными защищать права граждан».

4. «Введение «монополии» может привести к тому, что через 10 лет общество получит адвокатов, не умеющих выступать в судебном процессе».

5. «Адвокатская монополия» – это не реформа качества, а разрушение будущего целого поколения юристов».

Мнение о выступлении: Владимир Степанов выступил с речью, которая является, по сути, приговором для будущего юридической профессии в случае принятия этого законопроекта. Он с цифрами в руках доказал, что контрреформа ударит по самому уязвимому звену – по молодежи, обесценивая их образование, создавая неподъемные финансовые барьеры и уничтожая систему практической подготовки. Его тезис о том, что через 10 лет мы получим поколение адвокатов, «не умеющих выступать в судебном процессе», – это не преувеличение, а трезвый и страшный прогноз. Он абсолютно точно уловил конечную цель контрреформы – создание системы, где карьера зависит не от профессионализма, а от лояльности власти. Его слова – это крик о помощи от лица целого поколения, чье профессиональное будущее приносится в жертву ради установления тотального государственного контроля над юриспруденцией.

28. Андрей Геннадьевич Тузов – адвокат, управляющий партнер АБ «ТЕЗА», доцент СПбГУ

Андрей Тузов выступил с самой резкой и бескомпромиссной речью в поддержку контрреформы. Он призвал «прекратить заниматься демагогией» и заявил, что дискуссия – это столкновение предпринимательской деятельности (оказания услуг) и некоммерческой (адвокатуры). Он обратился к оппонентам с ультимативным призывом: «либо крестик снимите, либо штаны наденьте». По его мнению, если речь идет о бизнесе, то ему не место в системе правосудия, которая определена Конституцией (ст. 46, 48). Он заявил, что «вольные юристы» за 20 лет не смогли объединиться и создать свою структуру. Он также обвинил оппонентов в нежелании платить налоги по полной программе, работе «на расписке» и без кассовых чеков. Он отверг аргументы об экономических последствиях как бездоказательные и упрекнул оппонентов в том, что они не ведут дела pro bono для защиты тех самых «бабушек». Также выступающий поставил озвученный на повышенных тонах риторический вопрос, по сути обвиняющий поголовно всех частнопрактикующих юристов в нарушении закона: «А почему вы оказываете услуги населению без кассовых чеков?», чем вызвал явное неудовольствие аудитории.

Наиболее яркие высказывания:

1. «Давайте прекратим заниматься демагогией».

2. «Вы тогда, господа, пожалуйста, либо крестик снимите, либо штаны наденьте».

3. «Не место в судебной системе лицам, которые не являются частью правосудной системы, определённой конституцией».

4. «Вы не смогли за 20 лет объединиться. Не смогли».

5. «Переживают сейчас те, кто а) берёт деньги на расписке... б) переживают те, кто стесняются... либо уйти с УСН... либо те, кто не привыкли платить вообще».

6. «А почему вы оказываете услуги населению без кассовых чеков?»

Мнение о выступлении: слова господина Тузова – это апофеоз юридического нигилизма и агрессивного лоббизма, подменяющего правовую аргументацию демагогией и голословными обвинениями. Его ультимативный призыв «либо крестик снимите, либо штаны наденьте» и противопоставление «бизнеса» «правосудию» – это ложная дихотомия, призванная оправдать нарушение базовых конституционных прав на свободный труд и экономическую деятельность. Его упрек в том, что юристы «не смогли объединиться», является верхом цинизма: он порицает их за использование своего права на свободу объединений (которое включает и право не объединяться) прямо перед тем, как их собираются насильственно инкорпорировать в нежелательную для них и недемократическую организацию. Его нападки на оппонентов по поводу уклонения от уплаты налогов и отсутствия кассовых чеков – это именно та стратегия «троянского коня», которую разоблачает доклад: под предлогом борьбы с теневым сектором уничтожается легальный и конкурентный рынок. Он пренебрежительно отмахивается от экономических расчетов, которые были представлены на круглом столе, демонстрируя полное нежелание вести дискуссию на языке фактов. Это выступление – ярчайший пример того, как в защиту антиконституционной контрреформы приводятся не правовые, а силовые, псевдоморализаторские аргументы, направленные на подавление и дискредитацию любой оппозиции.

Итоговые выводы и предложения, озвученные в ходе дискуссии

Дискуссия выявила глубокий раскол в юридическом сообществе по вопросу реформы судебного представительства. По итогам всех выступлений можно суммировать следующие выводы и предложения:

1. Аргументы и выводы сторонников контрреформы:

– «Необходимость профессионализации»: существующий рынок юридических услуг является «бессистемным», «теневым» и содержит большое количество неквалифицированных или недобросовестных участников (мошенников), от которых необходимо защитить граждан;

– «Адвокатура как готовый институт»: адвокатура уже обладает всеми необходимыми атрибутами для обеспечения качества: высокие требования для входа в профессию, система дисциплинарной ответственности, кодекс этики, адвокатская тайна и иммунитет. Создавать параллельные структуры нецелесообразно;

– «Это не монополия»: законопроект предусматривает множество исключений (мировые суды, родственники, штатные юристы и т. д.), поэтому термин «монополия» некорректен;

– «Экономические последствия преувеличены»: роста цен не будет из-за увеличения конкуренции внутри адвокатского сообщества. Проблема доступности помощи для малоимущих решается через институт бесплатной юридической помощи;

– **«Основная мотивация противников – экономическая»:** главная причина сопротивления реформе – нежелание частнопрактикующих юристов переходить на общую систему налогообложения, платить взносы и находиться под профессиональным и этическим контролем.

2. Аргументы и выводы в пользу противников контрреформы:

– **«Нарушение конституционных прав»:** контрреформа нарушает базовые права граждан: на свободный выбор представителя (ст. 48), на свободное использование своих способностей для предпринимательской деятельности (ст. 34), на свободу труда (ст. 37) и принцип равноправия (ст. 19). Конституционный Суд уже давал оценку проблеме, и он – против «монополии», в своём Постановлении № 15-П он уже признавал неконституционными нормы, ограничивающие представительство в арбитражных судах только адвокатами, прямо указывая на недопустимость нарушения принципов конкуренции. Таким образом, законопроект пытается «протащить» то, что уже было отвергнуто высшим судом;

– **«Снижение доступности правосудия»:** контрреформа неизбежно приведет к значительному росту цен на юридические услуги (из-за иной налоговой нагрузки и взносов), что сделает суд недоступным для значительной части населения и малого / среднего бизнеса;

– **«Разрушение работающей системы»:** нынешняя система, хоть и не идеальна, но работает и эволюционно сложилась за последние 25–30 лет. Радикальная ломка приведет к хаосу и ухудшению ситуации;

– **«Отсутствие доказательной базы»:** не представлено убедительных данных о «катастрофическом» состоянии рынка и о том, что предлагаемые меры решат заявленные проблемы (например, проблему мошенников, которые не ходят в суд);

– **«Угроза независимости»:** усиление полномочий Минюста по контролю за адвокатурой создает риски административного давления и превращения адвокатуры в подконтрольную государству структуру;

– «**Негативные последствия для юридической профессии»:** контрреформа ударит по молодым юристам (финансовые барьеры, разрушение системы практики), уничтожит узкопрофильных специалистов и обесценит диплом о высшем юридическом образовании. «Адвокатская монополия» отсекает быстрый путь в профессию для студентов и молодых специалистов. Запрет на судебное представительство для стажёров и неподъёмные вступительные взносы (до 800 тыс. рублей в некоторых регионах) при зарплате юриста в 75–80 тыс. рублей – это осознанный шаг по созданию кастовой, закрытой и стареющей корпорации, что ведёт к профессиональному вырождению. Законопроект приведёт к «вымыванию» с рынка узкоспециализированных экспертов, чья ценность – в глубоком погружении в конкретную отрасль. Их не смогут заменить адвокаты «широкого профиля»;

– «Публичная цель контрреформы – фикция. Речь идёт о тотальном контроле, а не о качестве услуг»: Заявления Минюста и ФПА о «профессионализации» и «защите граждан от недобросовестных юристов» являются тактическим прикрытием. Реальная цель – установление жёсткого административного контроля государства над всей сферой правоприменения через подконтрольную адвокатуру;

– «Экономические выводы Минюста – профнепригодны»: Представитель Минюста продемонстрировал полное игнорирование базовых экономических законов. Его заявление, что сокращение числа игроков на рынке с 400+ тысяч до ~100 тысяч не приведёт к росту цен, является абсурдным с точки зрения закона спроса и предложения. Исследование, предсказывающее рост цен на 155 % и бюджетные потери в 20 млрд рублей, выглядит куда более обоснованным, чем бездоказательный оптимизм чиновников;

– «Аналогии сторонников «монополии» – подтасованы». Ссылки на дореволюционный опыт и зарубежные юрисдикции являются манипулятивными. Они умалчивают, что в тех же дореволюционных судебных уставах существовал институт частных поверенных, а во многих цивилизованных странах адвокатура действительно независима от государства, чего в предлагаемой модели РФ не наблюдается;

– «Альтернатива «адвокатской монополии» существует, но её намеренно игнорируют». Противники монополии предлагают менее радикальные и более эффективные пути решения заявленных Минюстом проблем: создание СРО для юристов, единого реестра, системы аккредитации, усиление контроля за образованием. Игнорирование этих альтернатив доказывает, что Минюст и ФПА не заинтересованы в реальном улучшении качества услуг, а стремятся именно к монополизации рынка. Анализ выступлений показывает, что предлагаемая контрреформа является не попыткой улучшить правовую защиту граждан, а крупномасштабной ведомственной и корпоративной атакой на конституционные права граж-

дан и предпринимателей. Она ведёт к созданию управляемой государством юридической касты, резкому удорожанию правосудия, уничтожению конкуренции и, как следствие, к фактическому блокированию доступа к закону для большинства населения и малого бизнеса.

– «Адвокатура нуждается в реформировании»: для адвокатов в России созданы крайне неблагоприятные условия осуществления профессиональной деятельности, права адвокатов нарушаются, они подвергаются преследованиям и вмешательству в их деятельность. Необходимо сделать так, чтобы юристы добровольно шли в адвокатуру, но этого не делается.

3. Конкретные предложения и альтернативные пути, озвученные на мероприятии:

– Провести официальную оценку регулирующего воздействия (ОРВ): необходимо провести всесторонний научный анализ социально-экономических и налоговых последствий реформы, прежде чем принимать решение.

– Создание альтернативных структур (вместо «монополии»):

- **Саморегулируемая организация (СРО):** учредить СРО для частнопрактикующих юристов со своими стандартами, этическими нормами и механизмами ответственности;
- **Единый реестр судебных представителей:** создать государственный реестр всех лиц, допущенных к судебному представительству, с определенными квалификационными требованиями, но без обязательного вхождения в адвокатуру.

– Эволюционный путь (вместо революционного):

- усилить контроль за действующими «вольными» юристами, например, через введение для них обязательного страхования ответственности;
- сосредоточиться на повышении качества юридического образования в вузах как на первопричине проблемы.

– Усовершенствование самой адвокатуры (чтобы сделать ее привлекательной, а не принудительной):

- усилить реальные гарантии адвокатской деятельности: ввести уголовную ответственность за воспрепятствование деятельности, упростить получение госзащиты, ограничить возможность обысков, расширить права по доступу в госучреждения;
- реформировать внутреннее управление адвокатурой для повышения ее демократичности и прозрачности;
- рассмотреть вопрос о введении для адвокатов упрощенной системы налогообложения (УСН);
- рассмотреть возможность разрешить адвокатам заниматься предпринимательской деятельностью.

Список источников / References

1. https://vk.com/video-42591457_456240021.
2. https://youtu.be/SbbZbijWtG4?si=jnuEwXhaLm09IHz.
3. https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/238061.html.
4. http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/120501/.
5. https://www.avocatrus.org/en/post/the-international-association-of-russian-advocates-has-presented-a-critical-report-on-the-bill-propo.
7. https://zakon.ru/blog/2025/07/25/kogda_frazeologizm_advokatskaya_monopoliya_po_svoemu_vpervye_priznayotsya_yavleniem_v_rossijskoj_imp.
8. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu.

Статья поступила в редакцию 11.10.25; одобрена после рецензирования 15.10.25; принята к публикации 15.10.25.

The article was submitted 11.10.25 ; approved after reviewing 15.10.25; accepted for publication 15.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 91.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):91.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_91

О ПОДХОДАХ К РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР В АДВОКАТУРЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: Статья анализирует подходы к реализации демократических процедур в адвокатуре России и Казахстана в контексте международных стандартов ООН и других норм, подчеркивающих необходимость независимости и самоуправления профессиональных ассоциаций юристов. Автор сравнивает ситуацию в Казахстане, где в Республиканской коллегии адвокатов проводятся открытые выборы, дебаты и предвыборные кампании, с Россией, где Федеральная палата адвокатов (ФПА) формируется через непрямые выборы и ротацию, приводящие к «захвату» власти узким кругом лиц и отсутствию реального участия адвокатов в управлении. Указываются негативные последствия такой системы: преследования адвокатов, ослабление независимости профессии, попытки введения «адвокатской монополии» и нарушения прав граждан на защиту. Предлагается демонтаж существующей структуры российской адвокатуры для восстановления демократических принципов и соответствия международным стандартам.

Ключевые слова: адвокатура, демократические процедуры, независимость адвокатуры, Федеральная палата адвокатов, Республиканская коллегия адвокатов, Россия, Казахстан, международные стандарты, захват власти, адвокатская монополия, реформа адвокатуры

Для цитирования: Рагулин А.В. О подходах к реализации демократических процедур в адвокатуре России и Казахстана// Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 91. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_91

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

ON APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF DEMOCRATIC PROCEDURES IN THE LEGAL PROFESSION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of Moscow Advocate`s Chamber, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article examines approaches to implementing democratic procedures in the bar associations of Russia and Kazakhstan in the context of UN international standards and other norms emphasizing the need for independence and self-governance of professional lawyers' associations. The author compares the situation in Kazakhstan, where the Republican Bar Association holds open elections, debates, and pre-election campaigns, with Russia, where the Federal Chamber of Advocates (FCA) is formed through indirect elections and rotation, leading to «capture» of power by a narrow circle of individuals and the absence of real participation by lawyers in governance. The negative consequences of such a system are highlighted: persecution of lawyers, weakening of professional independence, attempts to introduce an «lawyer`s monopoly», and violations of citizens' rights to defense. It is proposed to dismantle the existing structure of the Russian bar to restore democratic principles and align with international standards.

© Рагулин А.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Keywords: lawyer's monopoly, Federal Chamber of Advocates, bar association, democratic procedures, independence of advocacy, Republican Bar Association, Russia, Kazakhstan, international standards, power capture, bar reform

For citation: Ragulin A.V. On Approaches to the Implementation of Democratic Procedures in the Legal Profession of Russia and Kazakhstan = Eurasian Advocacy. 2025;5(76):91. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_91

Согласно Основным принципам ООН, касающимся роли юристов [1], юристы имеют право создавать и являться членами самостоятельных профессиональных ассоциаций, представляющих их интересы, способствующих их непрерывному образованию и подготовке и защищающих их профессиональные интересы. Исполнительный орган профессиональных ассоциаций избирается ее членами и выполняет свои функции без вмешательства извне.

Международные стандарты организации и деятельности адвокатуры [2] предусматривают, что ассоциации адвокатов должны быть вправе принимать самостоятельные решения на основе четких и транспарентных структур и процедур, чтобы представлять интересы своих членов и обеспечивать свою деятельность. Ассоциации адвокатов должны не только содействовать установлению демократических стандартов, но и обеспечивать их применение в рамках своей структуры. Для этого должна существовать четкая организация управления и руководства, а порядок голосования и других процедур должен быть опубликован и доступен для проверки членами ассоциации. Иными словами, требования демократии должны соблюдаться во внутренней деятельности ассоциации адвокатов и применяться в ее внешней деятельности. Ассоциации адвокатов не должны являться частью бюрократического аппарата, позволяющей государству контролировать юридическое сообщество; они должны осуществлять свою деятельность в качестве профессиональных ассоциаций, защищающих права своих членов и тем самым укрепляющих верховенство права [3].

Таким образом, независимая и самоуправляемая адвокатура – это не просто внутреннее дело профессии, а краеугольный камень правового государства. Способность адвокатов через демократические процедуры самостоятельно выбирать своих представителей напрямую влияет на их возможность эффективно защищать права доверителей и противостоять незаконному давлению со стороны государства или иных лиц, нередко возникающему в процессе предварительного расследования и (или) отправления правосудия [4].

Из этого следует, что адвокатские ассоциации должны обеспечивать участие членов в управлении через демократические процедуры, такие как прямые выборы и открытые дебаты. Очевидно, что отсутствие демократии в ассоциациях приводит к риску государственного контроля, подрывая доступ к справедливому суду и защиту прав человека. В странах с сильной адвокатурой прямые выборы лидеров ассоциаций способствуют коллективной защите профессии, повышая доверие общества и эффективность юридической помощи.

В сентябре 2025 года на различных ресурсах в сети «Интернет» начала активно публиковаться информация о том, что в Республиканской коллегии адвокатов Республики Казахстан в очередной раз готовятся к проведению выборов в органы управления организацией. Выдвигаются кандидаты на пост председателя коллегии. Публикуются предвыборные программы. Планируются дебаты. Ведутся активные предвыборные обсуждения в социальных сетях и СМИ [5]. Наличие регулярных выборов и открытых дебатов является индикатором зрелости адвокатского сообщества и отражает уровень доверия между адвокатами и их представителями в органах управления профессией.

В современной же российской адвокатуре ситуация иная. Демократические процедуры, похожие на проводимые в Казахстане, в ней не проводились ни разу.

А почему?

Потому что, по мнению лиц, «захвативших» контроль над Федеральной палатой адвокатов (ФПА) и впоследствии до неузнаваемости извративших текст Закона посредством прямого вмешательства и при помощи принятия разнообразных «подзаконных» корпоративных норм, а вместе с ними и структуру адвокатуры, российские адвокаты не способны и не достойны избирать руководство своих профессиональных организаций самостоятельно.

Да и свою единую профессиональную организацию адвокаты России тоже, как видим, иметь не вправе. И именно поэтому адвокаты не являются членами Федеральной палаты адвокатов и не могут участвовать в управлении этой организацией.

Однако они обязаны содержать эту организацию и выполнять все предписания ее должностных лиц под угрозой изгнания из профессии [6].

В России, напомним, органы ФПА и Палат формируются через непрямые выборы и так называемую «ротацию», что приводит к бессрочному доминированию практически одних и тех же лиц. Президенты ФПА и Палат не избираются адвокатами, а выдвигаются из своего состава членами совета (коллегиального исполнительного органа). Лишь при выдвижении кандидатуры президента на третий срок адвокатам, принимающим участие в составе высших коллегиальных органов управления (Всероссийский съезд адвокатов или собрание (конференция) адвокатов), позволено выдвигать альтернативную кандидатуру, ограниченную членами совета. Выборы нередко проводятся на безальтернативной основе. При этом состав советов фактически формируется президентом и обновляется лишь на одну треть раз в два года [7]. В результате установленного порядка формирования эти органы утратили свойство органов самоуправления и трансформировались в органы корпоративного управления. Высший орган ФПА – Всероссийский съезд адвокатов – фактически превратился в собрание ограниченного круга лиц – президентов Палат.

Таким образом, в России ФПА формируется не прямыми выборами, а по многоступенчатой системе. Адвокаты являются членами региональных палат, которые делегируют своих представителей в Совет ФПА. Ключевой пост – Президента ФПА – избирается не всеми адвокатами и даже не Съездом, а именно этим Советом, что сужает круг избирателей до нескольких десятков человек. Это создает условия для возникновения «замкнутой» управленческой элиты, неподконтрольной широкой массе адвокатов. Кроме того, в значительном числе адвокатских палат регионов России практикуются манипуляции с нормами представительства и процедурой голосования, процедурой подбора адвокатов для участия в работе высшего органа управления, что окончательно отстраняет адвокатов от участия в формировании корпоративной повестки.

На деле, как видим, антидемократическое устройство адвокатуры уже обошлось российским адвокатам весьма дорого: управленцы из ФПА не только не обеспечивают защиту прав адвокатов и нормальную профессиональную деятельность адвокатов без вмешательства извне. Они все чаще и чаще действуют прямо во вред адвокатам. Так, например, выявлена масса случаев произвольного лишения статуса адвоката при отсутствии реакции ФПА и даже произведенных при участии самой ФПА [8].

С 2002 по 2025 год в России (в период действия нового законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности) от противоправных посягательств на жизнь и здоровье пострадали не менее ста адвокатов. В отношении не менее восьмидесяти адвокатов осуществлялись противоправные преследования со стороны государственных органов. В отношении не менее шестидесяти адвокатов осуществлены противоправные преследования со стороны Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат регионов. В отношении более двухсот адвокатов государственными органами установлены противоправные ограничения на свободу передвижения. Установлено, что для адвокатов в России созданы крайне неблагоприятные условия осуществления профессиональной деятельности и реализации гражданских и корпоративных прав, в то время как Федеральная палата адвокатов и адвокатские палаты регионов системно и скоординировано не противодействуют укоренившимся на практике нарушениям прав адвокатов [9].

Апофеозом негативных последствий «захвата» стало то, что ФПА при поддержке должностных лиц Министерства юстиции России вознамерилась силой загнать в адвокатуру частнопрактикующих юристов и установить «адвокатскую монополию» [10], а еще и параллельно с этим процессом чрезмерно, вопреки международным стандартам, усилить как свои полномочия, так и полномочия министерства.

Сложившаяся в России ситуация ведет к системным негативным последствиям:

– для прав граждан и организаций: ослабление независимости защиты напрямую угрожает праву на справедливый суд;

– для профессии: снижение доверия к адвокатуре, «утечка мозгов» (квалифицированные адвокаты уходят из профессии), подавление профессиональной солидарности;

– для государства: формируется видимость правового государства при отсутствии одного из его ключевых институтов, что подрывает международный авторитет страны.

Таким образом, в сравнении с нашими ближайшими соседями из Казахстана существующая система организации адвокатуры в России в части применения демократических процедур сильно проигрывает. В связи с этим очевидно и то, что система адвокатуры в России нуждается в демонтаже и пересмотре [11], как антиадвокатская и не соответствующая международным стандартам.

Без восстановления членства адвокатов в организациях управления профессией, без введения открытых выборов руководства этих органов и обеспечения их реальной отчетности перед адвокатами адвокатура рискует утратить роль защитника прав, подрывая основы демократии и верховенства права в России.

Список источников / References

1. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml?ysclid=mfwhxjdifb568376334.

2. https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards-independence-judges-lawyers-and-prosecutors.

3. A/71/348, p. 85-86 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.un.org/ru/A/71/348.

4. https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-kak-printsip-rossiyskoy-advokatury?ysclid=mfwhltwntu448531983.

5. https://advokatura.kz/ru/vybory?fbclid=IwVERDUAM_RZFleHRuA2FlbQIxMAABHuZZFVIC7PItmP5j97Pl0dqruC8FZwB3F6TQWc5jJObUzQQwTGpqEXR3tqJY_aem_S7vj7-v_dFLEW6EKlkYn_g.

6. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdanna-zaschitu?ysclid=mfweo2wubb30979376.

7. https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii?ysclid=mfwh4zb7pb703233619.

8. https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-v-zaschitu-rossiyskih-advokatov-podvergayuschihsya-presledovaniyu.

9. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdanna-zaschitu.

11. https://eurasialaw-journal.ru/intervyu-s-andreem-viktorovichem-ragulinym.html.

Статья поступила в редакцию 01.11.25; одобрена после рецензирования 05.11.25; принята к публикации 05.11.25.

The article was submitted 01.11.25 ; approved after reviewing 05.11.25; accepted for publication 05.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 95.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):95.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_95

НЕ ИЗБИРАЕМЫЕ АДВОКАТАМИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПУТЕМ УПРАВЛЕНЦЫ ИЗ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ: ПЯТЬ ЛЕТ НА «ОТВЕТ» БЕЗ ОТВЕТА

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: Статья анализирует пятилетнюю задержку в ответе первого вице-президента Федеральной палаты адвокатов (ФПА) Михаила Толчеева на вопросы, поставленные в 2020 году относительно игнорирования ФПА жалоб адвокатов на злоупотребления в региональных палатах.

Ключевые слова: адвокатская монополия, Федеральная палата адвокатов, юридическая профессия, правовая реформа, профессиональная этика, самоуправление адвокатуры, захват института, демократические процедуры, подотчетность

Для цитирования: Рагулин А.В. Не избираемые адвокатами демократическим путем управленцы из Федеральной палаты: пять лет на «ответ» без ответа // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 95. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_95

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

MANAGERS FROM THE FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES WHO WERE NOT DEMOCRATICALLY ELECTED BY ADVOCATES: FIVE YEARS FOR AN «ANSWER» WITHOUT AN ANSWER

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of Moscow Advocate`s Chamber, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article examines the five-year delay in the response from the First Vice-President of the Federal Chamber of Advocates (FCA) Mikhail Tolcheev to questions posed in 2020 regarding the FCA's ignoring of lawyers' complaints about abuses in regional chambers.

Keywords: lawyer's monopoly, Federal Chamber of Advocates, legal profession, legal reform, professional ethics, self-government of the bar, institutional capture, democratic procedures, accountability

For citation: Ragulin A.V. Managers From the Federal Chamber of Advocates Who were not Democratically Elected by Advocates: Five Years for an «Answer» Without an Answer = Eurasian Advocacy. 2025;5(76):95. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_95

Пять лет назад в статье «Судебные споры и социальные модели современной российской адвокатуры: ответы и вопросы вице-президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации», опубликованной в журнале «Евразийская адвокатура» (№ 5 (48) 2020), был сформулирован ряд вопросов, адресованных Михаилу Толчееву, в то время вице-президенту ФПА:

«1. До каких пор представители органов управления ФПА РФ будут, не реагируя на многочисленные обращения адвокатов из различных регионов Российской Федерации о нарушениях и злоупотреблениях, допускаемых адвокатскими управленцами, копить сор в нашей общей адвокатской «избе»?

© Рагулин А.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

2. Когда именно эти лица начнут самостоятельно «сжигать» накопившийся за период своего многолетнего управления адвокатурой «мусор» финансовых злоупотреблений, запретов, преследований, мздоимства, злословия, кумовства, непотизма и тому подобных аморальных и противоправных социальных моделей?

3. Не пора ли некоторым из этих лиц начать это делать с себя?» [1].

В сентябре 2025 года, будучи уже первым вице-президентом ФПА, Михаил Толчеев решился-таки «ответить» на первый из них.

«Ответ» запечатлен на прилагаемом видеофрагменте недавно опубликованного интервью, а его дословное содержание улеглось в следующую речевую конструкцию: «Ну давайте будем откровенны, раз уж у нас такой откровенный разговор. Андрей Владимирович [правильно – Викторович] в данном случае задаёт…, это манипулятивная техника абсолютно, и в данном случае речь не идёт о вопросе. Это просто голословное такое огульное обвинение, которое он хочет продвинуть, сформулировав это в виде вопроса. Никакой конкретики в данном случае нет… И это такое общая манипуляция, на самом деле. Мы… я не считаю, что должен каким-то образом оправдываться, а отвечать здесь, в этом вопросе я не вижу конкретики какой-то, которое можно было бы обсуждать, на который можно ответить. Федеральная палата старается реагировать … на… в силу закона мы обязаны отвечать в определённый срок на любое обращение. И мы это делаем. И если речь идет о конкретном каком-то вопросе, да, можно рассмотреть этот вопрос, но в вопросе такая конкретика отсутствует» [6].

Анализ «ответа» позволяет обратить внимание на следующие ключевые аспекты проблематики:

1. Хронологический аспект: институционализация безответственности.

Многолетнее отсутствие реакции на системные жалобы ведёт к превращению адвокатуры из самостоятельного профессионального сообщества в закрытую корпоративную структуру с коррупционными рисками и нарушением конституционного права граждан на адвокатскую защиту. Тот факт, что потребовалось пять лет для получения публичной реакции на острый и конкретный вопрос, сам по себе красноречив. Это свидетельствует о том, что руководство ФПА не считает себя обязанным оперативно и публично отчитываться перед членами корпорации по существу проблем. Такая временная дистанция де-факто означает игнорирование проблемы, ее «замалчивание» в расчете на то, что она утратит актуальность. То, что вопрос не потерял остроты за пять лет, лишь подчеркивает его системный характер.

2. Содержательный аспект: подмена ответа и сути проблемы критикой вопроса. «Ответ» Михаила Толчеева, как следует из его содержания, представляет собой классический пример защитной риторики, маскирующей системные проблемы ФПА, демонстрирует классический пример ухода от реального обсуждения и от ответственности путем дискредитации самого вопроса и его автора.

Вместо того чтобы по существу ответить на вопрос о системных проблемах отсутствия реакции на всем известные, благодаря СМИ и постоянно направляемым в ФПА и иным публичным обращениям и заявлениям адвокатов и их объединений [2], злоупотребления, интервьюируемый переходит к оценке формы вопроса, называя его «манипулятивной техникой» и «голословным обвинением». Такой подход является недопустимым для руководителя органа адвокатского самоуправления, чья основная функция– защита прав адвокатов, в том числе от произвола региональных органов управления. Вместо обращения внимания на суть мы видим системное нежелание ФПА применять свои полномочия для расследования злоупотреблений на местах. Обвинение в «манипулятивной технике» и «голословности» является стандартным приемом для ухода от ответа, когда у отвечающего нет содержательных контраргументов. Такое поведение прямо противоречит принципу подотчетности органов самоуправления перед членами профессионального сообщества, который является краеугольным камнем любой настоящей корпорации.

3. Нормативно-правовой аспект: несоответствие международным стандартам.

Высказанная позиция руководства ФПА находится в прямом противоречии с Основными принципами ООН, касающимися роли юристов, которые предполагают, что профессиональные ассоциации юристов должны «отстаивать профессиональные стандарты и этические нормы, защищать своих членов от преследований и необоснованных ограничений и посягательств». Отсылка к формальной обязанности «отвечать в определённый срок» подменяет понятие реального реагирования на проблему бюрократической отпиской. Утверждение об отсутствии «конкретики» игнорирует саму природу массы направленных в ФПА корпоративных жалоб, которые носят системный характер и требуют не формальных ответов, а проведения внутренних расследований.

Вместо того чтобы быть демократическим органом, представляющим интересы всех адвокатов, ФПА в очередной раз предстает как закрытая каста, защищающая интересы «управленцев». Такая риторика ее управленцев, не избираемых демократическим путем, подрывает доверие к органам адвокатского самоуправления и создает атмосферу безнаказанности, особенно в региональных палатах, где фиксируются нарушения, злоупотребления и преследования. Отсутствие защиты адвокатов от произвола региональных «управленцев» – прямое нарушение обязанности по защите членов корпорации.

Уход от расследования внутренних злоупотреблений – это невыполнение функции по поддержанию стандартов. Потворствование же таким злоупотреблениям, как и прямое соучастие в совершении их, а также иных разнообразных антиадвокатских действий, которое мы наблюдаем на протяжении многолетней деятельности интервьюируемого управленца, равносильны предательству адвокатов и идеалов адвокатской профессии.

Таким образом, «ответ» Михаила Толчеева демонстрирует не просто «плохую коммуникацию», а фундаментальный отказ как его как представителя ФПА, так и самой ФПА, от выполнения своих функций. Не соответствует международным стандартам и отстранение адвокатов от участия в управлении ФПА, как, впрочем, и отсутствие членства адвокатов в самой ФПА как в «органе управления» адвокатской профессией.

4. Организационный аспект: признак «захваченного института».

Представленная ситуация является не просто частным примером «неудачного ответа» в ходе интервью, а симптомом глубокого системного кризиса, поразившего систему адвокатского самоуправления в России. Ситуация, когда высший орган самоуправления не реагирует на системные жалобы «снизу», является классическим признаком того, что в терминологии политологии и социологии права называется «захватом института», о чем совсем недавно был опубликован мой подробный доклад [3].

Формальное указание на обязанность «отвечать в срок» лишь маскирует отсутствие реальных механизмов контроля и исправления ситуации, превращая закон в фикцию. Таким образом, пятилетнее ожидание и полученный в итоге «неответ» являются убедительным доказательством происходящего «захвата» адвокатуры, того, что текущее руководство ФПА не рассматривает себя в качестве слуги корпорации, а скорее представляет собой неподотчетную властную вертикаль, не способную и не желающую проводить внутренние реформы и очищение от коррупционных и непотических практик, демонстрирующую пренебрежение к базовым принципам профессиональной этики и международным стандартам, которые должны быть основой деятельности адвокатуры.

Из «ответа» мы видим, что это не просто очередной коммуникационный провал, а наглядное проявление сущности сложившейся системы.

Ожидать ответов на два других, взаимосвязанных с первым, но еще более острых вопроса в таких условиях действительно наивно.

Из всего вышеизложенного следует вывод, что разрешение имеющегося системного кризиса адвокатуры требует не диалога с текущим руководством ФПА, а глубоких институциональных изменений в самой системе адвокатского самоуправления, направленных на обеспечение реальной подотчетности, прозрачности и верховенства права внутри корпорации. Без этого адвокатура России рискует окончательно утратить свою независимость и превратиться в декоративный придаток государственного аппарата, что и пытаются осуществить управленцы из ФПА и Министерства юстиции, предлагая ввести так называемую «адвокатскую монополию» [3–5], предполагающую, в том числе, такие изменения, которые окончательно превратят адвокатуру из института гражданского общества в инструмент государственного регулирования рынка юридических услуг.

Список источников / References

1. https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-spory-i-sotsialnye-modeli-sovremennoy-rossiyskoy-advokatury-otvety-i-voprosy-vitse-prezidentu-federalnoy-palaty-advokatov.
2. https://t.me/initiative2018.
3. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu.

6. https://www.youtube.com/watch?v=v0LarZl75lg.

Статья поступила в редакцию 22.09.25; одобрена после рецензирования 25.09.25; принята к публикации 27.09.25.

The article was submitted 22.09.25 ; approved after reviewing 25.09.25; accepted for publication 27.09.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 98.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):98.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_98

ОЧЕРЕДНОЙ ПРОВАЛ СТОРОННИКОВ «АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ»: СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ОБЪЯВИЛ ПРИГОВОР ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЕ АДВОКАТОВ

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются итоги выступления представителя Судебного департамента при Верховном Суде РФ на заседании Совета Федеральной палаты адвокатов, в ходе которого были представлены данные о массовых случаях неявки адвокатов в судебные заседания и признана неспособность ФПА и адвокатских палат решить данную проблему. На основе анализа официальной статистики и реакции ФПА делается вывод о кризисе дисциплинарной и организационной системы адвокатуры, потере ею функций саморегулируемого профессионального сообщества и утрате репутации института, призванного содействовать правосудию. Автор указывает, что подобное положение вещей дискредитирует аргументы ФПА в пользу введения «адвокатской монополии» и подтверждает необходимость системной реформы российской адвокатуры – в части подотчётности, прозрачности и реальной независимости от административного влияния.

Ключевые слова: Федеральная палата адвокатов, Судебный департамент, адвокатура, дисциплинарная ответственность, адвокатская монополия, правосудие, профессиональные стандарты, независимость адвокатуры, самоуправление, реформа адвокатуры

Для цитирования: Рагулин А.В. Очередной провал сторонников «адвокатской монополии»: судебный департамент объявил приговор Федеральной палате адвокатов // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 98. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_98

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

ANOTHER FAILURE OF THE «LAWYER'S MONOPOLY» SUPPORTERS: THE JUDICIAL DEPARTMENT ANNOUNCED THE VERDICT TO THE FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of Moscow Advocate`s Chamber, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the statement made by a representative of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation at the meeting of the Council of the Federal Chamber of Advocates (FCA). Official data were presented revealing a large number of cases of lawyers failing to appear at court hearings and the inability of the FCA and regional bar chambers to address this problem effectively. Based on the analysis of these materials, the author concludes that the Russian bar is facing a disciplinary and organizational crisis, having lost its self-regulatory capacity and reputation as an institution supporting justice. The situation undermines the FCA's arguments in favor of introducing an «lawyers' monopoly» and demonstrates the urgent need for structural reform of the Russian legal profession to ensure accountability, transparency, and true independence from administrative control.

Keywords: Federal Chamber of Advocates, Judicial Department, legal profession, disciplinary liability, lawyers' monopoly, justice, professional standards, independence of lawyers, self-governance, bar reform

© Рагулин А.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

For citation: Ragulin A.V. Another Failure of the «Lawyer's Monopoly» Supporters: the Judicial Department Announced the Verdict to the Federal Chamber of Advocates = Eurasian advocacy. 2025;5(76):98. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_98

Заместитель генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Алмаз Ибрагимов в октябре 2025 года вступил на Совете Федеральной палаты адвокатов (ФПА) и сообщил Совету ФПА о проблемах с неявкой адвокатов в судебные заседания и неспособности ФПА и адвокатских палат решить эту проблему.

В частности, в рамках выступления прозвучало следующее: «По информации, представленной федеральными судами общей юрисдикции и управлениями Судебного департамента в субъектах Российской Федерации, основными причинами срывов судебных заседаний по вине адвокатов являются:

– опоздание адвокатов к началу судебных заседаний;

– неявка без объяснения причин;

– умышленное уклонение адвоката от явки в судебное заседание с целью затягивания сроков рассмотрения уголовного дела или воспрепятствования проведению допроса определенных свидетелей (экспертов), обеспечение явки которых в суд вызывает затруднения;

– а также несвоевременное уведомление суда о невозможности прибытия в связи с участием в другом процессе и других обстоятельствах.

Приведу детальные данные.

Так, общее количество отложенных судебных заседаний в связи с неявкой адвоката по неуважительной причине за 2022–2024 гг. и первое полугодие 2025 г. составило 11 373 заседания:

– в 2022 г. – 3 236 судебных заседаний;

– в 2023 г. – 3 322;

– в 2024 г. – 3 251;

– в первом полугодии 2025 г. – 1 564.

При этом в некоторых субъектах Российской Федерации, по сведениям, представленным судами и территориальными органами Судебного департамента, отложение судебных заседаний по данным причинам остается стабильно высоким и неизменным на протяжении последних четырех лет.

Приведу несколько примеров:

– в Ростовской области: в 2022 г. зафиксировано 520 случаев неявки адвокатов по неуважительной причине, в 2023 г. – 429, в 2024 г. – 516, в первом полугодии 2025 г. – 157;

– в Москве: в 2022 г. – 330, в 2023 г. – 412, в 2024 г. – 505, в первом полугодии 2025 г. – 286;

– в Республике Северная Осетия – Алания: в 2022 г. – 265, в 2023 г. – 249, в 2024 г. – 210, в первом полугодии 2025 г. – 122;

– в Республике Тыва: за аналогичные периоды неявка адвокатов по неуважительным причинам составила 121, 125, 149 и 50 случаев соответственно.

Отмечается, что:

– судами, в свою очередь, принимаются меры, направленные на исключение подобных фактов посредством вынесения частных определений в отношении адвокатов в связи с их неявкой в судебные заседания по причинам, признанным неуважительными;

– управлениями Судебного департамента в субъектах Российской Федерации направляются письма в адвокатские палаты субъектов Российской Федерации для принятия соответствующих мер, в том числе дисциплинарного характера;

– Судебным департаментом данная информация регулярно доводится до Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

По информации, представленной Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, данный вопрос являлся предметом обсуждения на заседаниях Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, также эта тема подробно освещается на курсах «Введение в профессию адвоката» в рамках рассмотрения этических требований к поведению адвоката, осуществлению им адвокатской деятельности, а также на иных курсах повышения профессионального уровня адвокатов – в рамках тем, посвященных дисциплинарному производству.

Вместе с тем проведенный Судебным департаментом анализ сведений, представленных федеральными судами общей юрисдикции и управлениями Судебного департамента в субъектах Российской Федерации, показал, что количество отложенных судебных заседаний в связи с неявкой адвокатов по неуважительным причинам в рассматриваемом периоде не имеет динамики к снижению» [1].

Что из этого следует? А следует вот что.

1. Провал дисциплинарной и организационной функции ФПА

Факт того, что Судебный департамент официально сообщает Совету ФПА о массовых нарушениях адвокатами своих обязанностей (неявка, опоздания, срывы заседаний) и констатирует не-

способность палат повлиять на ситуацию, означает, что:

– ФПА не контролирует качество исполнения адвокатами своих профессиональных обязанностей, включая базовые – явку в суд. ФПА, по сути, ограничивается декларациями типа «вопрос обсуждался на Совете», «освещается на курсах «Введение в профессию»» и т. д. Но не делает анализ причин системных неявок, предложений по взаимодействию с судами, не предпринимает меры по мониторингу дисциплинарных мер;

– дисциплинарная система палат оказалась неэффективной: количество случаев не уменьшается на протяжении четырёх лет, несмотря на постоянные обращения судов;

– ни методическое, ни воспитательное воздействие (курсы, лекции, «введение в профессию») не работают.

Все это демонстрирует деградацию системы самоуправления, а не её «высокий профессионализм», о котором постоянно заявляет руководство ФПА.

2. Утрата репутации адвокатуры как ответственного института правосудия

По сути, Судебный департамент официально фиксирует, что адвокатура мешает правосудию – срывает заседания, затягивает дела, уклоняется от участия в процессах.

Это подрывает общественный и государственный авторитет адвокатуры как института, призванного способствовать правосудию, а не препятствовать ему.

Такая репутационная оценка, исходящая от Судебного департамента, фактически равна признанию системного кризиса в адвокатуре.

3. Дискредитация аргументов ФПА в пользу «адвокатской монополии»

Особенно показательно, что именно ФПА продвигает идею «адвокатской монополии» – якобы для повышения качества представительства и дисциплины в судах.

Однако статистика, предоставленная Судебным департаментом, доказывает прямо противоположное: даже при действующей системе, где адвокаты составляют меньшинство судебных представителей, именно адвокаты систематически срывают судебные заседания. Следовательно, аргумент о «высоких стандартах адвокатской профессии» не подтверждается практикой, а введение «адвокатской монополии» без реформирования внутреннего устройства адвокатуры только усилит негативные явления, легализовав неэффективность и безнаказанность под видом профессиональной исключительности.

4. Наличие системной разницы между регионами указывает на отсутствие централизованных стандартов

В ряде регионов (Москва, Ростовская область) уровень нарушений остаётся стабильно высоким. Это говорит о том, что ФПА не выработала и не внедрила единые стандарты дисциплины и ответственности адвокатов, а палаты субъектов действуют по принципу «каждая сама по себе». Тем самым подрывается идея единства адвокатуры как «самоуправляемого профессионального сообщества».

5. Признаки административного надзора за адвокатурой

То, что Судебный департамент систематически информирует ФПА, а ФПА отчитывается перед ним о принятых мерах, фактически свидетельствует о внешнем административном контроле над адвокатурой. Это противоречит принципу независимости, закреплённому в ст. 3 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и международных стандартах (в том числе Основные принципы ООН 1990 г. о роли юристов). Таким образом, ФПА сама допустила превращение себя и института адвокатуры в целом в подведомственный объект контроля со стороны судебной власти. Это в свою очередь выступает ярким симптомом «захвата адвокатуры» [3] и подмены адвокатского самоуправления бюрократическим администрированием. Неспособность ФПА реагировать на кризис дисциплины при одновременной лояльности к Судебному департаменту и государственным структурам указывает на потерю автономии и фактическое сращивание с государственным аппаратом. Вместо защиты профессии мы видим от ФПА желание исполнения ожиданий чиновников, а вместо анализа причин – имитацию «обсуждения на Совете».

Изложенное показывает, что ФПА в очередной раз продемонстрировала, что эта организация утратила способность выполнять функции управления саморегулируемым профессиональным институтом адвокатуры. Она не обеспечивает дисциплину, не защищает качество правосудия, не реагирует на системные сигналы от судебных органов и при этом продолжает требовать расширения своих полномочий через «адвокатскую монополию». На деле же ситуация демонстрирует не необходимость введения «адвокатской монополии» [2], а необходимость реформирования системы адвокатуры – её подотчётности, прозрачности и независимости от административного давления. Это в очередной раз подтверждает те-

зис о том, что ФПА и адвокатские палаты регионов не соответствуют качественным характеристикам профессиональной ассоциации адвокатов: они не являются добровольными, независимыми, самоуправляемыми и саморегулируемыми объединениями, а также не выполняют задачи ассоциаций адвокатов по защите независимости профессии, интересов адвокатов и их неприкосновенности [3], вследствие чего существующая система организации адвокатуры в России подлежит пересмотру [4].

Список источников / References

1. https://fparf.ru/news/fpa/my-soobshchestvo-kotoroe-zhivet-i-rabotaet-po-opredelennym-pravilam/.

3. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu.

4. https://eurasialaw-journal.ru/intervyu-s-andreem-viktorovichem-ragulinym.html.

Статья поступила в редакцию 01.11.25; одобрена после рецензирования 06.11.25; принята к публикации 06.11.25.

The article was submitted 01.11.25 ; approved after reviewing 06.11.25; accepted for publication 06.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 102.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):102.

Защита профессиональных прав адвоката

Научная статья
УДК 347.965.125
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_102

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЯДА СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

БРЮХАНОВА Алёна Дмитриевна
Аспирант кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета
432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена проблеме установления уголовно-правовой ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности в Уголовном кодексе Российской Федерации. Оказываемая адвокатами в России квалифицированная юридическая помощь должна иметь надлежащую и гарантированную защиту со стороны государства. В статье анализируются действующие нормативные положения Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается зарубежный опыт, на основе которого автором анализируется предложение по внесению изменений в части уголовно-правовой ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности в законодательстве РФ. Автором проводится сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства таких зарубежных государств, как Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Казахстан, регламентирующих уголовно-правовую защиту адвокатов от воспрепятствования их законной профессиональной деятельности. В качестве примера отмечается, что в ряде государств, таких как Республика Казахстан, Кыргызская Республика, в законодательстве об адвокатуре закреплены не только гарантии независимости адвокатов, но и ответственность за создание препятствий законной адвокатской деятельности. Обеспечение уголовно-правовой защиты адвоката при осуществлении законной адвокатской деятельности является гарантией реализации «права на защиту» прав доверителей, эффективности адвокатской деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова: адвокат, юридическая помощь, воспрепятствование деятельности адвоката, профессиональные права адвоката, уголовное право, уголовно-правовая защита

Для цитирования: Брюханова А.Д. Уголовная ответственность за воспрепятствование адвокатской деятельности по Уголовному кодексу Российской Федерации и по законодательству ряда стран Содружества независимых государств (сравнительно-правовой анализ) // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 102. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_102

Protection of the Professional Rights of a Lawyer

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR OBSTRUCTION OF LAWYER'S ACTIVITIES UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE LEGISLATION OF SEVERAL OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

BRYUKHANOVA Alena Dmitrievna
Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure of Ulyanovsk State University
432017, Ulyanovsk, Lev Tolstoy Street, 42, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the problem of establishing criminal liability for obstruction of advocacy in the Criminal Code of the Russian Federation. Qualified legal assistance provided by lawyers in Russia must have adequate and guaranteed protection from the state. The article analyzes the current regulatory provisions of the Criminal Code of the Russian Federation. The article considers foreign experience, on the basis of which the author analyzes a proposal for amendments regarding criminal liability for obstruction of advocacy in the legislation of the Russian Federation. The author conducts a comparative legal analysis of the criminal legislation of such foreign countries as the Republic of Azerbaijan, the Republic of Armenia, and the Republic of Kazakhstan, which regulate the criminal protection of lawyers from obstruction of their legitimate professional activities. As an example, it is noted that in a number of States such as

© Брюханова А.Д., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

the Republic of Kazakhstan, and the Kyrgyz Republic, the legislation on the legal profession enshrines not only guarantees of the independence of lawyers, but also responsibility for creating obstacles to legitimate advocacy. Ensuring the criminal legal protection of a lawyer in the course of legitimate advocacy is a guarantee of the realization of the «right to protection» of the rights of clients, the effectiveness of advocacy in providing qualified legal assistance.

Keywords: advocate, legal assistance, obstruction of the activities of a lawyer, professional rights of a lawyer, criminal law, criminal legal protection

For citation: Bryukhanova A.D. Criminal Liability For Obstruction of Lawyer's Activities under the Criminal Code of the Russian Federation and the Legislation of Several of the Commonwealth of Independent States (Comparative Legal Analysis) = Eurasian advocacy. 2025;5(76):102. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_102

На сегодняшний день в Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует норма права, предусматривающая ответственность за воспрепятствование профессиональной деятельности адвоката. Отметим, что адвокат, в свою очередь, является субъектом уголовной ответственности по целому ряду преступлений, как общеуголовных, так и преступлений против правосудия. В Уголовном кодексе РФ содержится норма, предусматривающая ответственность за воспрепятствование деятельности суда, прокурора, следователя или лица, производящего дознание (статья 294); предусматривающая ответственность за воспрепятствование профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации (статья 144), в то время как адвокаты, в отличие, например, от журналистов, в настоящее время имеют меньшую степень уголовно-правовой защиты. «В научной литературе высказываются различные точки зрения на проблему воспрепятствования адвокатской деятельности» [1]. Так, по мнению Ю.И. Стецовского, «беззаконие в отношении адвоката ставит под угрозу обеспечение доступа к правосудию и других прав» [5]. «Институт адвокатуры занимает значительное место в системе юридической помощи большинства стран» [4], поэтому представляет интерес изучение опыта государств постсоветского пространства в данной сфере.

Предусмотрена ли в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства ответственность за воспрепятствование деятельности адвоката при оказании им квалифицированной юридической помощи?

В законодательстве об адвокатуре некоторых постсоветских государств, таких как Армения, Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан, закреплены не только гарантии независимости адвокатов, но и ответственность за создание препятствий их деятельности [3]. Итак, перейдем непосредственно к сравнительно-правовому анализу норм уголовного законодательства данных стран.

Начнем с Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, ст. 287 которого устанавливает, что «посягательство на жизнь судьи, а также прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, исполнительного чиновника, а равно их близких родственников в связи с рассмотрением дел или соответствующих материалов в суде, или производством предварительного расследования либо исполнением приговора или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, – наказывается лишением свободы на срок от 14 до 20 лет».

Аналогичная норма установлена Уголовным кодексом Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V в ст. 408: «посягательство на жизнь судьи Конституционного Суда Республики Казахстан, судьи, присяжного заседателя, прокурора, лица, осуществляющего досудебное расследование, защитника, эксперта, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в Конституционном Суде Республики Казахстан, суде, производством досудебного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, – наказывается лишением свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненным лишением свободы».

Статьей 295 УК РФ предусмотрена ответственность «за посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность», которые «наказы-

ваются лишением свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2-х лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью».

Анализируя вышеизложенные нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь защитника, отметим, что санкции статей существенно различаются. Так, в УК Азербайджанской Республики данное деяние наказывается лишением свободы на срок от 14 до 20 лет, а УК Республики Казахстан предусматривает более строгое наказание – лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы. Однако самым репрессивным является наказание, установленное отечественным законодателем и предусматривающее смертную казнь. Из содержания ст. 287 УК Азербайджанской Республики следует, что уголовно-правовой защите подлежит жизнь защитника и его близких только при участии в «рассмотрении дел или соответствующих материалов в суде, или производстве предварительного расследования, исполнения приговора или иного судебного акта». Однако профессиональная деятельность адвоката не ограничивается этими обстоятельствами. Так, на необходимость изменения редакции ст. 287 УК Азербайджанской Республики указывала Н.Н. Тагиева, анализируя в своей работе регламентацию ответственности за посягательство на жизнь лиц, осуществляющих правосудие [6]. Таким образом, можно отметить, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан является более предусмотрительным и прогрессивным, поскольку охватывает ещё и месть за такую деятельность.

В ряде стран постсоветского пространства уголовно наказуемыми являются угроза или насильственные действия в связи с осуществлением адвокатами профессиональной деятельности. В качестве примера можно привести Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 года № ЗР-199, ст. 490 которого устанавливает, что «угроза разглашения порочащих сведений о судье, прокуроре, следователе, руководителе следственного органа, об органе дознания, адвокате, о представителе, эксперте или приставе, или близком родственнике, или близком лице указанных лиц, или лице, находящимся на воспитании, попечении или под надзором указанных лиц, или сведений, причиняющих иной вред правам и законным интересам указанных лиц, или применения к ним насилия, уничтожения или повреждения их имущества в связи с законной служебной или профессиональной деятельностью указанных лиц, или с тем обстоятельством, что эти лица являются судьей, прокурором, следователем, руководителем следственного органа, органом дознания, адвокатом, представителем, экспертом или приставом, или близким родственником, или близким лицом указанных лиц, или лицом, находящимся на воспитании, попечении или под надзором указанных лиц, – наказывается штрафом от 10-кратного до 30-кратного размера, или общественными работами продолжительностью от 100 до 200 часов, или ограничением свободы максимально на срок 2 года, или краткосрочным лишением свободы максимально на срок 2 месяца, или лишением свободы максимально на срок 3 года».

Часть 2 указанной статьи предусматривает, что ответственность за разглашение порочащих сведений о лицах, упомянутых в ч. 1, или за причинение иного вреда их правам и законным интересам, а также за уничтожение или повреждение их имущества, если это связано с их законной служебной или профессиональной деятельностью, наказывается ограничением свободы на срок от 1 до 3 лет, или краткосрочным лишением свободы на срок от 1 до 2 месяцев, или лишением свободы на срок от 2 до 5 лет.

Часть 3 гласит, что применение насилия в отношении лиц, указанных в части 1, в связи с их законной служебной или профессиональной деятельностью наказывается лишением свободы на срок от 4 до 8 лет.

Согласно ч. 4, наличие квалифицирующего признака в деяниях, описанных в частях 1, 2 или 3, влечет лишение свободы на срок от 5 до 10 лет. Часть 5 предусматривает лишение свободы на срок от 6 до 12 лет, если в деяниях, предусмотренных частями 1, 2, 3 или 4, имеется хотя бы один особо квалифицирующий признак.

В статье 288.2 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики установлено, что «угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, исполнительного чиновника, а равно их близких родственников в связи с рассмотрением дел или соответствующих материалов в суде, или производством предварительного расследования либо исполнением приговора или иных судебных актов, – наказывается штрафом в размере от 2-х тысяч до 4-х тысяч манатов либо лишением свободы на срок до 3-х лет».

Статья 288.3 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3-х до 5 лет за совершение деяний, предусмотренных статья-

ми 288.1 или 288.2, с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Статья 288.4 устанавливает, что деяния, предусмотренные статьями 288.1 или 288.2, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Анализируя вышеизложенные нормы, отметим, что диспозиции и санкции статей различаются. Так, в диспозиции ст. 490 УК Республики Армения указана угроза разглашения порочащих сведений или применения к защитникам (и их близким и т. д.) насилия, уничтожения или повреждения их имущества, а в диспозиции ст. 288.2 УК Азербайджанской Республики указана угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества защитников (и их близких и т. д.). Несмотря на указанные обстоятельства, наказание по ст. 490 УК Республики Армения предусматривает лишение свободы на срок от 2 до 5 лет, при применении насилия предусмотрено лишение свободы на срок от 4 до 8 лет, при наличии в деянии квалифицирующих признаков лишение свободы может быть назначено на срок от 5 до 10 лет, а при наличии в деянии особо квалифицирующих признаков – от 6 до 12 лет. За угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества по ч. 1 ст. 288.2 УК Азербайджанской Республики устанавливает менее строгое наказание, чем санкции ст. 490 УК Республики Армения. Так, в статье 288.2 установлено наказание в виде лишения свободы на срок до 3-х лет. За те же деяния, совершенные с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, предусмотрено лишение свободы на срок от 3 до 5 лет, а за деяния, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, предусмотрено лишение свободы на срок от 5 до 10 лет.

Также ст. 288.2 УК Азербайджанской Республики распространяется только на адвоката, участвующего в судебных разбирательствах, предварительном расследовании или исполнении судебных решений, в отличие от ст. 490 УК Республики Армения, в которой в качестве потерпевших будут выступать не только адвокат, непосредственно оказывающий квалифицированную юридическую помощь, но и адвокат как лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, вне зависимости от оказания непосредственно в настоящий момент квалифицированной юридической помощи кому-либо.

Аналогичное регулирование за некоторыми исключениями содержится в ст. 409 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Так, в диспозиции ч. 2 статьи установлено: «угроза убийством, причинением вреда здоровью, повреждением или уничтожением имущества в отношении прокурора, лица, осуществляющего досудебное расследование, защитника, эксперта, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с осуществлением досудебного расследования, рассмотрением дела или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта – наказывается штрафом в размере до 3-х тысяч месячных расчетных показателей, либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до 800 часов, либо ограничением свободы на срок до 3-х лет, либо лишением свободы на тот же срок». По части 3 совершение деяний, описанных в частях 1 или 2 настоящей статьи, при наличии хотя бы одного квалифицирующего признака, указанного в ч. 3, наказывается ограничением свободы на срок до 5 лет или лишением свободы на тот же срок.

В соответствии с ч. 4 применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, наказывается ограничением свободы либо лишением свободы на срок от 3-х до 7 лет. Согласно квалифицирующим признакам, указанным в ч. 5, деяние, описанное в ч. 4, наказывается ограничением свободы на срок от 5 до 10 лет либо лишением свободы на тот же срок.

Часть 6 устанавливает, что применение насилия, опасного для жизни или здоровья, наказывается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет. Если деяние, описанное в ч. 6, совершено при наличии хотя бы одного квалифицирующего признака, указанного в ч. 7, оно наказывается лишением свободы на срок от 12 до 17 лет.

Часть 2 ст. 296 УК РФ предусматривает, что ответственность за «угрозу убийством, причинения вреда здоровью, уничтожения или повреждения имущества в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации, а равно их близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, – наказывается штрафом в размере до 200 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо принудительными работами на срок до

2-х лет, либо арестом на срок от 3-х до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 2-х лет».

Применение насилия, не представляющего опасности для жизни или здоровья, при совершении деяний, описанных в ч. 1 или 2 настоящей статьи, влечет за собой наказание в виде принудительных работ на срок до 5 лет или лишения свободы на тот же срок. Если деяния, описанные в ч. 1 или 2 настоящей статьи, совершены с применением насилия, создающего угрозу для жизни или здоровья, то, согласно ч. 4 ст. 296 УК РФ, виновный наказывается принудительными работами на срок до 5 лет либо лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Таким образом, при анализе УК Азербайджанской Республики, УК Республики Армения, УК Республики Казахстан и УК Российской Федерации делается вывод, что наказание за угрозу убийством, причинения вреда здоровью, уничтожения или повреждения имущества более эффективное (репрессивное) в уголовном законодательстве Республики Казахстан. В дополнение Ю.И. Соловьева в своей работе «Уголовно-правовая охрана адвокатов от преступных посягательств в странах постсоветского пространства» справедливо указывает, что «наиболее эффективным представляется законодательный подход, предполагающий повышенную уголовную ответственность за посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц» [4].

Уголовное законодательство некоторых стран постсоветского пространства предусматривает норму о воспрепятствовании деятельности адвоката. Подробнее об этом далее.

Так, в Уголовном кодексе Республики Армения содержится статья 486, которая устанавливает «наказание в виде штрафа максимально в 20-кратном размере, или общественными работами продолжительностью от 80 до 150 часов, или ограничением свободы максимально на срок 2 года, или краткосрочным лишением свободы максимально на срок 2 месяца, или лишением свободы максимально на срок 2 года, за вмешательство в любой форме в деятельность прокурора, следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, адвоката или представителя в целях воспрепятствования деятельности суда или расследованию дела, в целях воспрепятствования осуществлению правосудия или других полномочий».

Часть 2 данной статьи содержит перечень обстоятельств, отягчающих деяние, предусмотренное частью 1. При наличии хотя бы одного из этих обстоятельств наказание составит: штраф в размере от 10-кратного до 30-кратного, или общественные работы от 100 до 200 часов, или ограничение свободы на срок от 1-го года до 3-х лет, или краткосрочное лишение свободы на срок от 1-го до 2-х месяцев, либо лишение свободы на срок от 1-го года до 3-х лет.

Часть 3 рассматриваемой статьи определяет особо квалифицирующие признаки, наличие хотя бы одного из которых влечет за собой лишение свободы на срок от 3 до 6 лет.

Необходимо отметить, что УК Республики Армения содержит ст. 491, в диспозиции которой закреплено, что за «воспрепятствование осуществлению полномочий адвоката, если это было проявлено путем незаконного запрета на доступ адвоката в любое место лишения свободы для свидания со своим подзащитным, предусмотрено наказание в виде штрафа максимально в 10-кратном размере, или общественными работами продолжительностью максимально 100 часов, или ограничением свободы продолжительностью максимально 1 год, или краткосрочным лишением свободы максимально на срок 1 месяц».

Норма, прямо устанавливающая уголовную ответственность за воспрепятствование при осуществлении адвокатом своей профессиональной деятельности, содержится и в ст. 435 УК Республики Казахстан: «воспрепятствование законной деятельности адвокатов и иных лиц по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в уголовном процессе, а равно оказанию физическим и юридическим лицам юридической помощи либо иное нарушение самостоятельности и независимости такой деятельности, если эти деяния причинили существенный вред правам, свободам или законным интересам человека и гражданина, правам или законным интересам юридических лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, – наказываются штрафом в размере до двух тысяч месячных расчетных показателей, либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до 800 часов, либо ограничением свободы на срок до 3-х лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Таким образом, приведенный пример демонстрирует, что в уголовном законодательстве как Республики Армения, так и Республики Казахстан, адвокатская деятельность признается частью правосудия, а воспрепятствование ей рассматривается как преступление против правосудия. При этом следует также отметить, что санкция за данное деяние в разы строже по УК Республики Казахстан. В связи с этим некоторые ученые считают

уголовное законодательство Республики Казахстан наиболее прогрессивным в этой сфере [7].

Из приведенного анализа норм уголовного законодательства государств постсоветского пространства видно, что наиболее прогрессивным в исследуемой автором сфере является уголовное законодательство Республики Казахстан и Республики Армения. Также уголовное законодательство Республики Казахстан наиболее строгое. Сравнительный анализ правовых норм, регламентирующих защиту адвокатской деятельности, показывает, что уголовно-правовое законодательство стран достаточно схоже. Однако в Уголовном кодексе РФ отсутствует норма, регламентирующая защиту адвоката как лица, получившего статус адвоката в установленном законом порядке, так и в случаях оказания им квалифицированной юридической помощи, а равно и мести за его профессиональную деятельность. Представляется, что для защиты адвокатской корпорации, повышения эффективности оказания адвокатами-защитниками квалифицированной юридической помощи весьма интересным и обоснованным будет регламентирование уголовно-правовой защиты адвокатской деятельности в уголовном законодательстве Российской Федерации. Предлагается внести соответствующие изменения в Уголовный кодекс РФ путем добавления статьи, предусматривающей ответственность за такого рода деяния. Использование опыта государств постсоветского пространства в качестве опоры для российского законодателя [2] в данном случае могло бы иметь скорее положительные тенденции, нежели отрицательные. Такое регулирование действенно может повлиять на разрешение ситуации невозможности полноценной реализации в условиях современной действительности права на квалифицированную юридическую помощь, равенства сторон обвинения и защиты.

Список источников

1. Воробьёв А.С. Уголовная ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность // Юридическая наука. 2020. № 4. С. 72–74.

2. Попов Ю.В. Сравнительно-правовая характеристика посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, по УК РФ и законодательству государств СНГ // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). С. 102–107.

3. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

4. Соловьева Ю.И. Уголовно-правовая охрана адвокатов от преступных посягательств в странах постсоветского пространства // Евразийская адвокатура. 2022. № 3 (58). С. 28–32.

5. Стецовский Ю.И. Защита адвоката от уголовного преследования // Адвокат. 2007. № 9. С. 23–39.

6. Тагиева Н.Н. Вопросы регламентации ответственности за посягательство на жизнь лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование (по Уголовному кодексу Азербайджанской Республики) // Современное право. 2011. № 12. С. 128–132.

7. Фурлет С.П. Об уголовной и административной ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвокатов в Республике Казахстан // Адвокатская практика. 2016. № 3. С. 59–64.

References

1. Vorob'yov A.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za vmeshatel'stvo v advokatskuyu deyatel'nost' // Yuridicheskaya nauka. 2020. № 4. S. 72–74.

2. Popov Yu.V. Sravnitel'no-pravovaya harakteristika posyagatel'stva na zhizn' lica, osushchestvlyayushchego pravosudie ili predvaritel'noe rassledovanie, po UK RF i zakonodatel'stvu gosudarstv SNG // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 27 (281). S. 102–107.

3. Ragulin A.V. Professional'nye prava advokata-zashchitnika v Rossijskoj Federacii: voprosy teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015.

4. Solov'eva Yu.I. Ugolovno-pravovaya ohrana advokatov ot prestupnyh posyagatel'stv v stranah postsovetskogo prostranstva // Evrazijskaya advokatura. 2022. № 3 (58). S. 28–32.

5. Stecovskij Yu.I. Zashchita advokata ot ugolovnogo presledovaniya // Advokat. 2007. № 9. S. 23–39.

6. Tagieva N.N. Voprosy reglamentacii otvetstvennosti za posyagatel'stvo na zhizn' lic, osushchestvlyayushchih pravosudie ili predvaritel'noe rassledovanie (po Ugolovnomu kodeksu Azerbajdzhanskoj Respubliki) // Sovremennoe pravo. 2011. № 12. S. 128–132.

7. Furlet S.P. Ob ugolovnoj i administrativnoj otvetstvennosti za vosprepyatstvovanie zakonnoj deyatel'nosti advokatov v Respublike Kazahstan // Advokatskaya praktika. 2016. № 3. S. 59–64.

Статья поступила в редакцию 28.09.25; одобрена после рецензирования 01.10.25; принята к публикации 01.10.25.

The article was submitted 28.09.25 ; approved after reviewing 01.10.25; accepted for publication 01.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 108.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):108.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_108

«Я – ПОДДАННЫЙ. БЕСПРАВИЕ. БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ. БЕЗДЕЙСТВИЕ»: ИСТИННАЯ СУТЬ ПСЕВДОПАТРИОТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ОТ РЕПРЕССИВНЫХ ПЕДАГОГОВ ИЗ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье проведён всесторонний правовой и институциональный анализ проекта «Я – гражданин: Право. Ответственность. Действие», инициированного Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации. Автор доказывает, что под видом патриотического и правопросветительского воспитания молодёжи проект реализует функции идеологической индоктринации и политической мобилизации, не свойственные адвокатуре как независимому институту гражданского общества. В работе показано, что участие ФПА в подобных инициативах свидетельствует о глубоком кризисе независимости адвокатуры и трансформации её в инструмент государственной пропаганды. Отдельное внимание уделено анализу содержания программы проекта, её противоречию конституционным ценностям, подмене прав граждан их обязанностями, а также грубым нарушениям принципа адвокатской тайны при использовании цифрового сервиса «Адвокатская тайна». Автор приходит к выводу, что проект «Я – гражданин» представляет собой проявление «захвата» адвокатуры и демонстрирует окончательный отказ ФПА от своей правозащитной миссии.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская монополия, Федеральная палата адвокатов, адвокатская тайна, независимость адвокатуры, права человека, захват адвокатуры, репрессивная педагогика, правовое просвещение, патриотизм, идеологизация

Для цитирования: Рагулин А.В. «Я – подданный. Бесправие. Безответственность. Бездействие»: истинная суть псевдопатриотического проекта от репрессивных педагогов из Федеральной палаты адвокатов // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 108. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_108

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

«I AM A PATRIAL. DEPRIVATION OF RIGHTS. LACK OF ACCOUNTABILITY. FAILURE TO ACT»: THE CORE OF THE PSEUDOPATRIOTIC PROJECT FROM THE FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES` REPRESSIVE TEACHERS

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of Moscow Advocate`s Chamber, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article provides a comprehensive legal and institutional analysis of the project «I Am a Citizen: Law. Responsibility. Action» initiated by the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. The author argues that, under the guise of patriotic and civic education, the project actually performs ideological indoctrination and political mobilization functions that are alien to the legal profession as an independent institution of civil society. The study demonstrates that the Federal Chamber's involvement in such initiatives reflects a deep institutional crisis of independence and its transformation into a tool of state propaganda. Special attention is given to the content of the program, its

© Рагулин А.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

contradiction to constitutional values, the substitution of citizens' rights with duties, and serious violations of attorney–client confidentiality through the digital service «Attorney's Secret». The author concludes that the project epitomizes the ongoing «seizure» of the Bar and legal profession in Russia and marks the Federal Chamber's final departure from its human rights mission.

Keywords: legal profession, Federal Chamber of Advocates, legal education, patriotism, ideological indoctrination, attorney–client privilege, independence of the bar, human rights, capture of the bar, repressive pedagogy, lawyer`s monopoly

For citation: Ragulin A.V. «I am a Patrial. Deprivation of Rights. Lack of Accountability. Failure to Act»: the Core of the Pseudopatriotic Project from the Federal Chamber of Advocates` Repressive Teachers = Eurasian advocacy. 2025;5(76):108. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_108

Как адвокат, профессор и ученый-исследователь считаю своим профессиональным долгом дать развернутую критическую оценку проекту «Я – гражданин: Право. Ответственность. Действие» (далее – Проект), инициированному Федеральной палатой адвокатов (ФПА) и Союзом молодых адвокатов России (СМАР) в сотрудничестве с Федеральным союзом адвокатов России и Советом молодых дипломатов Министерства иностранных дел России [1].

Проект официально заявлен как инициатива Федеральной палаты адвокатов (ФПА) и Союза молодых адвокатов России по патриотическому воспитанию молодежи, направленная на формирование правовой грамотности, гражданской ответственности и активной гражданской позиции подрастающего поколения. В материалах Проекта прямо декларируется, что он позиционируется как «патриотическое воспитание» молодёжи, «направленное на формирование личной ответственности и защиты государственности».

Однако обнародованные материалы и программное содержание Проекта [1], а также уже опубликованная информация о его практической реализации [2–11] свидетельствуют не о патриотической и правопросветительской деятельности, а о том, что на самом деле Проект представляет собой проявление институциональной деформации адвокатуры и опасную антиобщественную акцию. Вместо защиты прав и свобод, что является сутью адвокатской деятельности, мы наблюдаем, как «захваченная» государством корпорация под руководством не избираемых демократическим путем должностных лиц ФПА, членами которой адвокаты России не являются [15], используется в качестве инструмента идеологической индоктринации молодежи, подменяя конституционные ценности репрессивной повесткой, насаждаемой отдельными государственными акторами.

1. Институциональный коллапс: выполнение адвокатурой несвойственных ей функций

Фундаментальная проблема Проекта лежит в его сущности, организаторах и целях.

Адвокат – это защитник прав и свобод, а не пропагандист и не воспитатель. Его обязанность – служение интересам доверителя и праву, а не проведение государственной или партийной идеологии. Смешение этих функций подрывает саму суть профессии адвоката.

Адвокатура, согласно ее правовой природе, российскому законодательству и международным стандартам, таким как Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов [18], является независимым институтом гражданского общества, предназначенным для оказания квалифицированной юридической помощи и защиты прав человека. Профессиональные объединения адвокатов обязаны защищать независимость адвокатов, а не действовать как «агенты власти». Они не должны выполнять функции государственного контроля и политического воспитания. Функция адвокатуры – быть барьером между гражданином и государственной машиной, а не ее составной частью.

Проект наглядно демонстрирует нам обратное. Он инициирован ФПА и СМАР – организацией, которая является «марионеточной» структурой, созданной руководством ФПА для продвижения необходимых ей и государству нарративов и подавления независимых адвокатских инициатив.

Участие в Проекте Совета молодых дипломатов МИД РФ, сенаторов Совета Федерации, глав регионов подтверждает то, о чем написано в докладе «Захват» адвокатуры и преследование адвокатов в Российской Федерации: как вернуть независимость адвокатов и право граждан на защиту» [15]. Мы видим, что произошла недопустимая политизация и подчинение органов адвокатского самоуправления государственным акторам. ФПА вместо защиты преследуемых адвокатов тратит корпоративные ресурсы на поддержку политики, продвигаемой отдельными государственными акторами и органами. Фактически ФПА берет на себя несвойственную ей публично-политическую функцию, что подтверждает ее «захваченность» и зависимость.

Переориентация ФПА как организации, претендующей на то, чтобы выступать в качестве профессиональной организации адвокатов, на государственно-образовательную псевдопатриотическую миссию создаёт конфликт ролей: адвокатура перестаёт быть нейтральным гарантом доступа к правосудию и возможностью представления интересов лиц, критиковавших государство. Такая трансформация несёт риски институциональной компрометации независимости адвокатуры и утраты доверия населения, особенно у групп, которые нуждаются в защите от государства.

Когда адвокат, чья профессиональная этика требует нейтральности и независимости, выступает в аудитории с лекцией, носящей явный идеологический окрас, это уничтожает границы между правовым просвещением и государственной пропагандой. Это создает конфликт интересов: как молодые люди могут доверять адвокату как защитнику, если они видят в нем, в первую очередь, проводника официальной линии? Это подрывает доверие к институту адвокатуры как к независимому защитнику перед лицом государства.

Таким образом, ФПА выполняет не свою миссию, а несвойственную ей государственную функцию по патриотическому воспитанию молодежи в идеологическом ключе, продиктованном текущей политической повесткой. Это создает институциональный конфликт ролей и риски для доступа к независимой защите, риски доверия к профессии и очевидно является прямым следствием «захвата» ФПА и утраты адвокатурой своей независимости, превращения ее в «министерство адвокатуры», обслуживающее любые интересы государственных акторов, от которых фактически зависит не избираемое адвокатами демократическим путем руководство этой организации.

2. Содержательная несообразность Проекта с научной концепцией патриотизма

В гуманитарной и правовой традиции «патриотизм» часто определяется как любовь к Родине, выражаемая через уважение к конституции, правам и обязанностям, готовность защищать общие блага и одновременно как уважение к плюрализму мнений и правам граждан. Важный компонент патриотизма – критическая преданность, т. е. патриотизм, совмещённый с правовым сознанием и защитой прав человека [16, 17].

Анализ содержания программы Проекта [14] показывает, что большая часть предложенной им лекции декларирует объяснение понятий «конституции», «прав», «ответственности», но при этом делает упор на «безопасность государства», «противодействие врагам», «шпионаж». Мероприятия проходят в формате публично-ориентированных лекций с апелляциями к «единству» и государственной повестке.

Между тем в содержании предложенных Проектом лекций явно прослеживается слабое присутствие вопросов, направленных на развитие навыков гражданской критики, правовую защиту интересов меньшинств, защиту прав оппонентов; при этом преобладают практики конформизма и мобилизации. Это расходится с научной концепцией зрелого патриотизма, основанной на уважении к правам человека и верховенству права.

Правовая грамотность в Проекте представлена преимущественно как средство предотвращения «угроз государственности», а не как средство расширения доступа к защите, защиты прав человека и развития независимого правового мышления. Такое «правовое воспитание» превращается в инструмент пропаганды, а не в воспитание активного гражданина – патриота.

Таким образом, на основе содержания материалов проекта можно обоснованно утверждать, что проект не соответствует здравой научно-правовой модели патриотизма, ориентированной на защиту прав и верховенство права. Он ориентирован прежде всего на формирование лояльности, что ставит под сомнение его заявленную образовательную и гражданско-просветительскую цель.

3. Профанация патриотизма: подмена правового просвещения репрессивным запугиванием

Детальный анализ наполнения программы лекций Проекта [14] показывает, что она является образцом манипулятивного подхода. Декларируя благие цели («деконструировать стереотипы», «уйти от клише к сути», «сформировать личную связь»), она предлагает молодежи не знание о правах, а исключительно инструкцию по запретам.

Между тем истинный патриотизм и гражданственность, основанные на уважении к Конституции, невозможны без глубокого понимания таких фундаментальных прав и свобод, как свобода слова (ст. 29 Конституции РФ), свобода собраний (ст. 31 Конституции РФ), право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ). Однако анализ содержания лекций показывает, что об этих правах в Проекте речи не идет.

Анализ содержания программы Проекта [14] показывает, что она, прикрываясь голословными декларациями о «правовом просвещении» и «активной гражданской позиции», на деле представляет собой инструмент идеологической обработки и запугивания.

Программа содержит фундаментальные несостыковки, правовые искажения и манипулятивные приемы, направленные не на воспитание свободного гражданина, а на формирование пассивного, лояльного и запуганного субъекта-подданного.

Программа содержит вопиющее противоречие между заявленными целями и фактическим содержанием. Целью ставится формирование «осознанного понимания гражданственности и патриотизма как активной позиции». В задачах указано: «помочь слушателям осознать себя действующими гражданами» и «мотивировать к действию». Однако все содержание программы системно и целенаправленно блокирует, криминализует и маргинализует любую форму реальной гражданской активности, связанной с политической и общественной жизнью. Все «правовое просвещение» сводится к запугиванию статьями Уголовного кодекса и КоАП, причем в самой репрессивной, а нередко в неправильной их трактовке.

Детальное исследование показывает, что программа искусственно разделяет «гражданственность» на два типа: «безопасная» (аполитичная) активность (единственный тип действий, который программа поощряет. В качестве примеров «гражданственности в повседневности» предлагаются: «учеба», «бережное отношение к имуществу, участие в субботниках», «волонтерство», «экология», «здоровый образ жизни») и «опасная» (политическая) активность (форма гражданственности в программе полностью перенесена из поля прав в поле правонарушений и преступлений). Таким образом, «активная позиция», которую продвигает проект, – это позиция уборщика, волонтера и прилежного студента. Позиция же гражданина, реализующего свои конституционные политические права, представляется разработчиками программы Проекта исключительно как путь правонарушителя. Это классический метод авторитарных систем по перенаправлению социальной энергии из политической сферы (где она представляет угрозу для власти) в социальную (где она безопасна или даже полезна).

Бросаются в глаза и используемая разработчиками Проекта подмена понятий, и подход, состоящий в установлении приоритета обязанностей над правами: программа грубо искажает основы конституционного строя и философии права, манипулятивно ставя обязанности выше прав. Тезис программы: «права не существуют без ответственного исполнения обязанностей». Однако здесь мы видим доктринальную и конституционную несостыковку, поскольку разработчиками Проекта используется фундаментальная ложь, переворачивающая суть современного конституционализма. В правовом государстве именно права человека первичны и абсолютны. Статья 2 Конституции Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В статье 18 Конституции Российской Федерации прямо указывается, что «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Программа же продвигает не конституционную, а патерналистскую (государственническую) модель: гражданин получает права от государства лишь в обмен на «ответственное исполнение» (читай: лояльность и послушание).

Эта подмена закрепляется в структуре программы предложенной лекции: блок «Права и обязанности» длится 15 минут, а блок «Ответственный гражданин – сильная Россия!» (по факту представляющий собой некий «перечень наказаний») – 25 минут. Более того, при беглом перечислении «ключевых конституционных прав» (на образование, труд, участие в управлении) выясняется, что сознательно отсутствуют фундаментальные политические права: статья 29 (свобода слова) и статья 31 (свобода собраний). Они не упоминаются как права в принципе, но появляются в следующем блоке как составы преступлений.

Основной блок программы (25 минут) не имеет ничего общего с правовым просвещением. Это лекция, состоящая исключительно из запугивания статьями УК и КоАП. При этом даются не просто статьи, а их расширительные и юридически некорректные трактовки.

Программа полностью игнорирует статью 31 Конституции РФ, гарантирующую право на мирные собрания. Вместо разъяснения конституционного права и уведомительного порядка программа сразу вводит неконституционное понятие «санкционированный». Она представляет ограничительную законную (а по мнению многих юристов и ЕСПЧ, и вовсе неправовую) практику согласований как единственно возможную норму, умалчивая о самом праве. Наглядно проявилась и такая манипуляция: «репост… призыва с комментарием «Все идем!» могут быть расценены как... соучастие в организации несанкционированного мероприятия». Это прямое насаждение «охлаж-

дающего эффекта» с целью запугать школьника, чтобы он боялся даже выразить мнение в сети.

Право на митинги в программе не анализируется. Вместо этого блок информации посвящен исключительно ответственности за «несанкционированные» акции. Получается, что в рамках Проекта молодежи не объясняют, как реализовать свое право, а лишь сообщают, что за его реализацию грозит штраф или лишение свободы. Авторами проекта при этом в программе лекции упоминается фактически не существующая в УК РФ статья 212.2.

Право на информацию и свободу мысли, слова и выражения мнений (ст. 29 Конституции РФ) подменяется угрозами ответственности по статьям УК РФ о «шпионаже» и «государственной тайне». В качестве примера приводится пересылка студентом документа с грифом «Для служебного пользования» (ДСП) «интернет-другу». Относительно вопросов о шпионаже и государственной тайне программа допускает не просто спорный момент, а прямую юридическую дезинформацию. Использованный в программе «практический пример» – вопиющая ложь. Сведения, составляющие государственную тайну, и сведения «для служебного пользования» (ДСП) – это абсолютно разные правовые категории. Режим государственной тайны регулируется ФЗ «О государственной тайне» и имеет грифы «Секретно», «Совершенно секретно». Режим «ДСП» регулируется Постановлением Правительства № 1233 и является служебной информацией ограниченного распространения, не являющейся гостайной. Программа лекций же умышленно смешивает эти понятия. Она приравнивает передачу служебной, но не секретной, информации к тягчайшему государственному преступлению. Отсюда видна цель реализаторов Проекта – тотальное запугивание лиц, занимающихся наукой и (или) имеющих контакты за рубежом. Получается, что авторы Проекта стараются посеять у его участников параноидальный страх перед любым международным общением.

Блок «Ключевые принципы ответственного поведения в Интернете» под видом советов по безопасности продвигает модель поведения, основанную на страхе и доносительстве. Ключевой тезис проекта сформулирован так: «Сообщай о подозрительном: если видишь в сети призывы к терроризму, экстремизму... сообщи... в правоохранительные органы (можно анонимно...)». Таким образом, вместо того чтобы учить критическому мышлению и анализу (задача «деконструировать стереотипы»), программа прямо поощряет доносительство как норму гражданского поведения. Это имеет прямые аналогии с тоталитарными практиками, где государство делегирует функции надзора самим гражданам, разрушая социальное доверие.

Свобода слова и дискуссии подменяются статьями об оправдании нацизма (ст. 354.1 УК РФ) и экстремизме (ст. 282 УК РФ). Примеры подобраны разработчиками проекта таким образом, чтобы через бесспорно осуждаемые примеры провести идею о недопустимости любой альтернативной исторической дискуссии, что особенно опасно в контексте преследования за иное видение конкретных событий Второй мировой войны.

Право на свободу ассоциаций (ст. 30 Конституции) подменяется угрозами по ст. 205.1 УК РФ (финансирование терроризма), где в качестве примера приводится «пересылка даже небольшой суммы денег».

Таким образом, анализ программы Проекта показывает: он не учит молодежь быть гражданами. Он учит их быть молчаливыми и согласными на все подданными. Он не просвещает, а запугивает. Это не «правовое просвещение», а уголовно-правовая индоктринация, цель которой – превентивное подавление любой гражданской и политической активности. Все это показывает, что Проект не имеет ничего общего ни с патриотизмом, ни с правом, ни, тем более, с миссией адвокатуры.

Хотя проект официально заявлен как просветительский, его институциональное оформление, содержательные акценты и риторика создают основания для сопоставления с практиками институциональной идеологизации и мобилизации, характерными для авторитарных и тоталитарных государственных систем. В публичных выступлениях и анонсах проекта [2–11] присутствуют формулировки типа «враги пытаются повлиять на умы молодёжи», «нужно выступать единым фронтом», «обеспечить, чтобы активная молодёжь была патриотичной и стояла на защите Родины».

Проект стартует на территориях с особой политической нагрузкой и реализуется при участии отдельных представителей государственных институтов. При этом «историческая» и «правовая» канва Проекта, как следует из его программы, типичны для проектов, использующих образовательные практики для интеграции граждан в линейку государственной идеологии, а не для развития критического правового мышления. Риторика мобилизации, примененная в Проекте, характерна для тоталитарных и авторитарных режимов, где воспитательная функция ставится выше плюрализма мнений.

Известно, что тоталитарные практики включают сращение профессиональных институтов и государственной идеологии, мобилизацию институтов гражданского общества в интересах государственной целеполагательности. Как видим, при реализации Проекта наблюдается тесное сотрудничество адвокатуры как корпоративного института с органами власти и отдельными политическими деятелями, а также с центрами, отвечающими за «патриотическое воспитание». Это институциональное следствие «захвата» адвокатуры. Формат Проекта, его цели и риторика явно имеют прямые аналогии с практиками тоталитарных и авторитарных режимов, где профессиональные корпорации (союзы писателей, юристов, врачей, судей, журналистов) лишаются своей независимости и превращаются в идеологические отделы правящей партии.

В моем докладе отмечалось, что «захват» ФПА привел к подавлению инакомыслия, цензуре и преследованию адвокатов по политическим мотивам [15]. Теперь ФПА, используя подконтрольный ей СМАР, пытается масштабировать эти практики на все общество, начиная с молодежи. Это являет нам желание должностных лиц ФПА и их сторонников осуществить системную подмену понятий, свойственную тоталитарному дискурсу, где «ответственность» подменяет «свободу», «безопасность государства» подменяет «права человека», «патриотизм» – «лояльность власти». Лекция первого вице-президента ФПА Михаила Толчеева «Основы конституционализма и гражданской идентичности» в этом контексте выглядит особенно цинично. Как можно говорить о конституционализме, продвигая практики, нарушающие базовые конституционные права?

Отсюда следует вывод о том, что Проект направлен на создание того, что в международной практике называется «охлаждающим эффектом» («chilling effect»). После таких «лекций» человек десять раз подумает, прежде чем пойти даже на согласованный пикет, написать комментарий в сети или пообщаться с иностранным коллегой, да и вообще с любым другим лицом. Стало быть, цель Проекта – не воспитать гражданина, а воспитать удобного, пассивного и запуганного обывателя-подданного. Это прямо противоречит роли адвокатуры как института, призванного поощрять защиту своих прав.

4. «Адвокатская тайна» как ловушка: институционализация доносительства

Наиболее вопиющим и циничным аспектом Проекта является его цифровой сервис, «Адвокатская тайна» и форма обратной связи «Задайте вопрос адвокату».

Лицам, столкнувшимся с «шантажом, террористической активностью или иными правонарушениями», испытывающим страх перед обращением к родителям, учителям или правоохранителям, предлагается якобы «конфиденциально» обратиться к адвокату при помощи сайта Проекта. При этом заявляется, что «сервис подразумевает строгое соблюдение конфиденциальности: вся информация, полученная адвокатом в рамках консультации, составляет профессиональную тайну (адвокатскую тайну) и не подлежит разглашению каким-либо третьим лицам, включая официальные органы» [13].

Это сознательная дезинформация, создающая прямую угрозу безопасности несовершеннолетних. Не зря материал о Проекте в газете «Коммерсант», несмотря на его общую позитивную направленность, обусловленную, очевидно, недостаточным, но простительным для газетной статьи анализом вопроса, был назван не иначе как «Конец детства» [22]. Судя по тому, что предложено разработчиками и реализаторами Проекта, этот «конец детства» будет сопровождаться гораздо более далеко идущими последствиями.

Заявление организаторов о «строгом соблюдении конфиденциальности» в рамках данного сервиса является либо правовым невежеством, либо сознательным введением в заблуждение, так как технически и юридически обеспечить ее в рамках предложенного сайта невозможно. Подтверждается это тем, что сайт Проекта [1], предоставляющий пользователям возможность обмена сообщениями (форму обратной связи), по всем признакам подпадает под действие ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 и является «организатором распространения информации» (ОРИ).

По действующему регулированию, организаторы интернет-коммуникаций, предоставляющие сервисы для приёма / передачи электронных сообщений, обязаны уведомлять Роскомнадзор и при включении в реестр становятся предметом регулирования и возможного взаимодействия с уполномоченными органами (вплоть до процедур «запрос–ответ» по Постановлениям и требованиям безопасности). Материалы проекта явно это фиксируют. Согласно закону, ОРИ обязан хранить на территории Российской Федерации в течение шести месяцев информацию о фактах приема, передачи, доставки и обработки электронных сообщений пользователей, а также

информацию об этих пользователях (так называемые «метаданные» о том, кто, кому, когда писал). Более того, ОРИ обязан предоставлять эти сведения уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ОРД) или обеспечение безопасности РФ (ФСБ, МВД и другие), и обеспечивать установление им требований к оборудованию (СОРМ).

Адвокатская тайна – установленная законом профессиональная гарантия конфиденциальности, которую обеспечивают адвокаты. Однако техническая платформа, через которую осуществляется обращение (веб-форма, чат), как информационная система, может быть и очевидно будет и адресатом запросов со стороны правоохранительных органов, и объектом применения мер оперативно-розыскного характера без судебного решения в порядке, предусмотренном специальным регулированием. Это означает, что заявляемая организаторами проекта конфиденциальность общения в реальности не совпадает с невозможностью доступа к формируемым в ходе реализации Проекта данным со стороны государственных органов. Если платформа обязана быть в реестре, существует потенциальная и весьма явная уязвимость для доступа третьих лиц.

В отсутствие публично доступных и проверяемых гарантий (а таких добросовестному актору давать нельзя в силу противоречия содержания таких гарантий закону), технической и процессуальной защиты платформа создает реальную угрозу нарушения адвокатской тайны.

Как было детально установлено в ранее проведенных исследованиях, правовой режим ОРИ не предоставляет коммуникациям защиты, эквивалентной адвокатской тайне или тайне связи [12, 21]. Поэтому, например, в отличие от предусмотренной ст. 186.1 УПК РФ, требующей судебного решения для получения информации о соединениях «абонента» оператора связи, или ст. 450.1 УПК РФ, определяющей особенности обыска в отношении адвоката, положения законодательства об ОРИ и практика их применения позволяют уполномоченным государственным органам получать доступ к метаданным и, с высокой долей вероятности, к содержанию конкретных сообщений пользователей интернет-сервисов без судебного решения. В лучшем случае организатор распространения информации обязан предоставить все запрошенные данные по простому запросу, в худшем – органы имеют прямой доступ к серверам в рамках СОРМ даже без ведома ОРИ и участников Проекта. Таким образом, вся переписка подростка с адвокатом через сайт проекта, включая сам факт обращения, время, IP-адрес и другие данные, не защищена адвокатской тайной в ее классическом понимании, поскольку она и юридически, и фактически попадает в зону контроля спецслужб, причем на внесудебной основе. Никакие действенные гарантии неиспользования этих данных как доказательств также не могут быть представлены.

Статья 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» гарантирует, что адвокатская тайна неприкосновенна, и любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи, не подлежат разглашению. Однако, используя инфраструктуру, являющуюся ОРИ, ФПА добровольно помещает конфиденциальное общение в правовое поле, где действуют иные, репрессивные нормы. Это создает правовой вакуум и грубейшим образом нарушает как российское законодательство об адвокатуре, так и международные стандарты (в частности, пп. 16 и 22 Основных положений о роли адвокатов ООН, которые требуют от правительств обеспечения конфиденциальности коммуникаций адвокат–доверитель). Впрочем, то же самое ФПА уже давно практикует и в навязанной ею адвокатам Комплексной информационной системе адвокатуры России [19].

Обещание «строгого соблюдения конфиденциальности» и «адвокатской тайны» на сайте, являющемся ОРИ, является заведомо ложным. Подросток, который, доверившись ФПА, напишет о том, что его вовлекают в «террористическую активность», фактически пишет не адвокату, а практически напрямую в органы государственной безопасности. Это не просто нарушение – это профанация и ликвидация самого института адвокатской тайны, превращение адвоката из доверенного советника в невольного пособника правоохранительных органов. По сути, мы имеем дело с институционализацией доносительства под прикрытием адвокатского иммунитета.

Таким образом, в рамках Проекта создается некая «цифровая исповедальня», операторы которой по первому требованию, без судебного ордера, в силу закона обязаны передать «покаяние» подростка спецслужбам. Это не имеет ничего общего с деятельностью адвокатуры, а ближе к практикам тоталитарных государств по вербовке осведомителей.

5. Умолчание о значимых аспектах реализации Проекта

Сайт проекта весьма содержателен, что дает возможность детально проанализировать и установить его сущность. Однако, как мы видим,

детализированного отчёта о реальных целях, источниках финансирования, регламентах взаимодействия с органами власти, критериях оценки эффективности проекта на сайте нет. Нет данных и о проведении независимого экспертного аудита архитектуры сайта, протоколов связи, серверов и практик хранения данных, который мог бы быть проведен сертифицированной компанией по требуемым стандартам. Нет достоверных и полных данных и о том, где и как хранятся данные, собираемые в рамках Проекта, на каких условиях возможен доступ к ним, какие протоколы шифрования применяются, каков механизм реагирования на официальные запросы властей. Это свидетельствует о нежелании организаторов Проекта информировать общество обо всех реальных его свойствах и полностью подтверждает сформулированные выше доводы.

Выводы

Вышеизложенное доказывает: проект «Я – гражданин: Право. Ответственность. Действие» является антиправовым и антиадвокатским по своей сути.

Проект имеет крайне ограниченное отношение к формированию зрелой гражданской позиции и подлинного патриотизма, основанного на любви к Родине, ее истории и культуре, чувстве сопричастности и ответственности.

Этот проект – не про патриотизм. Это про лояльность. Он не про право. Он про страх. Он не про действие, а про соглашательство и бездействие.

Участие Федеральной палаты адвокатов в подобном Проекте – это окончательный отказ от своей правозащитной миссии в пользу обслуживания репрессивной государственной машины, что полностью подтверждает выводы предыдущих исследований о «захвате» адвокатуры посредством ФПА и адвокатских палат.

Проект, показывающий, что ФПА выполняет несвойственные ей функции в нарушение законодательства и международных стандартов организации и деятельности адвокатуры [16, 20], демонстрирует окончательную утрату ФПА своей независимости и превращение ее в структурный элемент аппарата государства.

Содержательная направленность программы лекции, проводимой в рамках Проекта (смещение акцента в пользу «безопасности государства» и мобилизационной риторики), не соответствует научной модели патриотизма, совместимого с правовой свободой и критикой. Гражданин в рамках этой программы предстает не как носитель прав и творец, а как потенциальный правонарушитель, которого необходимо удержать от противоправных действий путем запугивания санкциями.

Патриотизм разработчиков Проекта сводится к формуле «соблюдай законы, не выходи на несанкционированные митинги, не распространяй материалы». Это пассивная, оборонительная и по своей сути репрессивная модель гражданственности. В то же время в программе отсутствует дискуссия о таких основах гражданского общества, как права человека, свобода слова, совести, собраний, механизмы общественного контроля над властью, история и значение гражданского неповиновения, роль некоммерческих организаций, защита частной собственности, социальная ответственность бизнеса. Патриотизм, таким образом, в представлении реализаторов проекта, должен быть подменен лояльностью и послушанием.

Программа Проекта, являющаяся по своей сути образцом репрессивной педагогики, реализуемой руководством ФПА, то есть «захваченным» органом адвокатской корпорации, противоречит сама себе на всех уровнях: несостыковка цели и средств (декларируется «активный гражданин», а формируется «пассивный обыватель»), несостыковка формы и содержания (декларируется «интерактив» и «минимум монолога», но основной (25-минутный) блок представляет собой безальтернативный монолог о запретах, не допускающий дискуссии), правовые и доктринальные несостыковки (продвигается антиконституционный тезис о первичности обязанностей над правами, игнорируются фундаментальные политические свободы, содержатся прямые юридические подлоги).

Наполнение и методологический подход проекта приближают его к тоталитарным практикам идеологического воспитания, сопровождающимся ограничением плюрализма и критического мышления, что противоречит как научным представлениям о патриотизме как активной и свободной гражданской позиции, так и современному пониманию просвещения.

Проект подменяет правовое просвещение молодежи селективной репрессивной пропагандой, направленной на подавление гражданской активности и создание «охлаждающего эффекта».

Реализаторами Проекта к его участникам предъявляются жесткие нормы поведения, соответствующие интересам отдельных государственных акторов, с ограничением свободы выражения и участием в несанкционированных акциях, что противоречит идеалам гражданского патриотизма как уважения к правам и свободам граждан,

возможности критики и диалога. Таким образом, проект отдаляется от настоящего патриотизма как явления морального, нравственного и политического, превращая его в форму государственной идеологии, подчинения и контроля.

Проект цинично использует бренд «адвокатской тайны» для создания «цифровой ловушки», вводя его участников в заблуждение и создавая прямую угрозу их безопасности, что является грубейшим нарушением профессиональной этики и деонтологии. Коммуникационная архитектура Проекта не даёт никаких реальных гарантий защиты от доступа уполномоченных органов к конфиденциальной информации. Декларируемые гарантии адвокатской тайны носят заведомо ложный характер.

Данный Проект – яркий симптом системного «захвата» адвокатуры [14], он требует не поддержки, а немедленного прекращения и возвращения ФПА к исполнению своих прямых обязанностей: всесторонней защите прав граждан и защите независимости самой профессии от посягательств государства.

Реализация подобного Проекта наносит колоссальный репутационный ущерб российской адвокатуре, подрывает доверие к ней как внутри страны, так и на международной арене, дискредитирует саму идею правового просвещения, поэтому здравомыслящей части юридического сообщества следует выступить против его дальнейшей реализации.

Список источников / References

1. https://проект-я-гражданин.рф/.
2. https://fparf.ru/news/fpa/ya-grazhdanin-pravo-otvetstvennost-deystvie/.
3. https://апчо.рф/novosti/novosti-apcho/ya-grazhdanin-pravo-otvetstvennost-deystvie-chelyabinsk2.html.
4. https://cfuv.ru/news/ya-grazhdanin-v-kfu-startoval-federalnyjj-patrioticheskijj-proekt?ysclid=mhgkwmbovq936118233.
5. https://t.me/fparf/13330?ysclid=mhgkwoeqe800532833.
6. https://fparf.ru/news/fpa/chtoby-iz-shkol-i-vuzov-vypuskalis-dostoynye-gramotnye-grazhdane-svoey-strany/.
7. https://vk.com/wall-202164931_40380?ysclid=mhgkwrfmoh381456708.
8. https://apmo.ru/poslednie-novosti/?CODE=v-apmo-obsudili-zapusk-federalnogo-proekta-ya-grazhdanin-pravo-otvetstvennost-deystvie&ysclid=mhgkwsu07e302054673.
9. https://advokatrd.ru/news/news_1817.html.
10. https://fparf.ru/news/fpa/my-soobshchestvo-kotoroe-zhivet-i-rabotaet-po-opredelennym-pravilam/.
11. http://council.gov.ru/events/news/169878/.
12. https://dzen.ru/a/Z1g_oUjJLmYxW7Ss?ysclid=mhguezwsn474905616.
13. https://www.ugpr.ru/news/9238-fpa-zapustila-novyy-servis-pravovoy-pomoshchi-podrostkam-advokatskaya-tayna?ysclid=mhgkwpnknm773220987.
14. https://проект-я-гражданин.рф/programma.
15. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu.
16. http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psycology-2023-9/e4-seleverstov-tkach.pdf.
17. https://s.esrae.ru/bulletinpp/pdf/2019/1/1217.pdf.
18. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml.
19. https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnyy-put-ili-skolzkaya-dorozhka-rossiyskoy-advokatury-otvet-na-statyu-eks-prezidenta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy.
20. https://www.avocatrus.org/международные-стандарты.
21. https://search.rsl.ru/ru/record/01007988275.
22. https://www.kommersant.ru/doc/8179000.

Статья поступила в редакцию 03.11.25; одобрена после рецензирования 08.11.25; принята к публикации 08.11.25.

The article was submitted 03.11.25 ; approved after reviewing 08.11.25; accepted for publication 08.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 117.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):117.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.965.4
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_117

АДВОКАТУРА И ЗАЩИТА ПРАВ ИНВЕСТОРОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: КОЛЛИЗИИ ЮРИСДИКЦИЙ И ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

КАЛУГИН Вадим Иванович
Аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии труда и социальных отношений
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается роль адвокатуры в обеспечении правовой защиты инвесторов в условиях цифровой экономики. Обосновывается, что адвокатура становится ключевым элементом правовой инфраструктуры цифрового общества, соединяющим национальные и международные механизмы регулирования, а также формирующим основы нового процессуального стандарта защиты прав в цифровой среде.

Ключевые слова: адвокатура, цифровая экономика, инвестиции, цифровые активы, международное право, защита инвесторов, БРИКС, ЕАЭС, цифровой суверенитет, электронные доказательства, цифровое право, правовое регулирование

Для цитирования: Калугин В.И. Адвокатура и защита прав инвесторов в цифровой экономике: коллизии юрисдикций и правовая определённость // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 117. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_117

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

ADVOCACY AND INVESTOR PROTECTION IN THE DIGITAL ECONOMY: JURISDICTIONAL CONFLICTS AND LEGAL CERTAINTY

KALUGIN Vadim Ivanovich
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and the Faculty of Law of the Academy of Labor and Social Relations
119454, Moscow, Lobachevsky St., 90, Russian Federation

Abstract: The article examines the role of the legal profession in ensuring the protection of investors' rights in the context of the digital economy. The study substantiates that the legal profession has become a key element of the legal infrastructure of the digital society, bridging national and international regulatory frameworks and shaping the foundation of a new procedural standard for the protection of rights in the digital environment.

Keywords: advocacy, digital economy, investments, digital assets, international law, investor protection, BRICS, EAEU, digital sovereignty, electronic evidence, digital law, legal regulation

For citation: Kalugin V.I. Advocacy and Investor Protection in the Digital Economy: Jurisdictional Conflicts and Legal Certainty = Eurasian advocacy. 2025;5(76):117. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_117

Цифровая экономика постепенно становится фундаментом современного инвестиционного процесса. Её ключевая особенность заключается в трансграничном характере: цифровые активы, токены и платформы действуют одновременно в разных юрисдикциях, что делает привычные национальные механизмы защиты инвесторов менее эффективными. Для адвокатуры это открывает новую профессиональную сферу, требующую комплексного владения нормами гражданского, инвестиционного и международного частного права, а также умения адаптировать их к динамично развивающейся цифровой среде.

Одной из центральных проблем цифровой эпохи остаётся правовая неопределённость. Технологии развиваются быстрее, чем законодательство, и каждое государство стремится найти собственную модель правового регулирования, соответствующую уровню цифровизации экономики и общественным запросам. Иногда объект

© Калугин В.И., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

регулирования очевиден и соотносится с уже известными формами гражданских отношений, но большинство аспектов цифровых процессов не имеют прямых аналогов. Это создаёт необходимость постепенного формирования устойчивых обычаев делового оборота, которые со временем трансформируются в нормы права или закрепляются в судебной практике. Такой путь эволюции позволяет выстраивать национальные подходы и подготавливает основу для создания международных стандартов правового регулирования.

Показательным примером может служить Индия, где общество отличается выраженным социальным расслоением, а валютная политика ориентирована на поддержание стабильности национальной рупии. Несмотря на отсутствие прямого законодательного признания криптовалют, государство установило 30-процентный налог на доходы от операций с ними [6]. Фактически это означает косвенное признание цифровых активов как экономического явления. Таким образом, Индия решает задачу финансового контроля и сглаживания неравенства, не разрушая стабильность внутренней валютной системы. Этот пример показывает, что даже при отсутствии развитого нормативного регулирования государство может использовать инструменты налоговой политики для регулирования новых финансовых форматов.

Российская Федерация избрала поэтапный путь правового регулирования цифровых активов. Первоначально судебная практика признала возможность квалификации цифровых активов как имущества (Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2022 № 305-ЭС21-18662 по делу № А40-212083/2019). Затем законодатель закрепил эти подходы в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где определены категории цифрового имущества, установлен порядок их эмиссии и обращения, а также статус участников рынка. В статье 14 закона прямо предусмотрена возможность расчётов между валютными резидентами и нерезидентами. Позднее Банк России уточнил требования к деятельности операторов обмена цифровых активов (Указание № 6253-У от 2022 г.). Эти шаги отражают стремление государства укрепить финансовый суверенитет и создать автономные механизмы расчётов в условиях санкционного давления, при этом сохранив возможность участия в международных инвестиционных процессах.

В Объединённых Арабских Эмиратах регулирование цифровых активов строится на основании профильного органа государственной власти – Управления по регулированию виртуальных активов (VARA). Такая модель сочетает государственный контроль и инвестиционную привлекательность, позволяя рассматривать цифровые активы не только как элемент инновационной экономики, но и как инструмент международного капитала. Развитие финансового сектора, совершенствование нормативной базы и формирование комфортного инвестиционного климата превращают ОАЭ в значимый центр финансовых технологий, где адвокатура играет особую роль в правовом обеспечении международных сделок и защите интересов иностранных инвесторов.

Сопоставление подходов России, Индии и Объединённых Арабских Эмиратов показывает отсутствие унифицированного международного стандарта защиты инвестиций в цифровой экономике. Каждое государство решает собственные задачи: Индия фокусируется на налоговом контроле и социальной стабильности, ОАЭ стремятся к диверсификации экономики и привлечению капитала, Россия – к укреплению финансового суверенитета. Эти различия свидетельствуют о том, что регулирование цифровых активов не может быть универсальным: оно тесно связано с внутренними экономическими интересами и политической моделью государства.

Различие национальных правовых систем и стратегий регулирования цифровых активов отражает общий процесс поиска равновесия между инновационным развитием и правовой безопасностью. Для Индии приоритетом остаётся контроль за валютными потоками и фискальная дисциплина, для ОАЭ – стимулирование международных инвестиций, для России – создание защищённой цифровой инфраструктуры, устойчивой к внешнему воздействию. Это демонстрирует, что правовое регулирование цифровых инвестиций всегда является отражением экономической политики. Для адвокатуры такое положение вещей означает необходимость мыслить междисциплинарно – сочетать знание права с пониманием экономических и технологических процессов, влияющих на инвестиционную среду.

На международном уровне важную роль в формировании стандартов цифрового регулирования играют инициативы ОЭСР, ЮНСИТРАЛ и Всемирной организации интеллектуальной собственности. Так, в рамках ОЭСР ведётся работа по согласованию принципов ответственности цифровых посредников и защите прав инвесторов в сетевой среде. Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) разрабатывает

типовые законы, регулирующие электронные сделки и использование распределённых реестров. В свою очередь ВОИС уделяет внимание охране цифровых результатов интеллектуальной деятельности, включая алгоритмы и базы данных. Участие адвокатского сообщества в экспертных консультациях этих организаций способно обеспечить баланс интересов между государственным регулированием и свободой цифрового предпринимательства [5].

Международная адвокатская практика демонстрирует, что участие профессиональных сообществ в разработке глобальных правовых норм становится неотъемлемым элементом формирования устойчивого инвестиционного климата. Именно адвокаты обеспечивают практическую применимость международных соглашений, переводя общие принципы в конкретные механизмы защиты прав инвесторов. Для России активное участие адвокатуры в таких процессах способствует выработке позиций, которые отражают баланс между национальными интересами и международными обязательствами. В частности, российские представители могли бы участвовать в разработке единых процедур рассмотрения цифровых споров и экспертизы электронных доказательств на уровне ЮНСИТРАЛ и Совета Европы. Это не только повысит авторитет отечественной правовой системы, но и обеспечит интеграцию национальной адвокатуры в глобальные стандарты правового регулирования цифровой экономики.

Кроме того, международные ассоциации адвокатов формируют каналы обмена опытом в сфере защиты инвесторов. Обсуждение типовых кейсов, публикация аналитических обзоров и совместные конференции позволяют формировать наднациональное понимание допустимых стандартов поведения в цифровой среде. Такие профессиональные контакты становятся источником гармонизации правоприменения и укрепляют правовую предсказуемость трансграничных инвестиций.

На этом фоне адвокатура становится связующим элементом между различными правовыми системами. Адвокаты адаптируют нормы внутреннего права к трансграничным сделкам, обеспечивая защиту инвесторов в условиях разнообразия юрисдикций. Постепенно формируется система профессиональных стандартов, типовых договорных положений и этических принципов, которые применяются при заключении и исполнении сделок с цифровыми активами. Эти инструменты выполняют стабилизирующую функцию, позволяя участникам рынка действовать в рамках согласованных правил, даже когда законодательное регулирование остаётся фрагментарным.

Параллельно адвокатское сообщество способствует институциональному сближению государств. В условиях отсутствия универсальных норм именно адвокатура выступает катализатором правовой гармонизации. Создание профессиональных диалоговых площадок при Федеральной палате адвокатов России, а также в рамках международных объединений, таких как БРИКС или ЕАЭС, может стать эффективным механизмом выработки согласованных принципов регулирования цифровых активов и защиты инвесторов. Эта деятельность позволяет адвокатуре выйти за рамки национального правоприменения и формировать основы для наднационального регулирования цифровой экономики.

В более широком контексте адвокатура становится инструментом правовой интеграции, объединяющим национальные и международные механизмы регулирования. Через договорные практики, арбитражные процедуры и консультативные заключения адвокаты создают устойчивые правовые модели, которые впоследствии закрепляются в судебных решениях и нормативных актах. Именно адвокатская практика формирует основу будущих международных стандартов обращения с цифровыми активами – стандартов, основанных на универсальных принципах добросовестности, прозрачности и защиты частной инициативы.

Право на судебную защиту инвестора закреплено в статье 46 Конституции Российской Федерации и реализуется через положения Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В соответствии со статьями 2 и 3 данного закона адвокатура обеспечивает доступ к правосудию и защиту прав и законных интересов граждан и организаций. В цифровой экономике адвокат выступает не только как представитель стороны, но и как эксперт, соединяющий традиционные правовые механизмы с технологическими инновациями. Он обеспечивает юридическую безопасность инвестиций, выступая посредником между правом, экономикой и цифровыми технологиями.

Современные сделки с цифровыми активами требуют от сторон внимательного выбора применимого права, условий расчётов и арбитражных процедур. Гражданское законодательство большинства стран предоставляет участникам высокий уровень диспозитивности, что позволяет

минимизировать риски трансграничных операций [4]. В то же время каждая сторона таких отношений преследует собственные цели, и задача адвоката заключается в поиске баланса интересов, который обеспечит стабильность сделки. Использование норм разных юрисдикций и международных механизмов разрешения споров позволяет сторонам достигать правовой определённости даже в условиях неоднозначного регулирования цифровых активов.

Судебная практика подтверждает особую значимость участия адвоката в цифровых инвестиционных отношениях. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 15 февраля 2022 г. № 305-ЭС21-27546 по делу № А40-121543/2020 отметил, что при квалификации цифровых активов как имущества необходимо исходить из экономического содержания отношений. Это означает, что суды признают приоритет фактических обстоятельств над формой, а адвокат, обладая профессиональной экспертизой, помогает сторонам представить доказательства, подтверждающие экономическую сущность операции. В условиях, когда законодательство не успевает за технологическим развитием, компетентная юридическая защита становится ключевым инструментом обеспечения справедливости и правовой определённости.

Не менее важным направлением является возможность включения в соглашения арбитражных и медиационных процедур. Верховный Суд РФ в Определении от 21 марта 2023 г. № 309-ЭС22-17679 подтвердил допустимость согласования арбитражных оговорок при цифровых сделках. Это позволяет сторонам рассматривать споры вне государственных судов, что особенно важно при трансграничных операциях.

Современные инвестиционные отношения требуют системного подхода к проверке цифровых активов. В мировой практике формируются критерии благонадежности и достоверности, направленные на установление правомерности происхождения активов, их технической и правовой чистоты. Адвокат, выполняющий такие проверки, должен обладать компетенциями в сфере финансового мониторинга, анализа блокчейн-транзакций и оценки соответствия проектов требованиям законодательства о защите информации.

Особое внимание уделяется вопросам комплаенса: каждая сделка с цифровыми активами должна сопровождаться документальным подтверждением законности операций, идентификации сторон и источников средств. Это создаёт дополнительный уровень доверия между участниками и снижает риски привлечения к ответственности за нарушение валютного, налогового или санкционного режима. В перспективе подобные механизмы могут стать обязательными элементами международных инвестиционных договоров, а адвокатские образования – площадками для подготовки экспертов в области цифрового аудита и правового контроля цифровых сделок.

Арбитражные институты, обладающие отраслевой специализацией, обеспечивают более гибкий и профессиональный подход к разрешению конфликтов, ориентированный на интересы участников цифрового рынка. Однако отдельные категории споров могут рассматриваться и в государственных судах. Так, Арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 28 сентября 2023 г. по делу № А40-318746/2021 признал недопустимым одностороннее ограничение доступа инвестора к цифровому счёту платформой без судебного акта, подчеркнув приоритет процессуальных гарантий над корпоративными интересами.

Адвокатская деятельность в сфере цифровых инвестиций базируется на нормах международного частного права. В соответствии со статьями 1186–1192 Гражданского кодекса Российской Федерации стороны могут самостоятельно определить применимое право, однако императивные нормы российского законодательства действуют независимо от этого выбора, если направлены на защиту публичных интересов. Подобный подход отражает баланс между свободой договора и необходимостью обеспечения правовой стабильности. Для адвоката это означает необходимость владения сравнительно-правовыми инструментами и понимания особенностей коллизионных норм в контексте цифровых технологий.

Особое значение адвокатура приобретает в защите розничных инвесторов, действующих через цифровые платформы и инвестиционные сервисы. Федеральные законы от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» и от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» закрепляют базовые гарантии защиты инвесторов, но их практическая реализация во многом обеспечивается именно адвокатами. В Обзоре Федеральной палаты адвокатов РФ «О защите прав инвесторов на рынке цифровых активов» (2023 г.) подчёркивается, что адвокат должен не только защищать интересы клиента в процессе, но и помогать ему адаптироваться к цифровой среде, разъясняя правовые последствия совершаемых действий.

Верховный Суд РФ в пункте 6 Обзора судебной практики № 1 (2024 г.) отметил, что оборот

цифровых активов подчиняется общим принципам гражданского права, включая защиту имущественных интересов. Это положение подчёркивает необходимость интеграции традиционных правовых норм с цифровыми технологиями. Адвокат в цифровой сфере выступает не только как защитник, но и как аналитик, оценивающий правовые риски технологических процессов и предлагающий оптимальные стратегии поведения.

Федеральная палата адвокатов РФ в разъяснениях от 20 июня 2023 г. указала, что адвокат, осуществляющий защиту инвестора, должен быть готов к анализу норм иностранного права и международных соглашений, регулирующих признание решений в цифровых спорах. Этот аспект становится особенно важным, поскольку трансграничные цифровые сделки нередко подпадают под юрисдикцию нескольких государств. Одни страны стремятся распространить своё регулирование глобально, другие, напротив, считают цифровое пространство наднациональной сферой. В таких условиях адвокат должен не только разбираться в международных коллизионных нормах, но и уметь разрабатывать правовые стратегии, учитывающие специфику каждой юрисдикции.

Современный адвокат, работающий с цифровыми активами, должен обладать не только правовыми, но и технологическими компетенциями. Понимание принципов функционирования блокчейн-систем, смарт-контрактов и алгоритмов искусственного интеллекта становится необходимым элементом профессиональной подготовки. Невозможно грамотно защищать интересы инвестора, не владея основами цифрового аудита и анализа электронных доказательств. В этой связи особую значимость приобретает обновление образовательных стандартов юридического образования, включающих дисциплины по цифровому праву, информационной безопасности и международному регулированию цифровых финансов. Кроме того, адвокатские палаты могли бы внедрять программы повышения квалификации, направленные на развитие цифровой культуры и навыков работы с электронными документами. Такая подготовка позволит повысить качество правовой помощи и укрепить доверие клиентов в сфере высокотехнологичных инвестиций.

Формирование цифровой инфраструктуры адвокатуры становится стратегическим направлением её модернизации. Создание единого электронного контура правовой деятельности позволит обеспечить взаимодействие адвокатов, судов, государственных органов и клиентов на безопасной цифровой платформе. Уже сейчас обсуждаются проекты интеграции электронного документооборота, дистанционного участия в заседаниях и хранения доказательств в защищённых распределённых системах.

Такая инфраструктура должна соответствовать требованиям конфиденциальности и профессиональной тайны, при этом обеспечивая доступность юридических услуг на всей территории страны. Разработка специализированных цифровых инструментов – от баз данных судебных решений до интеллектуальных систем анализа правовых рисков – откроет возможность для более точной и оперативной защиты интересов инвесторов. Однако важным остаётся сохранение этических стандартов: цифровизация не должна снижать уровень доверия между адвокатом и клиентом. Напротив, она должна укреплять ответственность и прозрачность профессиональной деятельности, задавая новые стандарты цифрового правосудия [3].

Проблема юрисдикции остаётся одной из ключевых в цифровой экономике. Следует выработать универсальные критерии, позволяющие определить, к какому государству относится спор – по месту нахождения сторон, месту осуществления деятельности, контролю над платформой или обработке данных. Пока такие стандарты не сформированы, существует риск параллельных процессов и противоречивых судебных решений. Это приводит к правовой фрагментации и снижает предсказуемость регулирования. Решением может стать концепция «юрисдикционной нейтральности» цифровых операций, основанная на сочетании функциональных и правовых критериев. Она предполагает, что применимое право определяется не только территорией, но и характером цифрового взаимодействия, включая место исполнения обязательств и обработки информации.

Развитие международных механизмов согласования юрисдикций становится приоритетным направлением правовой науки и практики. Создание специализированных центров цифрового арбитража, реестров признанных органов разрешения споров и процедур признания решений позволит сократить дублирование процессов и повысить доверие к трансграничным инвестициям. В этом процессе адвокатура может играть ведущую роль, формируя устойчивые модели взаимодействия между национальными и международными институтами.

Опыт региональных объединений, таких как БРИКС и Евразийский экономический союз, подтверждает эффективность интеграционного

подхода. Страны БРИКС активно развивают правовые механизмы цифрового взаимодействия, включая проекты расчётов в цифровых валютах и обмена финансовыми данными. Эти процессы создают предпосылки для выработки общих принципов регулирования и защиты инвесторов. Для адвокатуры государств-участников это открывает новые возможности для сотрудничества и формирования единого профессионального пространства, основанного на общих этических и правовых стандартах.

Развитие цифровой экономики в России и странах ЕАЭС сопровождается стремлением к укреплению цифрового суверенитета. Под этим понимается способность государств самостоятельно регулировать цифровые процессы, обеспечивая защиту персональных данных, финансовых потоков и технологической инфраструктуры. В условиях санкционного давления и нестабильности глобальных рынков такой подход становится фактором национальной безопасности. При этом цифровой суверенитет не означает изоляцию: напротив, он предполагает создание собственных стандартов, совместимых с международными практиками, но учитывающих региональные особенности. Для адвокатуры это открывает возможность участия в формировании правовых механизмов, обеспечивающих независимость цифровых сервисов и справедливое распределение рисков между участниками трансграничных сделок. Системное развитие правовой инфраструктуры ЕАЭС может стать примером того, как региональные союзы формируют автономные, но при этом открытые модели цифрового правопорядка.

ЕАЭС, в свою очередь, демонстрирует системность подхода к цифровой интеграции. В «Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», утверждённых решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12, зафиксированы меры по развитию цифрового законодательства, взаимному признанию электронных доверенных сервисов и защите инвестиций. Реализация этих инициатив способствует укреплению доверия между участниками союзных государств и создаёт базу для унификации правоприменительной практики. В результате адвокатура стран ЕАЭС становится активным участником процессов цифровой трансформации, обеспечивая юридическую поддержку трансграничных сделок и защиту прав инвесторов.

Таким образом, адвокатура выполняет двойную функцию: она обеспечивает индивидуальную правовую защиту инвестора и одновременно формирует основу будущего законодательства. Через судебную и договорную практику адвокаты создают устойчивые правовые модели, которые закрепляются в актах высших судебных органов и становятся частью правовой системы. Она выполняет роль посредника между государством, бизнесом и обществом, обеспечивая доверие к новым формам экономической деятельности. Через участие в международных проектах, нормотворческих инициативах и образовательных программах адвокаты формируют новую культуру юридического мышления, ориентированную на технологичность, транспарентность и ответственность. В условиях, когда цифровая экономика становится основой мировой финансовой системы, именно адвокатура способна сохранить гуманистическое измерение права, обеспечивая баланс между инновациями и защитой человеческих ценностей.

Цифровые инвестиции невозможны без доверия, как между участниками сделки, так и между частными инвесторами и государством. Адвокатура в этом контексте выполняет уникальную роль посредника, обеспечивая взаимную уверенность сторон в законности и добросовестности действий. Присутствие адвоката в процессе заключения, исполнения и разрешения споров по цифровым контрактам формирует правовую культуру ответственности и снижает вероятность злоупотреблений.

Кроме того, адвокат становится гарантом транспарентности: его участие в сделке подтверждает, что операции соответствуют требованиям законодательства, а информация, представленная сторонами, проверена и достоверна. В будущем институт адвокатского заверения цифровых документов может получить нормативное закрепление и стать альтернативой нотариальному удостоверению в сфере цифровых активов. Такая практика уже частично реализуется в ряде европейских стран и может быть адаптирована в России с учётом особенностей отечественного права.

Укрепление доверия к адвокатуре также способствует снижению регуляторных барьеров: государственные органы охотнее взаимодействуют с юристами, обладающими статусом адвоката, чем с частными консультантами, поскольку адвокат несёт профессиональную ответственность и действует в рамках закона. Это повышает качество правовой экспертизы цифровых проектов и способствует формированию единого стандарта правового сопровождения инвестиций в цифровой экономике.

Научная новизна проведённого исследования заключается в комплексном понимании адвокату-

ры как ключевого института правовой адаптации цифровых инвестиций. Адвокат в современных условиях не просто защищает клиента, он соединяет правовую, технологическую и экономическую сферы, обеспечивая интеграцию цифровых инноваций в систему права.

Адвокат участвует в формировании не только существующей практики, но и новой методологической основы анализа адвокатуры как института цифрового правопорядка. Впервые адвокатура рассматривается не как вспомогательный элемент судебной системы, а как самостоятельный участник цифровой трансформации экономики, влияющий на правотворческий процесс. Предлагаемая концепция соединяет частноправовые и публично-правовые начала адвокатской деятельности, раскрывая её как механизм интеграции инноваций в правовую среду.

Исследование показывает, что адвокатура способна выступать своеобразным фильтром между быстрым технологическим прогрессом и консервативной правовой материей. Именно адвокат транслирует нормы права в цифровую плоскость, адаптируя их к новым форматам сделок и коммуникаций. Такой подход позволяет по-новому осмыслить функции адвокатуры – не только как гаранта правовой защиты, но и как института, обеспечивающего устойчивое развитие цифрового общества.

Кроме того, научная новизна проявляется в разработке авторской классификации рисков цифровых инвестиций, включающей правовые, технологические и этические компоненты. В рамках работы предложена концепция «правового компаса адвоката» – совокупности принципов, позволяющих оценивать цифровые проекты с точки зрения законности, устойчивости и добросовестности. Этот подход может быть использован при создании методических рекомендаций ФПА РФ и в образовательных программах по цифровому праву.

Научная значимость полученных результатов заключается не только в обобщении существующей практики, но и в формировании новой методологической основы анализа адвокатуры как института цифрового правопорядка. Впервые адвокатура рассматривается не как вспомогательный элемент судебной системы, а как самостоятельный участник цифровой трансформации экономики, влияющий на правотворческий процесс. Предлагаемая концепция соединяет частноправовые и публично-правовые начала адвокатской деятельности, раскрывая её как механизм интеграции инноваций в правовую среду.

Исследование показывает, что адвокатура способна выступать своеобразным фильтром между быстрым технологическим прогрессом и консервативной правовой материей. Именно адвокат транслирует нормы права в цифровую плоскость, адаптируя их к новым форматам сделок и коммуникаций. Такой подход позволяет по-новому осмыслить функции адвокатуры – не только как гаранта правовой защиты, но и как института, обеспечивающего устойчивое развитие цифрового общества.

Кроме того, научная новизна проявляется в разработке авторской классификации рисков цифровых инвестиций, включающей правовые, технологические и этические компоненты. В рамках работы предложена концепция «правового компаса адвоката» – совокупности принципов, позволяющих оценивать цифровые проекты с точки зрения законности, устойчивости и добросовестности. Этот подход может быть использован при создании методических рекомендаций ФПА РФ и в образовательных программах по цифровому праву.

В дальнейшем перспективными направлениями научных исследований могут стать разработка наднациональных стандартов защиты инвесторов в рамках ЕАЭС и БРИКС, формирование единого подхода к допустимости электронных доказательств и создание методологии цифрового процессуального стандарта. Эти инициативы позволят укрепить правовую устойчивость международных инвестиций и утвердить роль адвокатуры как ключевого субъекта цифровой правовой интеграции.

Список источников / References

1. https://elibrary.ru/item.asp?id=54729114.
2. https://elibrary.ru/item.asp?id=53987192.
3. https://elibrary.ru/item.asp?id=55200419.
4. https://elibrary.ru/item.asp?id=55100324.
5. https://www.researchgate.net/publication/Legal_Protection_of_Digital_Investors.
6. https://www.indiacode.nic.in/.

Статья поступила в редакцию 29.10.25; одобрена после рецензирования 05.11.25; принята к публикации 05.11.25.

The article was submitted 29.10.25 ; approved after reviewing 05.11.25; accepted for publication 05.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 124.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):124.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 343.140.02
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_124

ГЕНЕЗИС ПОНИМАНИЯ ОТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

МОКРОВСКИЙ Андрей Викторович
Аспирант Ульяновского государственного университета
432063, г. Ульяновск, пер. Комсомольский, д. 15А, Российская Федерация

Аннотация: Статья прослеживает историческую эволюцию одного из ключевых свойств доказательств в уголовном судопроизводстве – их относимости – от античности до современного российского права. На основе анализа первоисточников и научных доктрин демонстрируется, как понимание этого критерия трансформировалось от его зарождения в римском праве, где умысел и обстоятельства дела были центральными элементами, через формализацию в средневековом инквизиционном процессе, где «царицей доказательств» стало признание, к кардинальному пересмотру в советский период, когда относимость подменилась целесообразностью установления «объективной истины». Особое внимание уделяется возвращению в современный УПК РФ строгих формально-юридических критериев, связывающих относимость с предметом доказывания. Автор приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие единой научной дефиниции, конкретное содержание принципа относимости сегодня активно формируется правоприменительной практикой высших судов, которая развивает такие его аспекты, как процессуальная экономия, запрет исследования не относящихся к обвинению обстоятельств и обязательность учёта опровергающих версию обвинения доказательств.

Ключевые слова: относимость доказательств, теория доказательств, уголовный процесс, генезис, история права, римское право, инквизиционный процесс, УПК РФ, предмет доказывания, судебная практика, допустимость доказательств, процессуальная экономия

Для цитирования: Мокровский А.В. Генезис понимания относимости доказательств // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 124. https://doi.org/ 10.52068/2304-9839_2025_76_5_124

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF RELEVANCE OF EVIDENCE

MOKROVSKY Andrey Viktorovich
Postgraduate Student of Ulyanovsk State University
432063, Ulyanovsk, Komsomolsky lane, 15A, Russian Federation

Abstract: The article traces the historical evolution of one of the key properties of evidence in criminal proceedings – its relevance – from antiquity to modern Russian law. Based on the analysis of primary sources and scholarly doctrines, it demonstrates how the understanding of this criterion transformed from its origins in Roman law, where intent and case circumstances were central elements, through formalization in the medieval inquisitorial process, where confession became the «queen of evidence» to a radical revision during the Soviet period, when relevance was replaced by the expediency of establishing «objective truth». Special attention is paid to the return, in the modern Russian Criminal Procedure Code (CPC RF), of strict formal legal criteria linking relevance to the subject of proof. The author concludes that, despite the absence of a unified scholarly definition, the specific content of the principle of relevance is now actively shaped by the applied practice of higher courts, which develops such aspects as procedural economy, the prohibition of investigating circumstances irrelevant to the accusation, and the mandatory consideration of evidence contradicting the prosecution's case.

Keywords: relevance of evidence, theory of evidence, criminal procedure, genesis, legal history, Roman law, inquisitorial process, CPC RF, subject of proof, judicial practice, admissibility of evidence, procedural economy

For citation: Mokrovsky A.V. The Genesis of the Concept of Relevance of Evidence = Eurasian advocacy. 2025;5(76):124. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_124

© Мокровский А.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Содержательное значение термина «генезис» определяет его как «происхождение, история зарождения» [13, с. 127]. Если применить данное определение к понятию «относимые доказательства», можно определить, что фактически первыми, кто стал законодательно закреплять связь доказательств по уголовному делу с предметом доказывания, были римляне [1]. Одним из наиболее содержательных текстов, дошедших до нас, из которых можно сделать вывод о системе формирования понятия относимых доказательств в античном мире, являются «Дигесты» Юстиниана, книга 48 которых содержит основные понятия о системе доказательств того времени [8]. Из указанного источника видно, что уже в Древнем Риме уголовный процесс знал понятие corpus delicti (тело преступления) [4, с. 369], которое соответствует нашему понятию состав преступления.

В римском уголовном процессе, как это следует из Титула VIII Кодекса Юстиниана, оценка относимости любого доказательства была напрямую подчинена главной цели – установлению умысла обвиняемого [8, с. 85]. Законодатель целенаправленно фильтровал обстоятельства дела, признавая относимыми лишь те, что проливали свет на внутренние намерения лица. Так, доказательство в виде наличия у фигуранта дела определенного орудия (меч или бытовой предмет) считалось строго относимым, так как недвусмысленно указывало суду на наличие или отсутствие прямого умысла на убийство [8, с. 85]. Аналогично, относимость доказательства о хранении яда у подозреваемого всецело зависела от контекста его предполагаемого использования: отнесение этого факта к делу происходило, только если он свидетельствовал о преступном замысле, в то время как то же действие с медицинской целью признавалось не имеющим отношения к вине [8, с. 87]. Таким образом, весь доказательственный процесс был выстроен как механизм отбора и анализа лишь тех улик, которые считались относящимися к установлению субъективной стороны преступления, отсекая все второстепенное. Закон обязывал судью проводить расследование обязательно, принимать показания свидетелей, вещественные доказательства. Так, при убийстве в ссоре требовалось обязательно исследовать, имел ли обвиняемый намерение убить потерпевшего. Вывод об умысле в этом случае строился на основании орудия преступления (меч это или бытовой предмет) и обстоятельств дела (если обнажил меч, то значит с целью убийства, а если кинул какой-нибудь предмет в человека случайно, то не имел умысла на убийство) [8, с. 89].

Римское право, как следует из анализа Дигест, сформировало строгую систему доказывания, центральным элементом которой был принцип относимости. Судья был обязан отбирать лишь те доказательства, которые имели непосредственное отношение к существенным вопросам дела: установлению самого события преступления (corpus delicti), доказательству умысла и определению меры наказания. Ярким примером служит закон Корнелия, где прямое доказательство умысла (например, факт изготовления яда с целью убийства) признавалось абсолютно относимым и решающим для квалификации деяния как умышленного [8, с. 85]. Напротив, обстоятельства, не проясняющие эти ключевые аспекты (например, иные составы преступлений), отсекались как неотносимые [8, с. 91]. Таким образом, весь доказательственный процесс был подчинен цели выявления субъективной стороны преступления, где намерение преступника зачастую значило больше, чем сам результат, что заложило основу для современных уголовно-процессуальных систем.

Исследования римского уголовного процесса показывают, что система доказывания основывалась на строгой классификации относимых доказательств по их источнику и достоверности [2, с. 400]. Показания свободных граждан оценивались с учётом их социального статуса и репутации, при этом устные свидетельства в суде ценились выше письменных [2, с. 401]. Признание обвиняемого, особенно при задержании на месте преступления, часто приравнивалось к доказательству вины [2, с. 437–439]. Свидетельства рабов, полученные под пыткой (с определёнными правовыми ограничениями), допускались, но были запрещены против их господина [2, с. 414–418]. Вещественные и письменные доказательства требовали устного подтверждения, а косвенные улики допускались практикой, хотя формально не признавались [2, с. 418–420]. Оценка доказательств строилась на их количестве, согласованности и исключении ненадёжных источников, требуя от судьи разумного анализа. Как отмечал Д.В. Дождев [9, с. 549], специфика Рима заключалась в сочетании частного и публичного начала: дела частного обвинения инициировались потерпевшим, а уголовные преступления – любым гражданином в интересах общества, что определяло и распределение бремени доказывания между сторонами процесса [9, с. 556].

Анализ кражи (furtum) в римском праве демонстрирует отточенную систему отбора относимых доказательств, строго привязанных к элементам состава преступления. Ключевыми и

подлежащими доказыванию являлись: сам факт противоправного изъятия вещи (contrectatio), умысел вора (animus furandi) и действие против воли собственника (invito domino) [9, с. 552]. Относимыми признавались доказательства, конкретизирующие форму кражи: была ли она явной (manifestum) или нет (nec manifestum), совершена ли ночью (nocturnum) или с оружием, а также обстоятельства, прямо влияющие на размер штрафа, такие как обнаружение похищенного при обыске (conceptum) или стоимость ущерба [9, с. 552]. При этом право потерпевшего на иск (actio furti) доказывалось его интересом к сохранности вещи, даже без права собственности [9, с. 553]. Таким образом, римская юридическая мысль создала четкий фильтр: доказательство считалось относимым, только если оно напрямую подтверждало конкретный юридически значимый факт, исключая абстрактные рассуждения и гипотетические ситуации.

Также необходимо отметить, что процесс доказывания в римском судопроизводстве был обвинительный, кроме того, можно утверждать, что именно с него начал формироваться инквизиционный тип процесса, получивший распространение в дальнейшем [2, с. 421–422]. Предварительное следствие не имело строго установленной формы, но, скорее всего, учитывало вышеуказанные процессуальные правила [2, с. 421–422].

Этот переход от обвинительного к инквизиционному процессу оказал значительное влияние на последующее развитие уголовного судопроизводства, особенно в Средние века. Именно в этот период заложенные в римском праве начала, такие как систематизация доказательств, зарождение предварительного расследования и усиление роли судьи в их оценке, получили дальнейшее развитие и были институционализированы.

Таким образом, сформировавшийся в поздней античности фундамент стал непосредственной основой для средневекового уголовного процесса. Продолжая изучать историческое развитие понятия относимости доказательств, логично обратиться к тому, как эти принципы были трансформированы и систематизированы в средневековом судопроизводстве, и каковы были новые основания для оценки доказательств по уголовному делу как относимых.

Средневековое уголовное судопроизводство, основанное на инквизиционном типе процесса, отказалось от римской идеи corpus delicti в пользу формальной теории доказательств, где «царицей доказательств» считалось собственное признание обвиняемого, получаемое в том числе и под пыткой [10, с. 8]. Наиболее полно эти принципы были систематизированы в Уголовно-судебном уложении императора Карла V (Constitutio Criminalis Carolina) 1532 года [10], которое унифицировало правила доказывания и закрепило пытку как легальный метод получения относимого доказательства вины.

В Уголовно-судебном уложении Священной империи установлены строгие критерии относимых доказательств, необходимых для применения таких мер, как взятие под стражу, заключение в тюрьму или допрос под пыткой. Согласно общему праву, эти меры могут быть применены только при наличии доброкачественных доказательств, признаков истины, подозрений или улик преступления [10, с. 44]. При этом законодатель признает, что невозможно исчерпывающе описать все возможные обстоятельства, которые могут служить доказательствами, поэтому приводятся конкретные примеры, позволяющие судьям и служилым людям правильно оценивать улики [10, с. 46]. Уложение вводит понятие доказательств, как касающихся предмета доказывания по отдельным видам преступлений [10, с. 51], так и относящихся ко всем составам преступлений [10, с. 46]. В тексте данного закона относимые доказательства названы «достаточными» (в современном немецком языке «относимое доказательство» переводится как «relevantes Beweismaterial», в тексте оригинала Каролины в данном случае написано «gnugsamer beweisung» (рус. «достаточное доказательство»), однако, согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [13, с. 177], ДОСТАТОЧНЫЙ – «удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям», и следовательно, в современном юридическом контексте «gnugsamer beweisung» действительно можно перевести как «относимое к делу доказательство») доказательствами [10, с. 45], а допустимые доказательства называются «доброкачественными» [10, с. 43]. Достаточные и доброкачественные доказательства связаны между собой и образуют совокупность «достаточных доброкачественных доказательств». Оценка совокупности достаточных доброкачественных доказательств происходила также по критерию достоверности [10, с. 44]. Под «доброкачественным доказательством» понимаются не только прямые свидетельства вины, но и признаки истины, улики, подозрения и предположения, которые в совокупности создают достаточные основания для применения процессуальных мер. Важно отметить, что ни одно относимое доказательство в отдельности не может служить основанием для допроса под пыткой – требуется

совокупность факторов. Например, дурная репутация подозреваемого, его присутствие на месте преступления или связь с преступниками сами по себе не являются относимыми доказательствами, но в сочетании с другими уликами могут обосновать применение строгих мер.

Для разных видов преступлений предусмотрены специфические виды относимых доказательств. Например, в делах об убийстве относимыми уликами могут служить окровавленная одежда или оружие подозреваемого, а также его владение имуществом убитого [10, с. 51–52]. В случаях отравления ключевым относимым доказательством является факт приобретения яда, особенно если подозреваемый имел мотив для преступления [10, с. 53]. Для разбоя и краж важны такие относимые к делу улики, как владение награбленным, необъяснимые траты или наличие орудий преступления [10, с. 53–54]. Следует отметить, что средневековые уголовные процессы имели еще одно специфическое относимое доказательство виновности обвиняемого – это ордалии и судебные поединки (Божий суд как форма доказывания) [11, с. 495].

Таким образом, средневековое судопроизводство, формально признавая понятие относимых доказательств, на практике свело его к формальной системе, где главным критерием была не объективная связь с составом преступления, а соответствие установленным процедурам. Относимыми признавались строго определённые виды доказательств: собственное признание (часто добытое под пыткой), показания двух свидетелей, улики, письменные доказательства или результаты ордалий. Хотя формально закон требовал от судьи взвешенной оценки, учёта опровергающих обстоятельств и даже консультаций с законоведами в сомнительных случаях, на практике система страдала от крайнего субъективизма, предвзятости, злоупотребления пытками и влияния суеверий. Это привело к тому, что теоретический запрет на осуждение при недостатке доказательств легко обходился на практике, а сама система долгое время избегала критического пересмотра, оставаясь в плену формальных и зачастую архаичных правил.

Эволюция подхода к получению и оценке относимых доказательств в уголовном судопроизводстве привела на первом этапе к отказу от пыток и переосмыслению теории формальных доказательств, что было основой инквизиционного суда. В теории и на практике начали формироваться современные принципы относимости доказательств.

Сформировавшаяся к XIX в. в английском уголовном судопроизводстве релевантная теория доказательств установила строгий принцип относимости, согласно которому в судебном следствии допускались только доказательства, имеющие непосредственную связь с предметом доказывания. Задача судьи заключалась в недопущении неотносимых доказательств, а в случае их проникновения в процесс – в нейтрализации их влияния путём разъяснения присяжным их юридической несостоятельности [7, с. 8]. Хотя судья предоставлял присяжным правовые критерии оценки и мог требовать оправдательного вердикта при явной недостаточности доказательств, окончательное решение оставалось за коллегией присяжных, свободных в оценке совокупности доказательств. Однако этот принцип сочетался с механизмом судебного контроля: вердикт, игнорирующий правовые наставления или не соответствующий требованию связи между доказательствами и составом преступления, мог быть отменён судьей или вышестоящим судом. Таким образом, система сочетала свободу оценки доказательств присяжными с формально-правовыми гарантиями, обеспечивая защиту от неправомерного осуждения и демонстрируя взаимодействие процессуальной формы с материальными целями правосудия.

Многие русские ученые-процессуалисты того времени обратили внимание на релевантную теорию доказательств, которая, по мнению В.Д. Спасовича, как система правил об относимых доказательствах возникла благодаря труду судей, является важной для уголовного процесса, и ее значение становится очевидным по мере признания недостатков формальной теории доказательств [15, с. XI–XII]. Д.Н. Стефановский считал, что неотносимые к предмету доказывания по уголовному делу «мнимо-доказательства» способны породить только замешательства и возбудить страсти в уголовном судопроизводстве, и избежать этого могут помочь только положения об относимых к делу доказательствах, которые с самого начала процесса настоятельно требуют соблюдения логической связи между доказываемым вопросом и средствами доказывания, обязывая суд всякое доказательство, не имеющее близкого отношения к делу или страдающее формальными недостатками, заранее исключать из совокупности доказательств [14, с. 4]. С.Г. Громачевский писал, что по делу должны предоставляться только ясные доказательств [6, с. 263–266].

Исторический анализ эволюции критерия относимости доказательств в дореволюционной

России демонстрирует его центральную роль в становлении современной теории доказывания. Ключевые выводы: относимость составляет основу всей доказательственной теории, исключая решения на основе впечатлений или симпатий; её развитие зависит не только от науки, но и от положительного закона и судебной практики; судейское усмотрение играет решающую роль при оценке относимости, что требует выработки четких критериев связи фактов с рассматриваемым делом. Таким образом, деятельность судьи сочетает формальное подчинение закону со свободой усмотрения, что предполагает необходимость не только глубоких правовых знаний, но и развитого правосознания, сформированного наукой и практикой.

После революции 1917 года развитие теории относимости доказательств в России претерпело коренной пересмотр под влиянием социалистической идеологии. Советская правовая доктрина, формально признавая относимость как связь доказательств с обстоятельствами дела, на практике существенно трансформировала это понятие, сместив акцент с юридической связи на целесообразность и потенциальную полезность сведений для установления «материальной истины» [5, с. 154]. В отличие от дореволюционного подхода, где относимость жёстко ограничивалась предметом доказывания, советская теория допускала включение в доказательственную базу любых фактов, способных прямо или косвенно помочь в восстановлении картины преступления, включая промежуточные обстоятельства, данные для проверки достоверности других доказательств или опровержения альтернативных версий. Это привело к формированию широкого, функционального подхода, где критерий относимости оценивался не столько с точки зрения формальной связи с составом преступления, сколько с позиции прикладной полезности для следствия и суда, что отражало общую тенденцию советского процесса на приоритет материальной истины над формальными процедурными гарантиями [16, с. 190–191].

Этот рациональный подход к оценке относимых доказательств в уголовном судопроизводстве, доминировавший на протяжении всего советского периода, создал предпосылки для кардинальной реформы уголовно-процессуального законодательства после распада СССР. Принятие Уголовно-процессуального кодекса РФ в 2001 году ознаменовало собой сознательный отказ от широкой, ничем не ограниченной модели доказывания и возврат к более строгим, формализованным критериям. Новый кодекс не только провел четкое разграничение между относимостью и допустимостью доказательств, но и вновь жестко привязал их оценку к установленному законом предмету доказывания, существенно сузив тем самым распорядительные полномочия предварительного следствия и суда.

Научные исследования, посвященные данному вопросу, свидетельствуют о неоднозначности авторских подходов к сущности относимого доказательства. Так, А.С. Александров, С.А. Фролов обращают внимание на то, что критерием относимости служат выдвинутые версии и факты, подлежащие доказыванию, что подчеркивает важность тщательной проверки всех возможных объяснений события [3].

В свою очередь П.А. Лупинская и Л.А. Воскобитова пишут, что относимость не ограничивается процессуальными доказательствами и может включать сведения, полученные непроцессуальным путем, если они связаны с исследуемыми фактами, так как закон формализован лишь частично, оставляя субъективную оценку относимости на усмотрение участников процесса, что делает этот критерий зависимым от версий и интерпретаций [17, с. 278].

Ю.К. Орлов указывает, что особое значение имеют относимые доказательства, опровергающие обвинение, а также обстоятельства, не связанные напрямую с виновностью, но влияющие на решение по делу [12, с. 40].

При отсутствии единого научного подхода к определению относимости доказательств именно судебная практика формирует конкретные критерии их оценки. Современное уголовное судопроизводство РФ исходит из приоритета качественной оценки доказательств по их связи с предметом доказывания (ст. 73, 252 УПК РФ) над формальным количеством. Это подтверждается эволюцией правовых позиций Верховного Суда РФ, который исключил обязательность допроса всех свидетелей при тождественных показаниях, указав, что повторные допросы оправданы, лишь если они способны установить новые значимые обстоятельства. Высшая судебная инстанция последовательно указывает, что относимыми являются только доказательства, связанные с предъявленным обвинением, включая опровергающие его сведения, даже если они были отклонены стороной обвинения [18, 19]. Мотив подсудимого исследуется лишь в контексте предмета доказывания, а обстоятельства, не относящиеся к юридически значимым фактам, не должны влиять на правовые выводы [20]. Таким образом, судебная практика развивает понятие относимости через

принцип процессуальной экономии и запрет исследования сведений, способных вызвать предубеждение.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Исторический анализ развития относимости доказательств в уголовном процессе демонстрирует эволюцию от формального подхода в античности (где ключевую роль играло corpus delicti) и средневековье (с его инквизиционной системой, основанной на формальных доказательствах и пытках) к более рациональным принципам в дореволюционной России, где важность научного подхода и судейского усмотрения стала очевидной. В советский период доминировала идея «материальной истины», что приводило к чрезмерно широким пределам доказывания и снижению эффективности процесса, тогда как современное российское судопроизводство, ориентируясь на релевантность доказательств и процессуальную экономию, стремится к справедливому, эффективному и обоснованному разрешению уголовных дел, исключая незначимые или предвзятые сведения.

Список источников

1. Lex Cornelia de sicariis et veneficis – «Закон диктатора Корнелия Суллы об убийцах и отравителях», принятый в 81 году до н. э. в Риме.
2. Mommsen Theodor Criminal law (Roman law). Römisches Strafrecht. Leipzig, Verlag von Düncker & Humblot, 1899.
3. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_2011/1-1.html.
4. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения): пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989.
5. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.
6. Громачевский С.Г. Ясные доказательства // Журнал Министерства юстиции. Год четвертый. 1898. № 10 (декабрь).
7. Даневский В.П. О заключительном слове председателя. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1896.
8. Дигесты Юстиниана = Digesta Ivstiniani: перев. с лат. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 7. Полутом 2. М.: Статут, 2003–2005.
9. Дождев Д.В. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М: Норма, 1996.
10. Каролина: Уголовно-судебное уложение Карла V / пер. со средневерхнегерм., предисл. и примеч.: засл. деят. науки Каз. ССР проф. С. Я. Булатова; отв. ред. д-р юрид. наук С.З. Зиманов; АН Каз. ССР; Ин-т философии и права. Алма-Ата: Наука, 1967.
11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
12. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. М., 2020.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
14. Стефановский Д.Н. О пределах исследования в уголовном процессе. Ярославль, 1894.
15. Стифен Д.Ф. Уголовное право Англии в кратком очертании // Соч. Джемса Фиц-Джемса Стифена; пер. с англ. и предисл. В. Спасовича. Вып. 1–2. Вып. 1 / 22. СПб.: В. Ковалевский, 1865–1866, 1865 (обл. 1866). XII, 596, II с.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Юрид. лит., 1973.
17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
18. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 44-УД24-16сп-А4 от 29 августа 2024 года (Уникальный идентификатор дела 59OS0000-01-2021-000229-79).
19. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 4-УД24-13-А1 от 28 мая 2024 г. (Уникальный идентификатор дела 50OS0000-01-2020-000510-27). Архив ВС РФ.
20. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 49-АПУ 19-20сп от 24 октября 2019 г. (Уникальный идентификатор дела 03OS0000-01-2018-001063-93). Архив ВС РФ.

References

1. Lex Cornelia de sicariis et veneficis – «Zakon diktatora Korneliya Sully ob ubijcah i otravitelyah», prinyatyj v 81 godu do n. e. v Rime.
2. Mommsen Theodor Criminal law (Roman law). Römisches Strafrecht. Leipzig, Verlag von Düncker & Humblot, 1899.
3. Aleksandrov A.S., Frolov S.A. Otnosimost' ugolovno-processual'nyh dokazatel'stv: monografiya. N. Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2011 [Elektronnyj resurs]. URL: https://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_2011/1-1.html.
4. Bartoshek M. Rimskoe pravo: (Ponyatiya, terminy, opredeleniya): per. s cheshsk. M.: Yurid. lit., 1989.
5. Vyshinskij A.Ya. Teoriya sudebnyh dokazatel'stv v sovetskom prave. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1941.
6. Gromachevskij S.G. Yasnye dokazatel'stva // Zhurnal Ministerstva yusticii. God chetvertyj. 1898. № 10 (dekabr').

7. Danevskij V.P. O zaklyuchitel'nom slove predsedatelya. SPb.: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1896.

8. Digesty Yustiniana = Digesta Ivstiniani: perev. s lat. / otv. red. L.L. Kofanov. T. 7. Polutom 2. M.: Statut, 2003–2005.

9. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo: ucheb. dlya vuzov / pod red. V.S. Nersesyanca. M.: INFRA-M: Norma, 1996.

10. Karolina: Ugolovno-sudebnoe ulozhenie Karla V / per. so sredneverhnegerm., predisl. i primech.: zasl. deyat. nauki Kaz. SSR prof. S. Ya. Bulatova; otv. red. d-r yurid. nauk S.Z. Zimanov; AN Kaz. SSR; In-t filosofii i prava. Alma-Ata: Nauka, 1967.

11. Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovogo Zapada / per. s fr. pod obshch. red. V.A. Babinceva; poslesl. A.Ya. Gurevicha. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005.

12. Orlov Yu.K. Sovremennye problemy dokazyvaniya i ispol'zovaniya special'nyh znanij v ugolovnom sudoproizvodstve. M., 2020.

13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij / Rossijskaya akademiya nauk; Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: OOO «A TEMP», 2006.

14. Stefanovskij D.N. O predelah issledovaniya v ugolovnom processe. Yaroslavl', 1894.

15. Stifen D.F. Ugolovnoe pravo Anglii v kratkom ochertanii // Soch. Dzhemsa Fic-Dzhemsa Stifena; per. s angl. i predisl. V. Spasovicha. Vyp. 1–2. Vyp. 1 / 22. SPb.: V. Kovalevskij, 1865–1866, 1865 (obl. 1866). XII, 596, II s.

16. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe / otv. red. N.V. Zhogin. 2-e izd., isprav. i dop. M.: Yurid. lit., 1973.

17. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2017.

18. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 44-UD24-16sp-A4 ot 29 avgusta 2024 goda (Unikal'nyj identifikator dela 59OS0000-01-2021-000229-79).

19. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 4-UD24-13-A1 ot 28 maya 2024 g. (Unikal'nyj identifikator dela 50OS0000-01-2020-000510-27). Arhiv VS RF.

20. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 49-APU 19-20sp ot 24 oktyabrya 2019 g. (Unikal'nyj identifikator dela 03OS0000-01-2018-001063-93). Arhiv VS RF.

Статья поступила в редакцию 22.09.25; одобрена после рецензирования 26.09.25; принята к публикации 26.09.25.

The article was submitted 22.09.25 ; approved after reviewing 26.09.25; accepted for publication 26.09.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 131.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):131.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.9
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_131

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ В РОССИИ

КИРИЧЕНКО Артём Викторович
Аспирант кафедры «Компьютерное право и информационная безопасность» факультета «Высшая школа государственного аудита» Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119234, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 13, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуются правовые аспекты использования данных из социальных сетей в качестве доказательств с точки зрения правовых рисков и гарантий защиты в России. Анализируются противоречия между стремлением к защите персональных данных и необходимостью обеспечения доступа к электронным доказательствам для правосудия. Особое внимание уделяется дифференциации правового режима открытых и закрытых аккаунтов, а также роли согласия на обработку персональных данных. В заключение обосновывается необходимость законодательного закрепления дефиниций «социальная сеть», «открытый / закрытый профиль», и формулируются практические рекомендации для юристов по работе с цифровыми доказательствами.

Ключевые слова: социальные сети, электронные доказательства, открытый аккаунт, закрытый профиль, персональные данные, презумпция согласия, информационный посредник, владелец сайта

Для цитирования: Кириченко А.В. Социальные сети как источник доказательств: правовые риски и гарантии защиты в России // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 131. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_131

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

SOCIAL MEDIA AS EVIDENCE: LEGAL RISKS AND PROTECTIVE GUARANTEES IN THE RUSSIAN CONTEXT

KIRICHENKO Artyom Viktorovich
Postgraduate Student of the Department of Computer Law and Information Security of Faculty of Higher School of Public Audit of Lomonosov Moscow State University
119234, Moscow, Leninskie Gory, building 1, building 13, Russian Federation

Abstract: The article examines the legal aspects of using social media data as evidence in terms of legal risks and safeguards in Russia. It analyzes the contradictions between the pursuit of personal data protection and the need to ensure access to electronic evidence for the administration of justice. Special attention is paid to the differentiation of the legal regimes governing open and closed accounts, as well as the role of consent in the processing of personal data. In conclusion, the author substantiates the necessity of legislative formalization of the definitions of «social network» «open/closed account» and formulates practical recommendations for legal professionals on handling digital evidence.

Keywords: social networks, electronic evidence, open account, closed profile, personal data, presumption of consent, Information intermediary, website owner

For citation: Kirichenko A.V. Social Media as Evidence: Legal Risks and Protective Guarantees in the Russian Context = Eurasian advocacy. 2025;5(76):131. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_131

Социальные сети приобрели ключевое значение в качестве источника доказательств в российской судебной практике, что обусловлено их повсеместным использованием и фиксацией значимых для правоприменения данных. Развитие законодательства в сфере электронных данных, включая поправки 2024-2025 годов, отражает стремление адаптировать правовые нормы к цифровым реалиям, однако сохраняются противоречия между необходимостью получения достоверных доказательств, которые будут приняты судом, и защитой конституционных

© Кириченко А.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

прав граждан в процессе получения данных доказательств.

Современные технологии изменили подход к сбору доказательств в юридической практике. Социальные сети и мессенджеры стали неотъемлемой частью коммуникации, а их содержимое – ценным источником информации для судебных разбирательств. Однако использование таких данных требует соблюдения строгих процессуальных норм.

Современное регулирование социальных сетей как источника доказательств основывается, прежде всего, на положениях Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в том числе ст. 10.6. В данном НПА уточнено понятие общедоступной информации, к которой «относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен».

Гарантии защиты прав граждан при использовании в качестве доказательств социальных сетей установлены, в том числе, Федеральным законом № 149-ФЗ. Пункт 12 статьи 10.6 Федерального закона № 149-ФЗ, обязывающий владельцев социальных сетей предоставлять сведения о пользователях по запросам уполномоченных государственных органов, формирует правовую основу для использования данных платформ в качестве источника доказательств. Установленная норма расширяет возможности правоохранительных структур в получении информации, критически важной для расследования преступлений, связанных с экстремизмом, мошенничеством или кибербуллингом. Вместе с тем механизм реализации данного положения требует детальной регламентации, поскольку отсутствие четких критериев запросов и состава запрашиваемых сведений создает риски нарушения баланса между интересами следствия и защитой персональных данных. Обязанность владельцев соцсетей раскрывать информацию о пользователях, включая IP-адреса, метаданные и историю активности, потенциально повышает эффективность раскрытия преступлений, совершаемых в цифровой среде.

Правительственное регулирование состава и порядка предоставления информации, упомянутое в пункте, должно учитывать принцип пропорциональности, закрепленный в ст. 24 Конституции РФ. В практике правоприменения часто отмечается проблема избыточности: требование предоставлять геолокационные данные пользователей при расследовании дел о нарушении авторских прав несоразмерно преследуемым целям. Введение дифференцированного подхода, при котором объем запрашиваемой информации зависит от тяжести преступления, могло бы снизить риски необоснованного вмешательства в частную жизнь.

Правовые риски усугубляются отсутствием в законодательстве требований к унификации форматов хранения данных владельцами соцсетей. Различия в технических стандартах между российскими («Одноклассники») и международными платформами осложняют процедуру верификации полученных доказательств. Например, отклонение данных, полученных от иностранных платформ, из-за несоответствия меток времени российским серверам демонстрирует необходимость законодательного закрепления технических требований к журналированию событий.

В правоприменительной практике часто поднимается вопрос, является ли публичное размещение персональных данных в социальных сетях презумпцией согласия на их обработку, и является ли закрытый профиль основанием отсутствия согласия на обработку данных. П. 7 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» предусматривает возможность обработки персональных данных субъекта в случаях, когда это необходимо для защиты прав и законных интересов оператора или третьих лиц либо для достижения общественно значимых целей. Данная норма создает правовую основу для использования информации из социальных сетей в качестве доказательств, однако на практике ее применение существенно различается в зависимости от типа профиля – открытого или закрытого.

При работе с публично доступными данными, такими как открытые посты, комментарии или фотографии в социальных сетях, обработка может осуществляться на оценке их в качестве персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения (пп. 1.1 п. 1 ст. 3 ФЗ-№ 152), в том числе если информация используется для защиты законных интересов. Например, публикация оскорбительных высказываний в открытом аккаунте может служить доказательством в деле о клевете, что соответствует общественно значимой цели защиты репутации. В таких ситуациях суды нередко признают правомерность сбора данных, опираясь на добровольный характер их размещения в публичном пространстве.

Обработка данных из закрытых профилей, включая приватные переписки, истории или материалы ограниченного доступа, требует соблюдения дополнительных гарантий защиты прав субъекта. Закрытый аккаунт, по сути, сигнализи-

рует о намерении пользователя ограничить распространение персональной информации, что исключает возможность автоматического применения п. 7 ст. 6 152-ФЗ. В подобных случаях для доступа к данным необходимо либо получить согласие субъекта, либо обеспечить наличие судебного решения, как это, например, предусмотрено статьей 186.1 УПК РФ о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Таким образом, применение п. 7 ч. 1 ст. 6 152-ФЗ требует законодательного установления дифференцированного подхода: если публичные данные допускают более гибкое использование в рамках защиты законных интересов, то работа с закрытыми профилями должна быть жестко регламентирована необходимостью судебного контроля или прямого согласия субъекта. Нарушение этих правил не только ставит под сомнение допустимость доказательств, но и создает риски привлечения к юридической ответственности.

В законодательстве закреплены базовые критерии оценки доказательств: относимость, допустимость, достоверность и достаточность (ст. 88 УПК, ст. 67 ГПК, ст. 71 АПК). Однако в уголовном процессе акцент смещен на логико-познавательную деятельность субъектов доказывания (следователя, прокурора, суда), что обусловлено повышенными требованиями к защите прав личности и тяжестью последствий ошибок. В правоприменительной практике оценка доказательств в цифровой сфере достаточно часто основана на внутреннем убеждении суда, что создает риски субъективизма при работе с цифровыми данными, такими как скриншоты соцсетей или метаданные. Отсутствие четких правил разграничения публичного и приватного контента остается общей проблемой.

Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ1 в ст. 6 установлено, что письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом. Внесенные законом изменения в ст. 6 ГПК РФ, расширяющие понятие письменных доказательств за счет цифровых материалов, стали ключевой правовой основой для использования данных социальных сетей в судопроизводстве. Однако их применение порождает как возможности, так и системные риски, требующие баланса между эффективностью доказывания и защитой прав граждан.

Несмотря на прогрессивные изменения, применение закона сопряжено с системными рисками. Отсутствие единых стандартов проверки цифровых материалов приводит к субъективной оценке их достоверности, и больше половины отклоненных доказательств из соцсетей в арбитражных делах касаются невозможности подтвердить подлинность скриншотов. Норма закона не разграничивает публичный и приватный контент, что создает конфликт с защитой персональных данных. Использование переписки из закрытых аккаунтов без согласия пользователя может нарушать положения Федерального закона № 152-ФЗ, а техническая уязвимость цифровых доказательств усугубляется отсутствием требований к инструментам их фиксации. Судебная практика, требующая проверки способа фиксации доказательств согласно пункту 5 статьи 6, стимулирует стороны использовать нотариальное заверение или экспертизу.

Пробелы регулирования остаются значительными. Закон не уточняет критерии «достоверного способа» подтверждения аутентичности, что порождает противоречивую практику: одни суды принимают скриншоты, сделанные через штатные функции операционной системы, другие требуют видеофиксации процесса. Норма не решает проблему доступа к данным иностранных платформ.

Федеральный закон № 220-ФЗ, создав необходимую правовую базу, не устранил ключевые риски, связанные с верификацией цифровых данных. Для снижения правовой неопределенности требуются принятие подзаконных актов, устанавливающих стандарты фиксации контента из соцсетей, внедрение в статью 6 ГПК РФ положений о дифференциации публичного и приватного контента, а также ратификация международных соглашений о взаимной правовой помощи.

Приказом Судебного департамента № 251 от 27.12.2016 в контексте использования данных социальных сетей был утвержден порядок подачи электронных документов в федеральные суды общей юрисдикции, это стало важным шагом в цифровизации судопроизводства, однако его применение к данным из социальных сетей вы-

является как возможности, так и системные ограничения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» при рассмотрении общих вопросов защиты интеллектуальных прав в п. 55 устанавливает, что при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав судам следует учитывать, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения (статья 55 ГПК РФ, статья 64 АПК РФ). Поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу статей 55 и 60 ГПК РФ, статей 64 и 68 АПК РФ вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети «Интернет». Допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ).

Современное правовое регулирование использования социальных сетей в качестве источника доказательств требует системного подхода, учитывающего динамику цифрового пространства. Распространение информации через информационно-коммуникационные сети, подразумевающее обеспечение доступа к данным неопределенному кругу лиц, создает основу для признания цифрового контента допустимым доказательством. Согласно п. 4 ст. 10.6 ФЗ-149, под общедоступной информацией понимаются данные, размещенные без технических ограничений доступа. Однако автоматическое приравнивание открытых профилей к согласию на использование данных в судопроизводстве сохраняет риски, что противоречит принципам защиты персональных данных (ст. 150 ГК РФ).

Круг субъектов правоотношений, включающий государство, пользователей, интернет-провайдеров и саморегулируемые организации, подчеркивает сложность распределения ответственности. Государство, устанавливая правила блокировки противоправного контента через Роскомнадзор, делегирует платформам обязанности по модерации, что приводит к конфликту интересов. Например, удаление экстремистских материалов по требованию ФСБ лишает следствие доступа к первоисточникам, несмотря на введение ст. 10.6-1 ФЗ-149, обязывающей хранить данные, связанные с уголовными делами, в течение 3 лет. Однако механизм передачи таких данных в защищенные «цифровые депозитарии» до сих пор не реализован.

Особое значение имеет защита информации личного характера. Распространение сведений о здоровье или политических взглядах через соцсети, даже в режиме ограниченного доступа, создает риски утечек, что актуально, например, для дел о шантаже информацией в социальных сетях.

Статья 10.6 Федерального закона № 149-ФЗ, регулирующая распространение информации в социальных сетях, устанавливает правовые рамки, непосредственно влияющие на использование данных платформ в качестве источников доказательств. Владельцы социальных сетей, чьи ресурсы насчитывают более 500 тысяч пользователей в сутки на территории Российской Федерации, обязаны предотвращать распространение информации, связанной с совершением уголовно наказуемых деяний, разглашением государственной тайны, экстремистскими материалами, пропагандой насилия и дискриминацией по различным признакам. Данные требования, направленные на защиту публичных интересов и прав граждан, формируют двойственную правовую ситуацию при использовании контента соцсетей в судопроизводстве.

С одной стороны, обязанность владельцев платформ оперативно удалять противоправный контент снижает риски его негативного воздействия на общество, но с другой – создает угрозу утраты потенциально значимых доказательств. Например, удаление экстремистских материалов до начала официального расследования может лишить правоохранительные органы доступа к ключевым уликам, как это произошло в 2023 году при расследовании дела о финансировании терроризма через Telegram-каналы. Законодательная неопределенность в части сроков хранения удаленной информации и порядка ее предоставления по запросам следствия усугубляет проблему, требуя внесения поправок, обязывающих платформы сохранять данные, связанные с уголовными делами, на период не менее трех лет.

Запрет на распространение сведений, порочащих граждан по дискриминационным признакам, вводит дополнительные ограничения для использования соцсетей как доказательственной базы в делах о клевете или оскорблении. Суды

сталкиваются с необходимостью балансировать между правом на защиту чести и достоинства (ст. 152 ГК РФ) и допустимостью доказательств, полученных из источников, которые по закону обязаны блокировать такой контент.

Перспективным направлением минимизации правовых рисков могло бы стать внедрение системы «цифровых депозитариев», предусматривающей автоматическую передачу копий удаляемого контента в специальные защищенные хранилища под контролем Минцифры. Подобная практика, частично реализованная в ЕС согласно Директиве 2023/654 о прозрачности платформ, позволила бы совместить выполнение владельцами соцсетей обязанностей по очистке контента с сохранением доказательственного потенциала информации. Одновременно требуется уточнение положений УПК РФ в части порядка изъятия электронных доказательств, включая требования к протоколированию их цифровых следов (хешей, меток времени), что повысит доверие судов к материалам, полученным из социальных сетей.

Таким образом, современные правовые механизмы оценки и использования электронных (цифровых) доказательств требуют разработки междисциплинарных стандартов, интегрирующих нормы компьютерного права, принципы информационной безопасности и технологические решения для обеспечения достоверности, целостности и конфиденциальности данных. Установлено, что отсутствие унифицированных требований к фиксации метаданных, верификации источников и защите размещенных в социальных сетях персональных данных на законодательном уровне создает риски некорректной правовой оценки, нарушения прав субъектов данных и снижения доверия к электронному документообороту.

Для устранения выявленных проблем использования социальных сетей как доказательств предлагается:

– внести изменения в ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации…», добавив: «Социальная сеть – информационная система, доступная для неопределенного круга лиц, позволяющая пользователям создавать аккаунты, публиковать контент, взаимодействовать с другими пользователями и настраивать уровень доступа к информации»;

– дополнить ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» определениями: «Открытый аккаунт – профиль в социальной сети, контент которого доступен для просмотра без ограничений, установленных пользователем, закрытый аккаунт – профиль в социальной сети, контент которого доступен только определенному кругу лиц, указанному пользователем»;

– уточнить ст. 6 152-ФЗ, закрепив: «Обработка персональных данных из открытых аккаунтов социальных сетей допускается без согласия субъекта, если иное не предусмотрено настройками приватности. Обработка данных из закрытых аккаунтов требует явного согласия субъекта или судебного решения».

Системный подход к сбору и оформлению доказательств из соцсетей снизит риски их отклонения судом и усилит позицию стороны в спорах, связанных с диффамацией, трудовыми конфликтами или защитой репутации:

– для открытых профилей пользователей требуется запросить архивную версию страницы через веб-архивы (например, Wayback Machine) или сделать скриншоты с использованием инструментов, фиксирующих метаданные (например, HTTrack). Необходимо убедиться, что на момент сбора данных профиль не имел ограничений доступа (проверить историю изменений настроек через запрос к администрации соцсети);

– для закрытых профилей пользователей требуется инициировать ходатайство о судебном запросе доступа к данным, особенно если информация критична для защиты клиента (например, переписка, опровергающая обвинение). Если данные получены от третьих лиц (например, из закрытого чата), требуется запрос письменного согласия владельца аккаунта или решения суда, иначе доказательство может быть исключено как полученное с нарушением ст. 23 Конституции РФ.

Список источников

1. Антипов А.И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов: дис. … канд. наук. СПб., 2022.

2. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8 (129). С. 118–128.

3. Кильдеев Р.Р. Понятие метаданных и их конституционная защита // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3 (59). С. 29–40.

4. Маркарьян Р.В. Совершенствование правового регулирования распространения информации через информационно-коммуникационные сети в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

5. Черемисина М.Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет: дис. … канд. наук. М., 2020.

6. Эрзин А.Д. Принцип непосредственности и источник электронных доказательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 2 (126). С. 175–180.

References

1. Antipov A.I. Ugolovno-pravovoe znachenie ispol'zovaniya sredstv massovoj informacii i informacionno-telekommunikacionnyh setej pri sovershenii prestuplenij s priznakami prizyvov, skloneniya, nezakonnogo oborota predmetov i materialov: dis. … kand. nauk. SPb., 2022.

2. Voronin M.I. Osobennosti ocenki elektronnyh (cifrovyh) dokazatel'stv // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 8 (129). S. 118–128.

3. Kil'deev R.R. Ponyatie metadannyh i ih konstitucionnaya zashchita // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2021. № 3 (59). S. 29–40.

4. Markar'yan R.V. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya rasprostraneniya informacii cherez informacionno-kommunikacionnye seti v Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2011.

5. Cheremisina M.E. Pravovoj status sub»ektov v seti Internet: dis. … kand. nauk. M., 2020.

6. Erzin A.D. Princip neposredstvennosti i istochnik elektronnyh dokazatel'stv // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2025. № 2 (126). S. 175–180.

Статья поступила в редакцию 12.10.25; одобрена после рецензирования 20.10.25; принята к публикации 20.10.25.

The article was submitted 12.10.25; approved after reviewing 20.10.25; accepted for publication 20.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 137.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):137.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 349.2
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_137

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ: АНАЛИЗ ПРАКТИЧЕСКИХ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

ГРИШИНА Ксения Владимировна
Кандидат юридических наук, доцент, декан факультета права и безопасности, доцент кафедры гражданского права и процесса Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация
ЛАРИОНОВ Сергей Сергеевич
Соискатель кафедры гражданского права и процесса Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается феномен косвенных доказательств в рамках трудовых споров с акцентом на их практическое применение. Произошедший рост значимости таких доказательств объясняется неравным положением работника по сравнению с работодателем и сложностями в получении прямых доказательств. Исследование сосредоточено на интерпретации судами косвенных доказательств в контексте трудовых разбирательств. Примеры из судебной практики демонстрируют разнородность подходов к оценке таких доказательств. В завершение предложены рекомендации по развитию системы оценки косвенных доказательств в трудовых спорах.

Ключевые слова: косвенные доказательства, трудовые споры, доказательства, достоверность, актуальность, допустимость, аргументация, юридически значимый факт, применение доказательств, электронные доказательства

Для цитирования: Гришина К.В., Ларионов С.С. Косвенные доказательства в судебных делах по трудовым спорам: анализ практических и теоретических проблем в контексте использования цифровых и электронных доказательств // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 137. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_137

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

CIRCUMSTANTIAL EVIDENCE IN LABOR DISPUTES: AN ANALYSIS OF PRACTICAL AND THEORETICAL ISSUES IN THE CONTEXT OF THE USE OF DIGITAL AND ELECTRONIC EVIDENCE

GRISHINA Ksenia Vladimirovna
Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law and Security, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
119571, Moscow, pr. Vernadsky, 82, bld. 1, Russian Federation
LARIONOV Sergey Sergeevich
Applicant for the degree of Candidate of Law of the Department of Civil Law and Procedure at the Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
119571, Moscow, pr. Vernadsky, 82, bld. 1, Russian Federation

Abstract: This article examines the phenomenon of circumstantial evidence in labor disputes, focusing on its practical application. The growing importance of such evidence is explained by the unequal position of employees compared to employers and the difficulties in obtaining direct evidence. The study focuses on the courts' interpretation of circumstantial evidence in the context of labor disputes. Case studies demonstrate the diversity of approaches to

© Гришина К.В., Ларионов С.С., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

evaluating such evidence. Recommendations for developing a system for evaluating circumstantial evidence in labor disputes are offered.

Keywords: circumstantial evidence, labor disputes, evidence, reliability, relevance, admissibility, argumentation, legally significant fact, use of evidence, electronic evidence

For citation: Grishina K.V., Larionov S.S. Circumstantial Evidence in Labor Disputes: an Analysis of Practical and Theoretical Issues in the Context of the Use of Digital and Electronic Evidence = Eurasian advocacy. 2025;5(76):137. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_137

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что в трудовых спорах работодатель в сравнении с работником обладает преимуществом и может задействовать широкий круг возможностей. В свою очередь у работника могут отсутствовать прямые доказательства, и быть в наличии только косвенные доказательства, что затруднит его защиту в трудовом споре.

Косвенные доказательства имеют определенную специфику, что в целом сопряжено с рядом практических и теоретических проблем.

Во-первых, косвенные доказательства, такие как показания свидетелей, переписка, записи с камер видеонаблюдения или данные электронных систем доступа и контроля посетителей, цифровых доменных интернет-ресурсов, сведения с программного обеспечения, могут сформировать представление о ситуации, в частности, трудовом споре.

Кроме того, собранные косвенные доказательства могут подтверждать или опровергнуть юридически значимые обстоятельства в трудовом споре, а также установить мотивы и закономерности в поведении сторон.

С другой стороны, оценка косвенных доказательств требует особого внимания и осторожности. Суду следует скрупулезно анализировать каждое доказательство в совокупности с другими, учитывать его достоверность, относимость и допустимость. Важно исключить возможность произвольного толкования и необоснованных выводов.

Одной из ключевых проблем является определение степени достаточности косвенных доказательств для установления юридически значимого факта. Не существует универсального критерия, и в каждом конкретном случае суд должен руководствоваться принципами разумности, справедливости и объективности.

В теории косвенные доказательства могут быть использованы для установления практически любого факта, имеющего значение для трудового спора. На практике их эффективность зависит от качества представления, убедительности аргументации и способности сторон убедить суд в своей правоте.

Целью данного исследования является анализ косвенных доказательств в трудовых спорах для выявления их практических и теоретических проблем, а также разработка рекомендаций по их эффективному применению в судебной практике.

Объект исследования: трудовые споры, возникающие между работниками и работодателями, в которых используются косвенные доказательства в контексте использования цифровых и электронных доказательств.

Предмет исследования: проблемы и методы использования косвенных доказательств в трудовых спорах, включая анализ их правовой природы, значимости в процессе доказательства и практики применения в контексте использования цифровых и электронных доказательств.

Методология исследования: анализ нормативно-правовой базы и сравнительный анализ судебной практики применения.

Научная новизна настоящего исследования заключается в изучение специфики электронных косвенных доказательств в контексте трудового законодательства, что позволяет расширить понимание их роли и значимости в процессе разрешения трудовых споров, а также идентификации проблем применения косвенных доказательств.

Основные аспекты и принципы, анализируемые в рамках теории о доказательствах, полученных косвенным путем, в контексте трудовых разногласий

В юридической практике косвенные доказательства часто оказываются единственными доступными средствами для установления фактов в делах, в связи с чем научное сообщество время от времени проявляет интерес к косвенным доказательствам. Рассмотрим основные мнения по этому вопросу.

Так, например, Д.И. Смольников пишет: «Как научная абстракция, правило, что одного косвенного доказательства недостаточно для установления факта, верно» [1]. В своём исследовании А.Д. Акулинин разделяет точку зрения, согласно которой одно косвенное доказательство не может служить достаточным основанием для установления факта [2].

В теории существуют и другие мнения, согласно которым косвенное доказательство не может обладать признаком достаточности: так, например, И.Н. Лукьянова отмечает, что «косвенное доказательство не влечёт единственно возможного вывода о существовании факта. Для того чтобы сделать вывод о существовании доказываемого обстоятельства, необходимо сопоставить косвенное доказательство с другими доказательствами существования доказываемого факта. Отдельно взятое косвенное доказательство не обладает достаточной доказательственной силой, но в совокупности с другими доказательствами оно может подтвердить существование доказываемого факта» [3].

Позиции авторов заслуживают внимания, поскольку каждая по-своему отражает специфику и сущность косвенных доказательств. Следует обратить внимание и сконцентрироваться на том, что в трудовых спорах косвенные доказательства должны быть непротиворечивыми и относимыми, логически связанными между собой и с ключевым фактом.

Проверка этой связи – ключевой фактор их оценки.

Косвенные доказательства играют ключевую роль в судебных разбирательствах, дополняя и уточняя прямые доказательства.

Косвенные доказательства помогают установить следующие обстоятельства:

1. Подтверждение и опровержение фактов: косвенные доказательства могут укрепить или ослабить прямые доказательства, создавая более полное представление о ситуации.

2. Реконструкция событий: косвенные доказательства позволяют восстановить последовательность действий сторон, основываясь на контекстных данных.

3. Выявление обстоятельств: косвенные доказательства могут указывать на важные обстоятельства, способные повлиять на исход дела.

4. Установление фактов: в отсутствие прямых доказательств косвенные могут стать решающими для установления истины.

Виды электронных косвенных доказательств

Электронная переписка. Включает электронные письма, сообщения в мессенджерах и социальных сетях. Эти данные могут содержать обсуждения, касающиеся деловых отношений, соглашений или конфликтов, и могут подтвердить или опровергнуть заявления сторон.

Метаданные. Информация о файлах, такая как дата и время создания, редактирования и доступа, а также авторство документа. Метаданные могут помочь установить хронологию событий и действия сторон.

Логины активности. Журналы действий пользователей на компьютерах и в сетевых системах. Они могут содержать информацию о времени входа и выхода, IP-адресах и действиях, предпринятых в системе, что может быть полезно для расследования ситуации или несанкционированного доступа.

Иные электронные документы и файлы, которые невозможно квалифицировать. Электронные версии отчетов, счетов и других документов. Анализ таких файлов может выявить несоответствия, изменения или обманные практики.

Системные резервные копии. Данные, сохраненные в резервных копиях систем, могут восстановить информацию, которая была удалена или изменена, и помочь в установлении фактов.

Аудио- и видеозаписи. Записи телефонных разговоров, видеонаблюдения и другие аудиовизуальные материалы могут служить доказательствами.

Социальные сети. Данные, собранные из профилей и публикаций в социальных сетях, могут помочь установить факты о поведении сторон, их намерениях и отношениях.

Финансовые транзакции. Электронные записи о банковских операциях, платежах и переводах.

Влияние электронных косвенных доказательств на разрешение трудовых споров: Анализ судебной практики

Анализ судебных решений по трудовым спорам показывает, как электронные косвенные доказательства влияют на исход дела, подчёркивая важные обстоятельства и определяя юридически значимые факты.

На данный момент электронная система пропусков не рассматривается в качестве доказательства сверхурочной работы (переработка). Это однозначно закреплено в судебной практике, поэтому хотелось бы привести пример данной позиции. Сотрудница попыталась взыскать с работодателя денежные средства за сверхурочную работу, ссылаясь на данные пропускной системы. Как доказательство она указывала информацию о раннем приходе и позднем уходе с рабочего места. Однако суд не принял ее доводы, указав, что такие данные не доказывают обязательства работодателя оплачивать время нахождения на рабочем месте дополнительно [4]. Было установлено, что сотрудница не привлекалась к сверхурочной работе по инициативе работода-

теля, а учет ее рабочего времени в табеле велся корректно и вовремя (Определение Второго КСОЮ от 8 февраля 2024 г. № 8Г-1417/2024) [5]. Аналогичные решения можно найти и в других судебных актах. Суды поддерживают мнение о том, что сведения пропускной системы не могут служить объективным доказательством привлечения к сверхурочной работе (Определения Московского городского суда от 11 октября 2023 г. № 33-38663/2023 [6] и Третьего КСОЮ от 3 мая 2023 г. № 8Г-3683/2023) [7].

Если бы законодательство претерпело изменения, и предложения, изложенные в выводах данной научной статьи, были бы конкретизированы, можно было бы рассмотреть возможность принятия цифровых доказательств. Эти доказательства могли бы использоваться вместе с другими, чтобы установить причины задержки на работе, а также выяснить, чем именно занимался сотрудник за пределами установленного рабочего времени. В рамках исследования можно было бы учитывать дополнительные цифровые доказательства, такие как использование учетной записи для работы с электронным документооборотом или выполнение прочих поручений, полученных от руководства и фактически исполненных.

Существует обратная сторона использования электронной пропускной системы. Она предоставляет возможность доказать нарушение рабочим режима рабочего времени, что влечет принятие судебных решений в пользу работодателей, как показывает Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 15 ноября 2017 года по делу № 33-4401/2017 [8].

Это поднимает вопрос о неоднозначном трактовании различных электронных систем доказательств, включая упомянутый цифровой инструмент. Существует множество подобных примеров, и ключевая задача проведенного исследования – подчеркнуть значимость и актуальность применения именно косвенных электронных доказательств. Важно привлечь внимание к их оценке и признанию судом в качестве доказательной базы, а также сосредоточиться на разработке уточнений касательно сущности данного вида доказательств и критериев их оценки.

Таким образом, актуальность исследования электронных косвенных доказательств в трудовых спорах обусловлена их важной ролью в установлении истины, особенно при отсутствии прямых доказательств.

Проведенный анализ показывает, что успешное использование электронных косвенных доказательств требует от суда скрупулезности, объективности и критического подхода.

Важно учитывать не только отдельные доказательства, но и их совокупность, а также оценивать их достоверность, относимость и допустимость. Сторонам же необходимо уделять особое внимание подготовке и представлению доказательств, а также убедительной аргументации своей позиции.

Заключение

В заключение следует отметить, что роль косвенных доказательств в трудовых спорах будет только возрастать, особенно в условиях цифровизации и развития новых технологий. Это требует дальнейшего изучения и совершенствования практики их применения, а также разработки четких механизмов и критериев для их оценки. Только в этом случае электронные косвенные доказательства смогут эффективно способствовать справедливому разрешению трудовых споров и защите прав работников и работодателей.

Для разработки механизма детализации электронных косвенных доказательств в трудовом споре и внесения соответствующих изменений в законодательство можно предложить следующие методы и способы.

Во-первых, четкое определение косвенных доказательств. В законодательстве, например в ТК РФ или ГПК РФ, следует дать определение электронных косвенных доказательств, уточнив, что это факты, которые сами по себе не подтверждают прямой факт нарушения, но в совокупности с другими доказательствами могут указывать на его наличие.

Во-вторых, следует установить критерии допустимости. Ввести критерии допустимости электронных косвенных доказательств, например, требование о наличии логической связи между косвенным фактом и предполагаемым нарушением, а также требование о достаточности совокупности косвенных доказательств для формирования обоснованного вывода.

В-третьих, разработка методических рекомендаций, разъяснений. Разработать методические рекомендации для судей и сторон трудового спора, в которых будут приведены примеры электронных косвенных доказательств, способы их оценки и установления связи с обстоятельствами дела.

Автор полагает, что изложенные инструменты повлияют на улучшения процесса рассмотрения трудового спора и выяснение справедливости в трудовом споре.

Это, в свою очередь, должно укрепить важность судебного процесса и повысить уровень информированности участников при разрешении трудовых споров.

Список источников

1. Смольников Д.И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России: дис. … канд. юрид. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2015.
2. Акулинин А.Д. Косвенные доказательства в гражданском процессе: практические и теоретические проблемы // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 5(81). С. 225–230.
3. Лукьянова И.Н. Доказательства в арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.
4. Сведения пропускной системы компании не являются доказательством сверхурочной работы // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru.
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 г. по делу № 8Г-1417/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://2kas.sudrf.ru.
6. Определение Московского городского суда от 11 октября 2023 г. по делу № 33-38663/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://mos-gorsud.ru.
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 мая 2023 г. по делу № 8Г-3683/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://3kas.sudrf.ru.
8. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 15 ноября 2017 года по делу № 33-4401/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://vs.jak.sudrf.ru.

References

1. Smol'nikov D.I. Kosvennye dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve Rossii: dis. … kand. yurid. nauk. M.: NIU VShE, 2015.
2. Akulinin A.D. Kosvennye dokazatel'stva v grazhdanskom processe: prakticheskie i teoreticheskie problemy // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. 2023. № 5(81). S. 225–230.
3. Luk'yanova I.N. Dokazatel'stva v arbitrazhnom processe: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2003.
4. Svedeniya propusknoj sistemy kompanii ne yavlyayutsya dokazatel'stvom sverhurochnoj raboty // Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru.
5. Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 8 fevralya 2024 g. po delu № 8G-1417/2024 [Elektronnyj resurs]. URL: https://2kas.sudrf.ru.
6. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 11 oktyabrya 2023 g. po delu № 33-38663/2023 [Elektronnyj resurs]. URL: https://mos-gorsud.ru.
7. Opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 3 maya 2023 g. po delu № 8G-3683/2023 [Elektronnyj resurs]. URL: https://3kas.sudrf.ru.
8. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Saha (Yakutiya) ot 15 noyabrya 2017 goda po delu № 33-4401/2017 [Elektronnyj resurs]. URL: https://vs.jak.sudrf.ru.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.25; одобрена после рецензирования 15.10.25; принята к публикации 15.10.25.

The article was submitted 11.10.25 ; approved after reviewing 15.10.25; accepted for publication 15.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 142.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):142.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 343.1
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_142

ПОМЕЩЕНИЕ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

БАТАНОВ Андрей Николаевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета Ульяновского государственного университета, адвокат Ульяновской областной коллегии адвокатов
432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрена проблема правовой природы временного помещения лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, в медицинскую организацию, оказывающую помощь в стационарных условиях. Сделаны определенные выводы о том, что данное процессуальное решение и процессуальное действие следует рассматривать в качестве меры уголовно-процессуального принуждения. На основании исследования также внесены предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Статья обладает научной ценностью и практическим значением, поскольку в ней впервые рассмотрены правовая природа временного помещения лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, в медицинскую организацию, оказывающую помощь в стационарных условиях, и его место в системе действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовное право, производство о применении принудительных мер медицинского характера, временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях

Для цитирования: Батанов А.Н. Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях: вопросы правовой природы и практики применения // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 142. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_142

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

PLACEMENT IN A MEDICAL ORGANIZATION PROVIDING PSYCHIATRIC CARE IN STATIONARY CONDITIONS: ISSUES OF LEGAL NATURE AND APPLICATION PRACTICE

BATANOV Andrey Nikolayevich
Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure of the Law Faculty of Ulyanovsk State University, Lawyer of the Ulyanovsk Regional Bar Association
432017, Ulyanovsk, Leo Tolstoy St., 42, Russian Federation

Abstract: The article considers the problem of the legal nature of the temporary placement of a person in respect of whom proceedings are underway for the application of a compulsory medical measure in a medical organization providing inpatient care. Certain conclusions are drawn, reflected in the article, that this procedural decision and procedural action should be considered as a measure of criminal procedural coercion. Based on the study, proposals have also been made to improve the current criminal procedure legislation of the Russian Federation. The article has scientific value and practical significance, since it examines for the first time the legal nature of the temporary placement of a person in respect of whom proceedings are underway for the application of a compulsory medical measure in a medical organization providing inpatient care and its place in the system of current criminal procedure legislation.

Keywords: criminal procedure law, criminal law, proceedings on the application of compulsory medical measures, temporary placement in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions

For citation: Batanov A.N. Placement in a Medical Organization Providing Psychiatric Care in Stationary Conditions: Issues of Legal Nature and Application Practice = Eurasian advocacy. 2025;5(76):142. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_142

© Батанов А.Н., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Действующее российское уголовно-процессуальное законодательство, а именно ст. 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривает возможность помещения лица, содержащегося под стражей и страдающего психическим расстройством, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 1 ст. 435 УПК РФ).

Возникает вопрос: какова правовая природа помещения указанного лица в психиатрический стационар и его лечения?

Рассматривая данный вопрос, можно сделать однозначный вывод о том, что эту разновидность психиатрического лечения нельзя рассматривать в качестве принудительной меры медицинского характера. Согласно положениям главы 15 Уголовного кодекса РФ указанные меры в части стационарного принудительного лечения назначаются исключительно лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, либо лицам, у которых психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, наступило после совершения преступления, и только на основании вступившего в законную силу судебного решения.

Вместе с тем имеются и сходные черты. Так, временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможно только по решению суда, вынесенному на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы в рамках производства о применении принудительных мер медицинского характера. Более того, экспертное исследование в данном случае является обязательным, поскольку, как отмечает ряд авторов, «достоверные данные могут быть получены при проведении исследования только специальным субъектом – экспертом» [3]. Срок нахождения в данной организации также ограничен шестью месяцами, при этом предусмотрен порядок его продления, во многом соответствующий процедуре продления принудительных мер медицинского характера.

Помещение в психиатрический стационар в порядке, предусмотренном ст. 435 УПК РФ, также следует отличать от недобровольной госпитализации на основании ст. 29 ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Уголовно-процессуальное законодательство определяет возможность помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, только в рамках возбужденного уголовного дела обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Это подтверждается и решением Конституционного Суда РФ, установившего, что «регламентируемый Законом Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» порядок госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, существенно отличается от порядка перевода в такую медицинскую организацию содержащегося под стражей лица в ходе производства по уголовному делу на основании части первой статьи 435 УПК Российской Федерации; также по-разному определяется территориальная подсудность рассмотрения вопроса о дальнейшем пребывании лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях» [1].

Есть определенное сходство с помещением в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ). В ч. 11 ст. 435 УПК РФ прямо указано, что «помещение лица, не содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, производится судом в порядке, установленном статьей 203 настоящего Кодекса». Кардинальное различие заключается в целях этих решений. Перевод в психиатрический стационар не является следственным действием и не направлен на получение доказательств по уголовному делу, а напротив, является следствием выводов судебно-психиатрической экспертизы.

По мнению автора, перевод лица в медицинский психиатрический стационар ближе всего к мерам процессуального принуждения, предусмотренным разделом четвертым УПК РФ. Как отмечалось выше, это процессуальное решение принимается только в рамках уголовного судопроизводства к лицу, против которого осуществляется уголовное преследование. На стадии предварительного расследования ходатайство заявляется в форме постановления, в котором указываются характер и степень психического расстройства, доказательства, подтверждающие факт психического заболевания, мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость перевода данного лица в психиатрический стационар [2].

Основания помещения именно в стационарную психиатрическую больницу те же, что и основания для избрания меры пресечения в виде за-

ключения под стражу. По смыслу ст. 435 УПК РФ данные основания должны сохраняться, несмотря на диагностику психического заболевания. В противном случае нет необходимости переводить больного в стационарное медицинское учреждение, а не отменять заключение под стражу, предоставив право данному гражданину лечиться самостоятельно в амбулаторных или стационарных условиях на общих основаниях.

Общие черты можно выделить в содержании и целях применения. По своей сути обе эти меры ограничивают основные права и свободы человека и гражданина, в частности, право на свободу и личную неприкосновенность, а также направлены на предупреждение возможности лица скрыться от следствия и суда, продолжать совершать новые общественно опасные деяния, препятствовать производству по уголовному делу.

Подобную позицию разделяет и Конституционный Суд РФ, отметивший в своем постановлении, что «перевод лица, в отношении которого избрано заключение под стражу, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, не препятствует достижению целей применения данной меры пресечения (статья 97 УПК Российской Федерации). По своей юридической природе он представляет собой временную принудительную меру в рамках уголовно-процессуальных отношений, способствующую предупреждению совершения в дальнейшем лицом, психическое расстройство которого связано с возможностью причинения им существенного вреда самому себе либо окружающим и которое (как в силу им содеянного, так и вследствие своего заболевания) представляет опасность не только для себя, но для общества, общественно опасных деяний и, одновременно, – обеспечению необходимых условий для обследования и лечения этого лица, включая производство дополнительной судебно-психиатрической экспертизы, если его психическое состояние первоначально не позволяло дать ответ на все требующие специального исследования вопросы» [1].

В связи с этим представляется не совсем точной формулировка статьи 435 УПК РФ. Временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, можно трактовать только как определенное процессуальное решение, принимаемое судом на основании ходатайства следователя или по своей инициативе. Анализ рассматриваемой статьи приводит к убеждению в том, что в ней идет речь именно о процессуальной мере. Данная мера предусматривает не только порядок ее назначения, изменения и отмены, но также и определенное содержание. Содержанием данной меры следует считать фактическое лишение свободы, психиатрическое лечение, ряд возможных ограничений, предусмотренных ч. 5 ст. 435 УПК РФ.

Применительно к психиатрической помощи возникает вопрос: является ли такое лечение обязательным или добровольным. Несомненно, принудительные меры медицинского характера предусматривают необходимость лечения больного независимо от его воли и желания. Аналогично следует рассматривать психиатрическое лечение при недобровольной госпитализации на основании Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». В рассматриваемом же случае суд принимает решение по результатам судебно-психиатрической экспертизы, которая устанавливает наличие у лица «психического расстройства, требующего его помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях»; при этом суд принимает это решение «в лечебных целях» (ч. 1 ст. 435 УПК РФ).

Вышеприведенная норма порождает правовую неопределенность. На наш взгляд, исходя из анализа закона, психиатрическое лечение все же следует считать добровольным. В рамках уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений существует только одна разновидность недобровольного лечения – применение принудительных мер медицинского характера. Необходимым условием назначения данных мер является установление факта совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Это возможно только по результатам рассмотрения уголовного дела по существу вступившим в законную силу судебным решением. На предшествующих этапах уголовного судопроизводства подобное не предусмотрено.

При этом, конечно, нельзя не обратить внимание на некоторую абсурдность ситуации, при которой принудительное помещение больного в медицинское психиатрическое учреждение может сочетаться с его отказом от прохождения лечения.

Еще одним положением ст. 435 УПК РФ, требующим толкования, можно признать следующее. Часть 1 ст. 435 УПК РФ предусматривает, что суд, принимая решение о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, определяет также тип медицинской организации, соответствующий характеру и степени

психического расстройства лица, определяемого на основании заключения экспертов, участвовавших в производстве судебно-психиатрической экспертизы.

Что же подразумевать под «типом медицинской организации»? Комплексный анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что это предусмотренные п. б и в ч. 1 ст. 99 УК РФ медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях. Однако непосредственно в ст. 435 УПК РФ отсылки к данной норме нет, что следует признать недостатком юридической техники.

Произведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую помощь в стационарных условиях, есть специфическая мера уголовно-процессуального принуждения, назначаемая лицам, страдающим психическим расстройством, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера в связи с совершенным общественно опасным деянием, предусмотренным Уголовным кодексом РФ.

Данная мера применяется в рамках уголовного дела на основании судебного решения, вынесенного по результатам заключения судебно-психиатрической экспертизы.

Содержанием данной меры является изоляция лица от общества в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, указанных в ст. 99 УК РФ, а также его психиатрическое лечение.

Норма ст. 435 УПК РФ нуждается в совершенствовании. Следует раскрыть виды медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, либо непосредственно в данной статье, либо путем отсылки к соответствующей норме уголовного законодательства. Также следует уточнить критерий выбора типа медицинской организации (психиатрического учреждения).

Считаем, что рассмотренная статья должна содержать прямое указание на возможность принудительного лечения лица, временно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2018 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в редакции Федерального закона от 29 июня 2002 года / под общ. и научн. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Я. Сухарева. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 2002. С. 732.

3. Максимов О.А., Орлов А.А. Требование проверяемости заключения эксперта как элемент механизма реализации права на ходатайство в уголовном судопроизводстве // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 37.

References

1. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 maya 2018 g. № 20-P «Po delu o proverke konstitucionnosti stat'i 435 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan D. i K.» // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2018. № 2.

2. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii v redakcii Federal'nogo zakona ot 29 iyunya 2002 goda / pod obshch. i nauchn. red. d-ra yurid. nauk, prof. A.Ya. Suhareva. M.: NORMA–INFRA-M, 2002. S. 732.

3. Maksimov O.A., Orlov A.A. Trebovanie proveryaemosti zaklyucheniya eksperta kak element mekhanizma realizacii prava na hodatajstvo v ugolovnom sudoproizvodstve // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2018. № 3. S. 37.

Статья поступила в редакцию 06.11.25; одобрена после рецензирования 10.11.25; принята к публикации 10.11.25.

The article was submitted 06.11.25 ; approved after reviewing 10.11.25; accepted for publication 10.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 146.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):146.

Права человека в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 342
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_146

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ О ПРЕДЕЛАХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КОЛОКОЛОВА Марина Владиславовна
Аспирант кафедры экономических и финансовых расследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация: В современном мире проблема экстремизма становится все более актуальной, создавая угрозу безопасности общества, а также правам и свободам граждан. В условиях роста числа экстремистских проявлений возникает необходимость в эффективных мерах, которые, с одной стороны, обеспечивали бы защиту общества от угроз, а с другой – сохраняли бы фундаментальные права человека. Конституционные гарантии играют важную роль в достижении такого баланса, представляя правовую основу для реализации как мер безопасности, так и защиты прав и свобод граждан. Их фундаментальная значимость заключается в способности упорядочивать и регулировать общественные отношения строго в рамках правового поля, создавая барьеры от произвола. Эта функция конституционно-правового регулирования становится критически важной, когда интересы коллективной безопасности и индивидуальной свободы могут вступать в видимое противоречие. Таким образом, актуальность осмысления данной проблематики напрямую вытекает из необходимости поиска оптимальной точки равновесия между обеспечением безопасности и защитой прав и свобод человека.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, конституционные права, пределы конституционных прав, защита прав человека, обеспечение безопасности, безопасность России, противодействие экстремизму, терроризм, экстремизм, национальная безопасность

Для цитирования: Колоколова М.В. К некоторым вопросам о пределах конституционных прав человека в контексте противодействия экстремистской деятельности // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 146. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_146

Human Rights in the Eurasian Space

Original article

ON SOME QUESTIONS ABOUT THE LIMITS OF CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF COUNTERING EXTREMIST ACTIVITY

KOLOKOLOVA Marina Vladislavovna
Postgraduate Student of Economic and Financial Investigations Sub-Faculty of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, Building 1, Russian Federation

Abstract: In the modern world, the problem of extremism is becoming increasingly pressing, posing a threat to both the security of society and the rights and freedoms of citizens. With the growing number of extremist manifestations, the need arises for effective measures that, on the one hand, ensure the protection of society from threats while, on the other, preserving fundamental human rights. Constitutional guarantees play an important role in achieving this balance, providing the legal basis for implementing both security measures and protecting citizen's rights and freedoms. Their fundamental significance lies in their ability to organize and regulate social relations within the strict framework of the legal field, creating barriers against arbitrariness. This function of constitutional legal regulation becomes critical when the interests of collective security and individual freedom may come into apparent conflict. Thus, the relevance of this issue stems directly from the need to find an optimal balance between ensuring security and protecting human rights and freedoms.

Keywords: extremist activity, constitutional rights, limits of constitutional rights, protection of human rights, ensuring security, security of Russia, countering extremism, terrorism, extremism, national security

For citation: Kolokolova M.V. On Some Questions about the Limits of Constitutional Human Rights in the Context of Countering Extremist Activity = Eurasian advocacy. 2025;5(76):146. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_146

© Колоколова М.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Конституционные права и свободы человека являются высшей ценностью и пользуются особой правовой защитой, однако их использование может быть ограничено законом с целью обеспечения безопасности и общественного блага. По мнению А.Ф. Квитко [3, с. 24], ограничения прав и свобод человека и гражданина представляют собой законодательно установленные границы их реализации, проявляющиеся в запретах, вмешательствах, обязанностях и ответственности. Обязательным для сохранения общественного порядка и безопасности условием является осуществление гражданином своих прав и свобод только в тех пределах, которые установлены законодательством.

Председатель КС РФ В.Д. Зорькин указывает, что сформулированная в Конституции Российской Федерации норма (ч. 3 ст. 55) о допустимости ограничения прав и свобод является достаточно общей [2]. Такая обобщенность может создавать риск необоснованного и чрезмерного ущемления свобод и прав человека по причине защиты конституционных основ государства, нравственности, безопасности и иных перечисленных основным законом ценностей. В условиях противодействия экстремизму вероятность подобного произвольного вмешательства в конституционные права возрастает. В соответствии с позицией КС РФ любые ограничения прав и свобод должны отвечать ряду основополагающих принципов [10, с. 235]. Они обязаны быть необходимыми, обоснованными и соразмерными целям защиты интересов государства и общества от конкретных угроз, исключая произвольность и чрезмерность. Важным требованием при этом является юридическая определенность ограничивающих норм права: они должны быть сформулированы четко, ясно, недвусмысленно, не допускать чрезмерно широкого толкования нормы и связанных с этим злоупотреблений неприменения. Как подчеркивает В.А. Лебедев, ограничение прав – исключение, а не правило, и главная задача законодателя состоит не в ограничении свобод личности, а в обеспечении свободы [5, с. 135]. Само существование пределов прав обусловлено необходимостью защиты фундаментальных ценностей национальной безопасности – личности, общества, государства – и достижения и соблюдения между ними баланса [10, с. 234].

На протяжении последних десятилетий проблема распространения экстремизма как в Российской Федерации, так и в мире сохраняет свою высокую актуальность, оставаясь в числе ключевых угроз национальной и международной безопасности. В целях противодействия противоправным деяниям экстремистской направленности государством реализуется комплекс превентивных и оперативных мер. Однако несмотря на предпринимаемые усилия, экстремизм как социально-правовой феномен продолжает оказывать деструктивное влияние, что объективно влечет за собой нарушение охраняемых законом прав и интересов личности, а также создает реальную угрозу публичной безопасности.

Нарушения основополагающих прав и свобод граждан, провоцируемые экстремистской активностью, можно сказать, представляют собой наиболее деструктивный и социально опасный результат данного явления, а противодействие этому усложняется наличием многообразных форм экстремистских проявлений, а также необходимостью немедленного и масштабного реагирования на указанные проявления.

Одной из основных задач при противодействии экстремизму является своевременное предотвращение не только экстремистской деятельности и ее последствий, но и нарушения прав человека. Неоспоримым является то, что существуют пределы между допустимыми формами гражданской активности и теми, которые прямо запрещены законодателем.

Многонациональный и поликонфессиональный характер российского общества обусловливает особую значимость конституционного принципа равенства всех независимо от пола, расы, национальности, языка, религиозной принадлежности. По своей сути и последствиям экстремистская деятельность носит антиконституционный характер, поскольку посягает на основы конституционного строя, закрепленные в главах 1 и 2 Конституции Российской Федерации, подрывая верховенство права. В условиях экстремистских угроз наиболее уязвимыми оказываются фундаментальные права личности: право на жизнь (ст. 20), свобода вероисповедания (ст. 28), свобода слова (ст. 29), неприкосновенность жилища (ст. 25), тайна переговоров (ст. 23) [8, с. 42].

Статья 28 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу совести и вероисповедания, предоставляя право каждому исповедовать любую религию, беспрепятственно распространять свои религиозные убеждения. Однако в условиях проявлений религиозного экстремизма, который, в свою очередь, выражается в деструктивном влиянии и использовании религии в качестве инструмента в политических и социальных целях, формировании нетерпимости к представителям иных конфессий, пропаганда исключительности

одной «истинной веры» в результате приводит к возникновению значительных рисков конфликтов на религиозной почве, сопровождающихся нарушениями конституционных прав других. Правовое регулирование свободы мысли и слова в Российской Федерации строится на принципе баланса. Хотя эти свободы гарантированы государством, их реализация в то же время ограничивается прямым конституционным запретом на пропаганду, возбуждающую ненависть и вражду, превосходство по различным признакам (ст. 29). Таким образом, законодатель подчеркивает, что обеспечение свободы выражения не должно приходить в конфликт с другой важнейшей задачей – защитой общества от деструктивного воздействия идеологии экстремизма. На сегодняшний день «религиозные экстремисты» используют информационные технологии для распространения своих идей, вовлекая чаще молодежь в свою преступную деятельность. Противодействие такой пропаганде требует мер, направленных на образование, просвещение и терпимость к многоконфессиональности общества. Здоровый диалог между представителями различных религий, построенный на взаимном уважении, является основой для построения правового, демократичного и толерантного государства.

Ключевым критерием соразмерности, который стоит «во главе» допустимых пределов ограничения свободы распространения информации, в контексте противодействия экстремизму, по мнению О.А. Кудряшовой, определяются параметры эффективности и обоснованности конституционных ценностей. В целях противодействия экстремистской деятельности запрет на распространение материалов признается оправданным и допустимым лишь в том случае, если данные материалы объективно провоцируют, оправдывают или имеют в виду склонение к совершению насильственных действий: противозаконных действий на основе ненависти, вражды, розни. При этом ею отмечается, что в эту категорию не могут включаться высказывания, выражающие критику, а также дискуссии, затрагивающие межэтнические, межрелигиозные и иные социальные конфликты. Похожие требования распространяются и на ограничения свободы СМИ, которые не должны приводить к полной блокировке общественных дебатов и информированности населения. Однако О.А. Кудряшова отмечает недопустимость блокирования информации о совершенных актах терроризма, экстремизма, деятельности запрещенных организаций [4, с. 22]. Наиболее проблематичной оказывается при рассмотрении уголовных дел экстремистского характера оценка целей публичных высказываний.

В современных реалиях Интернет выступает ключевым ресурсом для поиска информации благодаря своей доступности, быстроте поиска, актуальности данных, многообразию форматов, что, с одной стороны, делает привлекательным визуальный материал для трансляции значимых вопросов [6, с. 55], с другой – создает трудно контролируемое пространство для распространения экстремистской идеологии.

Исследуя проблемы соотношения уголовной ответственности за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России, и права на свободу слова, Д.О. Чернявский подчеркивает, что Комитетом по правам чрезмерное ограничение свободы слова не допускается даже в рамках борьбы с экстремизмом и терроризмом [9, с. 44]. Цель – основной критерий разграничения оправдания экстремизма и злоупотребления права на свободу слова и распространение информации [7, с. 182]. Экстремистскими материалами могут быть признаны материалы, которые заведомо предназначены для публичного распространения призывов к совершению экстремизма, поддержки идей национального, расового или религиозного превосходства [1].

В условиях цифровизации и распространения цифровых сервисов возникает желание государства контролировать «повседневную жизнь» с целью выявления потенциальных «экстремистов» на стадии приготовления к преступной деятельности.

Эффективность борьбы с экстремистской деятельностью напрямую зависит и от возможности отслеживания всей «паутины» связей лиц, организаторов, соучастников, пособников, подстрекателей и иных подозреваемых в причастности к осуществлению экстремистской активности. Справедливый вопрос поднимает В.Г. Романовский: «Не ставит ли таким образом государство под жесткий контроль повседневную жизнь граждан, не связанных каким-либо образом с преступниками?» [7, с. 116]. Вместе с тем встает и вопрос о пределах конституционных прав (например, о свободе слова, тайне переговоров) для лиц, осужденных ранее за преступления против безопасности государства, в частности экстремистского, террористического и диверсионного характера.

Прямое применение ограничительных мер права на неприкосновенность частной жизни закрепляется законодателем (ч. 3 ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму») при противодействии

терроризму как крайней форме экстремизма при введении режима контртеррористической операции. Так, могут быть обеспечены контроль переговоров, переписок, ограничение связи, беспрепятственное проникновение в жилище, досмотр личных вещей. Конституционный Суд в данном вопросе указывает, что ограничения лица в правах и свободах возможны, так как лицо, которое имеет умысел на совершение преступлений (тяжких, особо тяжких), должно предполагать, что такие ограничения в его отношении будут приняты.

Проблема экстремистских угроз и противодействия им, сохраняя свою остроту в современном мире, продолжает требовать от общества и государств незамедлительных ответных мер и консолидированных усилий. В центре данной проблематики стоит сложнейший вопрос об установлении правомерных границ ограничения прав и свобод личности в условиях борьбы с экстремистскими проявлениями. Деятельность экстремистских сообществ по своей природе нацелена на подрыв конституционного строя, нарушение территориальной целостности, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной вражды. Подобные действия порождают реальную и масштабную угрозу безопасности, миру и человечеству. В связи с этим у государства как гаранта безопасности возникает не только право, но и обязанность принимать адекватные, разумные, исчерпывающие меры, в том числе превентивного характера, для пресечения и выявления подобной деструктивной деятельности, что в некоторых случаях предполагает ограничение отдельных элементов прав граждан. Однако ключевым условием такой политики является недопустимость произвольного расширения властных полномочий, ведущего к незаконному ущемлению законных интересов правопослушных граждан. Следовательно, выстраивание эффективной государственной политики в рассматриваемой сфере подразумевает, что любые меры, ограничивающие свободы, должны применяться в особых случаях. Постулатом здесь выступает безусловное соответствие ограничительных мер фундаментальным принципам: ограничение – строго необходимое, обоснованное, транспарантное, пропорциональное той угрозе, для устранения которой предназначено его применение.

Список источников

1. Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 24.

2. Зорькин В. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Российская газета. 2021. № 247 (8598) [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html.

3. Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

4. Кудряшова О.А. Ограничение свободы распространения информации в целях противодействия экстремистской деятельности: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012.

5. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex russica. 2017. № 1. С. 135.

6. Одинцова Д.О. Ограничение конституционного права на свободу слова и меры по противодействию экстремизму: система критериев для различия // Академическая наука. 2025. № 1. С. 49–55.

7. Романовский В.Г. Конституционные ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в России и за рубежом: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2019.

8. Смирнова М.С. Антиэкстремистское законодательство в системе защиты конституционных прав человека: проблема интеграции // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 1. С. 39–44.

9. Чернявский Д.О. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России, и право на свободу слова: проблемы соотношения // Российский следователь. 2017. № 5. С. 43–46.

10. Языкеев С.Н. Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности в России // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 233–238.

References

1. Zhukova O.S. Pravovye mery protivodejstviya informacionnomu ekstremizmu: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Voronezh, 2006. S. 24.

2. Zor'kin V. Konstitucionnyj sud na rubezhe chetvertogo desyatiletiya // Rossijskaya gazeta. 2021. № 247 (8598) [Elektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/2021/10/27/konstitucionnyj-sud-na-rubezhe-chetvertogo-desiatiletiia.html.

3. Kvitko A.F. Konstitucionno-pravovye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007.

4. Kudryashova O.A. Ogranichenie svobody rasprostraneniya informacii v celyah protivodejstviya ekstremistskoj deyatel'nosti: konstitucionno-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2012.

5. Lebedev V.A. Konstitucionnye osnovy ogranichenij prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Lex russica. 2017. № 1. S. 135.

6. Odincova D.O. Ogranichenie konstitucionnogo prava na svobodu slova i mery po protivodejstviyu ekstremizmu: sistema kriteriev dlya razlichiya // Akademicheskaya nauka. 2025. № 1. S. 49–55.

7. Romanovskij V.G. Konstitucionnye ogranicheniya prav cheloveka v celyah protivodejstviya terrorizmu v Rossii i za rubezhom: dis. … kand. yurid. nauk. Kazan', 2019.

8. Smirnova M.S. Antiekstremistskoe zakonodatel'stvo v sisteme zashchity konstitucionnyh prav cheloveka: problema integracii // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2021. T. 17. № 1. S. 39–44.

9. Chernyavskiĭ D.O. Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizyvy k sovershеniyu dejstvij, napravlennyh na narushenie territorial'noj celostnosti Rossii, i pravo na svobodu slova: problemy sootnosheniya // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 5. S. 43–46.

10. Yazykeev S.N. Pravovoj mekhanizm ogranicheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v celyah obespecheniya bezopasnosti v Rossii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 28. № 2. S. 233–238.

Статья поступила в редакцию 21.10.25; одобрена после рецензирования 25.10.25; принята к публикации 25.10.25.

The article was submitted 21.10.25 ; approved after reviewing 25.10.25; accepted for publication 25.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 151.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):151.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 343.98
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_151

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БАНКРОТСТВАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ГАРМАЕВ Юрий Петрович
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а, Российская Федерация
ФЕДОРОВ Анатолий Михайлович
Арбитражный управляющий
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 26, а/я 71, Российская Федерация

Аннотация: С развитием института банкротства юридических лиц правоотношения в сфере экономики стали соприкасаться с уголовно-правовой сферой по причине различных злоупотреблений, поэтому возникла необходимость в систематизации правоприменительной практики, связанной с вопросами привлечения контролирующих должника лиц и их представителей, кредиторов и арбитражных управляющих к уголовной ответственности. Наряду с уголовно-правовой классификацией преступлений в сфере банкротства в статье проводится исследование более расширенной, криминалистической классификации преступлений в данной сфере, которая может быть использована правоприменителями.

Ключевые слова: банкротство юридических лиц, криминалистическая классификация преступлений, способ совершения преступления, субъект, преступления в сфере экономики, арбитражный управляющий, должник, кредитор, контролирующее должника лицо

Для цитирования: Гармаев Ю.П., Федоров А.М. Криминалистическая классификация преступлений, связанных с банкротствами юридических лиц // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 151. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_151

Justice And Law-Enforcement Activity In The Eurasian Space
Original article

CRIMINALISTIC CLASSIFICATION OF CRIMES RELATED TO BANKRUPTCY OF LEGAL ENTITIES

GARMAEV Yury Petrovich
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure, and Forensic Science at the Dorzhi Banzarov Buryat State University.
670000, Ulan-Ude, Smolina St., 24a, Russian Federation
FEDOROV Anatoly Mikhailovich
Arbitration manager
101000, Moscow, st. Myasnitskaya, 26, PO Box 71, Russian Federation

Abstract: With the development of the institution of bankruptcy of legal entities, legal relations in the field of economics began to come into contact with the criminal law sphere due to various abuses, so there was a need to systematize law enforcement practices related to the issues of bringing persons controlling the debtor and their representatives, creditors and arbitration managers to criminal responsibility. Along with the criminal law classification of crimes in the field of bankruptcy, the article examines a more expanded, criminalistic classification of crimes in this area, which can be used by law enforcement agencies.

Keywords: bankruptcy of legal entities, criminalistic classification of crimes, method of committing a crime, subject, crimes in the field of economics, arbitration administrator, debtor, creditor, person controlling the debtor

For citation: Garmaev Yu.P., Fedorov A.M. Criminalistic Classification of Crimes Related to Bankruptcy of Legal Entities = Eurasian advocacy. 2025;5(76):151. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_151

© Гармаев Ю.П., Федоров А.М., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Рассматривая понятие криминалистической характеристики, Н.П. Яблоков отмечал, что криминалистическая характеристика преступления есть система описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, позволяющая иметь представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, об определенной преступной деятельности и имеющая своим назначением обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [1, с. 25].

Несмотря на очевидно высокую степень общественной опасности преступлений в сфере банкротства (криминальные банкротства, банкротные преступления), эти посягательства остаются одними из самых слабо выявляемых и раскрываемых. Многочисленные авторы отмечают, что они весьма сложны и с точки зрения их квалификации. Есть только важная оговорка. Необходимо четко понимать, о каких преступлениях идет речь. И здесь есть два подхода.

Первый подход. Если речь о преступлениях, предусмотренных статьями 195, 196, 197 УК РФ, то, как отмечает А. Ляскало, существующая судебная практика по таким делам полна противоречий. Их доля в структуре судимости за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) ежегодно составляет не более 1%. Это в среднем 60 осужденных, из которых 80 % – за преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), 10 % – за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ). Остальные «антибанкротные» нормы УК РФ практически не применяются [2].

Но эти данные справедливы лишь в контексте статистики по уголовным делам о преступлениях, квалифицируемых по статьям 195–197 УК РФ.

Второй подход. Мы ранее уже отмечали [3, с. 136], что в криминалистическом значении термина преступления, связанные с банкротством юридических лиц, – это группа разнородных, общественно опасных деяний, совершаемых преимущественно из корыстных побуждений должниками, кредиторами, арбитражными управляющими и иными лицами, а также организованными преступными группами, объединенными сферой несостоятельности (банкротства), подпадающие под признаки четырех групп составов преступлений:

– «криминальные банкротства» (ст. 195–197 УК РФ);

– сопутствующие хищения и иные преступления в сфере экономики;

– сопутствующие коррупционные преступления;

– иные сопутствующие.

То есть в реальной практике преступления, так или иначе связанные с банкротством, далеко не полностью охватываются конструкциями составов, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ. А зачастую они вообще не квалифицируются по указанным статьям УК РФ. Значительно чаще преступления такого рода квалифицируются правоприменителями – оперативными сотрудниками, следователями, прокурорами (далее для краткости обозначаем их как «следователи») – по иным статьям уголовного закона. Прежде всего, по составам мошенничества (ст. 159 УК РФ), иным преступлениям против собственности (глава 21 УК РФ). Л.В. Григорьева даже рассматривает умышленное банкротство в качестве специальной формы мошенничества [4, с. 177].

Для понимания криминальных банкротств во втором, криминалистическом, значении необходимо дать их классификацию и описание способов. Так, по мнению Д.А. Попова, наиболее распространенными способами («формами», в терминологии автора) являются:

а) заключение субъектами банкротства разного вида сделок, нарушающих баланс интересов кредиторов ввиду совершения действий, влекущих неудовлетворение заявленных требований за счет имущества должника;

б) реализация процедур вывода активов должника с целью невключения или их исключения из конкурсной массы;

в) манипулирование механизмом торгов на стадии конкурсного производства;

г) манипулирование преимущественным правом выкупа, осуществляющееся при проведении торгов;

д) погашение существующей задолженности перед кредиторами по основному долгу третьими лицами, что может являться способом вступления третьего лица в процедуру банкротства и основанием осуществления контроля за данной процедурой.

При этом следует разделять злоупотребления при банкротстве по субъекту злоупотребления и этапу совершения действия: злоупотребление может осуществляться на любой стадии проведения процедуры банкротства. Следует отметить, что сфера злоупотреблений при банкротстве является динамичной и быстро меняющейся средой ввиду постоянного возникновения все новых форм злоупотребления правом субъектами данных правоотношений, в связи с чем действующее

законодательство не всегда способно урегулировать возникающие вопросы в данной области [5, с. 233].

Известно, что деление преступлений по группам в зависимости от их признаков, отраженных в нормах действующего законодательства, соответствует той или иной уголовно-правовой классификации.

Преступления в сфере банкротства закреплены в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности» и обладают рядом таких классифицирующих признаков, как совершение противоправных действий в правоотношениях, связанных с банкротством, повлекших причинение крупного ущерба.

Поэтому в уголовно-правовой литературе принято считать, что преступления, связанные с банкротством, – это деяния, подпадающие под признаки составов преступлений из трех статей уголовного закона: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ) [6, С. 288–297].

В предмет настоящего исследования мы включаем только деяния, связанные с банкротствами юридических лиц, как базу для научного исследования.

С точки зрения криминалистики исследование предназначено для достижения трех разных целей:

– формирование методики расследования преступлений, связанных с банкротствами юридически лиц;

-– создание рекомендаций профилактического, просветительского характера, адресуемых арбитражным управляющим и иным участникам правоотношений в сфере несостоятельности;

– классификация или типология такого рода деяния должна быть совершенно иной.

Итак, первой и ключевой криминалистической классификацией преступлений, связанных с банкротствами, является их деление по субъекту совершения, по данным о личности преступника. По этому критерию все преступные деяния можно разделить на преступления, совершаемые должниками, кредиторами, арбитражными управляющими и организованными преступными группами, которые могут включать в себя несколько типов субъектов.

Так, должник, он же единоличный орган управления предприятием, реализует умысел по совершению действий, связанных с завладением активами подконтрольного предприятия без учета интересов кредиторов.

В качестве примера можно привести ситуацию из приговора Куйбышевского районного суда города Омска от 15.05.2019 по делу № 1-22/2019, где руководитель предприятия, предвидя в ближайшем будущем банкротство компании, умышленно занизил стоимость балансового имущества более чем на 90 %, передав его своим родственникам, а также аффилированному юридическому лицу с целью вывода и присвоения активов. Причем оплата по вышеуказанным фиктивным договорам купли-продажи не проходила. Его действия квалифицированы судом по ч. 1 ст. 195 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 195 УК РФ, назначен штраф. Судом апелляционной инстанции судебный акт был оставлен без изменения [7].

В судебной практике имеют место случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, контролирующих должника (бенефициаров).

4 октября 2023 года Заводской районный суд г. Новокузнецка Кемеровской области по делу № 1-5/2023 (№1-60/2022, №1-635/2021) вынес приговор в отношении учредителя юридического лица и руководителя того же Общества, совершивших действия (бездействие), заведомо влекущие неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, причинившие крупный ущерб (ст. 196 УК РФ).

Так, у учредителя предприятия (далее – ЗАО), которое занимается обогащением каменного угля и его оптовой торговлей, возник умысел на избавление от материальных затрат, связанных с уплатой исковых требований, заявленных Новокузнецким межрайонным природоохранным прокурором в пользу Администрации городского округа в сумме 167 950 640 рублей. Для достижения этой цели был назначен номинальный исполнительный орган, в лице генерального директора, с которым достигнута договоренность о совершении преднамеренного банкротства.

Сговорившись, учредитель и руководитель ЗАО произвели ряд мероприятий по отчуждению имущества предприятия путем заключения с аффилированной компанией договора поставки товара (угля) на общую сумму 41 656 417,19 рублей.

Фактически оплата по договору поставки товаров составила 383 000 рублей, в остальном для создания видимости законности расчетов по данной сделке стороны договорились зачесть сумму взаимных однородных требований, подписав акты зачета взаимных требований.

Также были заключены договоры купли-продажи транспортных средств и специальной

техники с существенным занижением их реальной рыночной стоимости, по которым оплата в ЗАО так и не поступила.

В результате исполнения условий указанных договоров для ЗАО наступили последствия в виде необоснованного выбытия имущества по цене, существенно ниже рыночной, в пользу аффилированных компаний, ставшие одним из условий того, что ЗАО перестало осуществлять финансово-хозяйственную деятельность, утратило платежеспособность, возможность извлечения прибыли в интересах акционеров, в связи с чем наступила неспособность ЗАО в полном объеме удовлетворить требование кредитора-Администрации в размере 167 950 640 рублей.

Учредитель и руководитель ЗАО признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, им назначено окончательное наказание в виде лишения свободы со штрафом [8].

Важно отметить, что совершение преступлений, связанных с банкротством юридических лиц, не может обойтись без руководителя предприятия (исполнительного органа) как специального субъекта, наделенного организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями. Без его согласия невозможно формализовать перевод активов компании.

Следующей категорией субъектов преступлений являются лица (кредиторы), преследующие в качестве основной цели противоправное завладение активами чужого предприятия с использованием законных процедур банкротства.

Зачастую субъектами (заказчиками) таких преступлений являются компании, осуществляющие свою деятельность в одной и той же сфере. Компания знает сильные и слабые стороны конкурента, возможность максимально использовать балансовые активы и товарные остатки и с целью избавления от конкурента нанимает и финансирует специально обученную команду специалистов для организации его банкротства.

Включение фиктивной задолженности в реестр требований кредиторов является одним из распространенных способов рейдерского захвата, что образует состав преступления, не связанный с уголовно-правовой классификацией криминальных банкротств, – покушение на мошенничество.

В качестве примера можно привести проведение специальных мероприятий, связанных с подделкой гражданско-правовых договоров предприятия-цели, подтверждающих задолженность последнего перед аффилированным предприятием-кредитором. Цель – приобретение права на чужое имущество посредством использования судебных решений.

На практике действительно сложно разграничить гражданско-правовые отношения реальных кредиторов, перед которыми у должника образовалась задолженность.

Среди отдельных категорий субъектов преступления можно отметить арбитражных управляющих, ведущих процедуру банкротства юридического лица.

Давая понятие арбитражному управляющему, следует отметить, что это лицо, действующее в рамках Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, назначаемое на основании судебного акта Арбитражного суда на процедуры банкротства (временный управляющий (наблюдение), административный управляющий (финансовое оздоровление), внешний управляющий (внешнее управление), конкурсный управляющий (конкурсное производство), финансовый управляющий (процедуры банкротства граждан)).

Как мы знаем, в действующем законодательстве о банкротстве имеется несколько видов процедур, при которых арбитражный управляющий наделяется судом правом осуществлять организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. Это внешнее и конкурсное производство.

В статье 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ даны понятия данным видам процедур: внешнее управление – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности; конкурсное производство – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов [9].

При введении внешнего управления у внешнего управляющего имеются организационно-распорядительные функции, но действовать он может только в рамках исполнения плана внешнего управления, утвержденного кредиторами компании должника.

При введении внешнего и конкурсного производства предыдущий руководитель предприятия прекращает свои полномочия, которые принимает на себя конкурсный (внешний) управляющий вместе с обязанностью сохранности активов до момента пропорционального распределения кредиторам конкурсной массы должника либо восстановления платежеспособности должника.

С момента введения процедуры назначенный судом конкурсный управляющий может совершить присвоение и растрату вверенной ему конкурсной массы (имущества) должника, путем обманных манипуляций уменьшить размер конкурсной массы должника в пользу аффилированных должников или кредиторов за вознаграждение путем фальсификации документов, провести торги имущества должника с нарушением установленной законом процедуры в пользу покупателей.

В качестве примера можно привести приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 22.06.2023 № 1-99/2023.

Судом установлено, что конкурсный управляющий В. ООО «Рязановка» в период конкурсного производства заключил с ООО «РПЦ» договор охраны транспортных средств и договор охраны недвижимого имущества указанного Общества на общую сумму 550 000 рублей, тем самым приняв меры к сохранности имущества должника на период конкурсного производства. Кроме того, во время исполнения своих обязанностей В., как конкурсный управляющий, осуществил инвентаризацию имущества указанного Общества, общая балансовая стоимость которого составила 162 786 880,82 рублей, а также организовал торги по его реализации. После объявления торгов на электронной площадке В. решил похитить часть вырученных от реализации имущества названного Общества денежных средств путем присвоения. Для этого он использовал заведомо подложные документы в виде договоров ответственного хранения транспортных средств, на осуществление охраны транспортных средств, оформленных задним числом в период проведения процедуры наблюдения на общую сумму 550 000 рублей. После реализации с торгов имущества Должника конкурсный управляющий перечислил со счета должника на банковский счет ООО «РПЦ» 1100000 рублей, прикрывая данную операцию оплатой задолженности по текущим платежам. После данной операции руководителю ООО «РПЦ» предложено перечислить на счет ИП конкурсному управляющему под видом беспроцентного займа денежные средства в сумме 1 100 000 рублей, из которых им было присвоено 550 000 рублей, чем причинен ущерб кредиторам. Аналогичные эпизоды присвоения денежных средств имели место по другим процедурам на сумму 318 000 рублей, 342 000 рублей, 290 000 рублей, 675 000 рублей, 300 000 рублей.

Конкурсный управляющий В. признан виновным в совершении шести эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафов [10].

Отдельным типом преступлений в этой группе (выделенной по субъекту) следует выделить преступную деятельность организованных преступных формирований, в состав которых могут входить все перечисленные лица, а также иные предприниматели, специалисты оценочных компаний, электронных торговых площадок, сотрудники банков, правоохранительных органов, судебной власти и т. д.

Так, при опросе респондент, не пожелавший предоставлять о себе сведения, рассказал о случае, когда группа лиц, включающая в себя недобросовестных сотрудников, с согласия менеджмента банка похищали денежные средства своего же банка путем подбора лояльных должников, им выдавались необоснованные, необеспеченные кредиты. В дальнейшем кредиты разворовывались. Имели место случаи, когда учредители кредитных организаций должников даже не догадывались о таких схемах, и на них формально ложилось все бремя долгов компании-должника.

Этот тип преступлений – наиболее общественно опасные деяния, представляющие правовую и криминалистическую сложность в расследовании. И с позиции криминалистической профилактики о недопустимости вовлечения именно в них должны знать и остерегаться участники правоотношений.

Говоря о группе разнородных общественно опасных деяний, совершаемых преимущественно из корыстных побуждений должниками, кредиторами, арбитражными управляющими и иными лицами, а также организованными преступными группами, объединенными сферой несостоятельности (банкротства), важно классифицировать преступления по уголовно-правовому критерию. В соответствии с ним преступления, связанные с банкротством, квалифицируются:

– по упомянутым статьям уголовного кодекса о криминальном банкротстве согласно уголовно-правовой классификации (ст. 195, 196 и 197 УК РФ);

– по статьям о хищениях: мошенничество, присвоение и растрата, вымогательство, умышленное повреждение имущества (ст. 159, 160, 163, 167 УК РФ);

– коррупционные преступления, то есть злоупотребление полномочиями, различные формы коммерческого подкупа, получение и дача взятки (ст. 201, 204–204.2, 290–291.2 УК РФ).

В качестве примера коррупционного преступления, связанного с банкротством юридического

лица, можно привести приговор Дзержинского районного суда города Волгограда от 22.06.2021, согласно которому признан виновным конкурсный управляющий ОАО «Севкавдорстрой» по ч. 5 ст. 204 УК РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа в доход государства в размере двадцатикратной суммы взятки.

Установлено, что конкурсный управляющий ОАО «Севкавдорстрой» после назначения его на данную должность решением Арбитражного суда получил возможность распоряжаться арендованным земельным участком для эксплуатации асфальтобетонного завода. Обладая организационно-распорядительными функциями в отношении данного земельного участка, конкурсный управляющий при осмотре земельного участка зафиксировал факт складирования стройматериалов без оформления договоров ее аренды сторонней организацией и потребовал от ее руководства денежные средства в размере 100000 рублей за непринятие мер по взысканию арендной платы за пользование данным земельным участком. Решение в вышестоящей инстанции не обжаловалось [11].

В литературе верно отмечается широкая распространенность корыстных мотивов использования такой формы финансового оздоровления, как банкротство. Именно с целью пресечения корыстных мотивов законодатели внесли соответствующие изменения и дополнения в УК РФ, ужесточив ответственность за совершение преступлений в сфере банкротства [12].

В своих научных изысканиях канд. юрид. наук Л.А. Орлова описала разграничения преступлений, связанных с банкротством, со смежными правовыми деликтами [13, с. 182–190]. В статье ею выделены также сопутствующие преступления, совершаемые при реализации процедур банкротства, имеющие определенные признаки, аналогично закрепленные в составах преступлений, связанных с банкротством: мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), умышленное повреждение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ), сокрытие денежных средств либо имущества – организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), подделка, изготовление государственных штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ).

Исходя из изложенного, а также учитывая, что в законодательстве отсутствует определение понятия «преступления, связанные с банкротством», можно сформулировать криминалистически значимое определение этой группы преступлений. Преступления, связанные с банкротством юридических лиц, – это группа разнородных, общественно опасных деяний, совершаемых преимущественно из корыстных побуждений должниками, кредиторами, арбитражными управляющими и иными лицами, а также организованными преступными группами, объединенных сферой несостоятельности (банкротства), подпадающие под признаки четырех групп составов преступлений, таких как:

– банкротные составы (ст. 195–197 УК РФ);

– хищения и иные преступления в сфере экономики;

– коррупционные преступления;

– иные.

Данная модель классификации преступлений, связанных с банкротством юридических лиц, наиболее соответствует нынешним реалиям и создана для применения правоохранительными органами в правоприменительной практике, использования для профилактики преступлений и правового просвещения среди арбитражных управляющих.

Список источников

1. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступления – важный элемент криминалистической теории и практики // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 23–24 мая 2002 г. Краснодар, 2002. С. 25.

2. Ляскало А. Противоречия судебной практики по делам о криминальном банкротстве // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/protivorechiya-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-kriminalnom-bankrotstve.

3. Гармаев Ю.П., Федоров А.М. Понятие преступлений, связанных с банкротствами юридических лиц, в криминалистическом аспекте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71). С. 133–138.

4. Григорьева Л.В. Уголовная ответственность за мошенничество: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 177.

5. Попов Д.А. Общественная опасность неправомерных банкротств в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1 (193).

6. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. Глава 8. Преступления в сфере экономической деятельности / М.Т. Валеев, И.А. Никитина. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 288–297.

7. Приговор Куйбышевского районного суда города Омска от 15.05.2019 по делу № 1-22/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xR3dVHXYHyHZ.

8. Приговор Заводского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 04.10.2023 по делу № 1-5/2023 (№ 1-60/2022, № 1-635/2021) [Электронный ресурс]. URL: http //sudact.ru/regular/doc/4Itc60ptqM15/.

9. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 4190.

10. Приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 22.06.2023 № 1-99/2023 [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/Xk4mrGaW9fg5.

11. Приговор Дзержинского районного суда города Волгограда № 1-122/2021 1-643/2020 от 22.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/Pql6rooMVQUd.

12. Сычев С.Н. Элементы криминалистической характеристики незаконного банкротства // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-kriminalisticheskoy-harakteristiki-nezakonnogo-bankrotstva.

13. Орлова Л.А. Разграничение преступлений, связанных с банкротством, со смежными правовыми деликтами // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 182–190.

References

1. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya – vazhnyj element kriminalisticheskoj teorii i praktiki // Aktual'nye problemy kriminalistiki na sovremennom etape: materialy vseros. nauch.-prakt. konf., Krasnodar, 23–24 maya 2002 g. Krasnodar, 2002. S. 25.

2. Lyaskalo A. Protivorechiya sudebnoj praktiki po delam o kriminal'nom bankrotstve // Advokatskaya gazeta [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/protivorechiya-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-kriminalnom-bankrotstve.

3. Garmaev Yu.P., Fedorov A.M. Ponyatie prestuplenij, svyazannyh s bankrotstvami yuridicheskih lic, v kriminalisticheskom aspekte // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. № 3 (71). S. 133–138.

4. Grigor'eva L.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za moshennichestvo: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1996. S. 177.

5. Popov D.A. Obshchestvennaya opasnost' nepravomernyh bankrotstv v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 1 (193).

6. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. L.M. Prozumentova. Glava 8. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoj deyatel'nosti / M.T. Valeev, I.A. Nikitina. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. S. 288–297.

7. Prigovor Kujbyshevskogo rajonnogo suda goroda Omska ot 15.05.2019 po delu № 1-22/2019 [Elektronnyj resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xR3dVHXYHyHZ.

8. Prigovor Zavodskogo rajonnogo suda g. Novokuznecka Kemerovskoj oblasti ot 04.10.2023 po delu № 1-5/2023 (№ 1-60/2022, № 1-635/2021) [Elektronnyj resurs]. URL: http //sudact.ru/regular/doc/4Itc60ptqM15/.

9. Federal'nyj zakon ot 26 oktyabrya 2002 g. № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // SZ RF. 2002. № 1. St. 4190.

10. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda g. Saranska Respubliki Mordoviya ot 22.06.2023 № 1-99/2023 [Elektronnyj resurs]. URL: sudact.ru/regular/doc/Xk4mrGaW9fg5.

11. Prigovor Dzerzhinskogo rajonnogo suda goroda Volgograda № 1-122/2021 1-643/2020 ot 22.06.2021 [Elektronnyj resurs]. URL: sudact.ru/regular/doc/Pql6rooMVQUd.

12. Sychev S.N. Elementy kriminalisticheskoj harakteristiki nezakonnogo bankrotstva // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2010. № 1 [Elektronnyj resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-kriminalisticheskoy-harakteristiki-nezakonnogo-bankrotstva.

13. Orlova L.A. Razgranichenie prestuplenij, svyazannyh s bankrotstvom, so smezhnymi pravovymi deliktami // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 6. S. 182–190.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.25; одобрена после рецензирования 14.11.25; принята к публикации 14.11.25.

The article was submitted 10.11.25; approved after reviewing 14.11.25; accepted for publication 14.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 158.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):158.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 343.9
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_158

К ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОФАЙЛИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА ДИАГНОСТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ БОЕВОГО СТРЕССА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

АКИМЕНКО Марина Алексеевна
Кандидат юридических наук, доцент Пятигорского государственного университета
357500, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация

«Я не участвую в войне – она участвует во мне…»
Ю. Левитанский

Аннотация: В статье автором предпринята попытка анализа параллели между задачами криминалистического профайлинга (оценка достоверности информации, прогнозирование поведения) и актуальными проблемами диагностики посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и оказания психологической помощи при боевом стрессе. Обосновываются некоторые аспекты гипотезы о том, что технологии анализа невербального поведения, речевых паттернов могут быть адаптированы для создания объективных протоколов выявления дезадаптивных состояний и повышения эффективности психотерапевтического контакта.

Ключевые слова: криминалистический профайлинг, боевой стресс, ПТСР, психологическая помощь, невербальное поведение, военнослужащие, СВО, междисциплинарный подход

Для цитирования: Акименко М.А. К проблеме применения технологий криминалистического профайлинга как инструмента диагностики и психологической коррекции боевого стресса у военнослужащих // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 158. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_158

Justice And Law-Enforcement Activity In The Eurasian Space
Original article

ON THE PROBLEM OF USING FORENSIC PROFILING TECHNOLOGIES AS A DIAGNOSTIC TOOL AND PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF COMBAT STRESS IN MILITARY PERSONNEL

AKIMENKO Marina Alekseevna
Candidate of Law, Associate Professor of Pyatigorsk State University
357500, Pyatigorsk, Kalinin ave., 9, Russian Federation

Abstract: In the article, the author attempted to analyze the parallel between the tasks of forensic profiling (assessing the reliability of information, predicting behavior) and the current problems of diagnosing post-traumatic stress disorder (PTSD) and providing psychological assistance with combat stress. Some aspects of the hypothesis that technologies for analyzing non-verbal behavior and speech patterns can be adapted to create objective protocols for detecting maladaptive states and increasing the effectiveness of psychotherapeutic contact are substantiated.

Keywords: forensic profiling, combat stress, PTSD, psychological help, non-verbal behavior, military personnel, SVO, interdisciplinary approach

For citation: Akimenko M.A. On the Problem of Using Forensic Profiling Technologies as a Diagnostic Tool and Psychological Correction of Combat Stress in Military Personnel = Eurasian advocacy. 2025;5(76):158. (In Russ.). https://doi.org/ 10.52068/2304-9839_2025_76_5_158

В настоящее время в связи с ростом числа военнослужащих, ветеранов СВО, нуждающихся в психологической поддержке вследствие переживания боевого стресса и получения психологических травм в условиях СВО, в нашей стране назрела социальная необходимость выработки новых подходов в решении указанной проблемы. Обусловлено это еще и тем фактом, что традици-

© Акименко М.А., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

онные методы диагностики (клиническое интервью, опросники) зачастую субъективны, и их достоверность, а соответственно, и эффективность, с одной стороны, зависит от готовности бойца к откровенному контакту, а с другой – ввиду меняющихся методов ведения войны и тактики боевых действий меняется восприятие ситуации бойцом, а соответственно, меняется и реакция его психики на происходящее. Какие-то обстоятельства, на которые ранее специалисты обращали внимание, становятся менее значимыми, иные приобретают сверхзначимость, или появляются новые, ранее изученные военной психологией попутно и фрагментарно. Данное обстоятельство порождает потребность в разработке объективных, неинвазивных инструментов скрининга и мониторинга психического состояния комбатанта.

Как отмечается специалистами, учитывая реалии сегодняшнего дня, на фоне кардинальных экономических изменений, происходящих в российском обществе с начала 2022 года, следует особо выделить такой важный процесс, как возрастание общего количества участников боевых действий, в том числе тех, кто возвращается в мирную гражданскую жизнь. Отечественной науке еще предстоит в полном объёме исследовать данный процесс [1].

Сложившаяся ситуация ведения против РФ военных действий «гибридного» характера требует от научного сообщества разработки и внедрения в практическую деятельность различных государственных органов и служб, а также негосударственных общественных организаций, созданных для помощи бойцам и ветеранам СВО, новых, отвечающих современным реалиям методик социального, психологического и иного свойства, направленных на скорейшую реадаптацию комбатантов к мирной жизни. С научной точки зрения, в свою очередь, на наш взгляд, существует социальная необходимость использования именно междисциплинарного подхода. Междисциплинарный подход в данном случае является не просто предпочтительным, а единственно возможным для решения столь комплексной проблемы, как различного рода нарушения поведения комбатанта на фоне боевого стресса и, как следствие, возможные другие нарушения, вызванные его пребыванием в зоне боевых действий (например, ПТСР). Именно комбинация достижений различных наук, на наш взгляд, позволяет перейти от симптоматического лечения к системному прогнозированию, профилактике, а впоследствии и к созданию высокоадаптивных систем поддержки.

Исходя из вышеизложенного, автор предлагает адаптировать для этих целей методологию криминалистического профайлинга, изначально созданную для решения задач правоохранительных органов, в качестве инновационного ресурса для системы медико-психологической реабилитации участников военных конфликтов.

Изначально технологии профайлинга создавались и существуют как техники, позволяющие определить замыслы на основе психофизиологических, вербальных и невербальных реакций в рамках профайлинга. В современной научно-правовой интерпретации профайлинг представляет собой комплекс методов прогнозирования поведения человека. Основными задачами профайлинга в правоохранительной системе являются:

– выявление нестандартных реакций тех лиц, которых перемещают различными видами транспорта;

– определение признаков делинквентного поведения отдельных индивидов (или их групп) в местах массового скопления людей;

– проведение оперативной психодиагностики;

– диагностика лжи и неискренности в поведении;

– оценка эмоциональных состояний людей и их изменения;

– диагностика криминального поведения (выявление признаков скрытого ношения оружия);

– диагностика возможного употребления индивидом наркотиков и алкоголя [2].

Универсальность и адаптируемость технологий профайлинга к процессу консультаций и сопровождения бойцов в состоянии боевого стресса обусловлены еще и тем фактом, что, как указывают сами специалисты-профайлеры, так и методики профилирования, язык тела у всех народов одинаков, основные типы эмоций повторяются даже у племен, которые никогда не контактировали с людьми: страх, гнев, удивление, восторг, печаль, радость. Если сравнить эмоции и мимику лица в том или ином состоянии, то увидим, что будет задействована одна и та же группа мышц. Если умело разбираться в микромимике лица людей, необязательно слышать, о чем говорит человек, достаточно только видеть лицо, руки, ноги. Даже без слов можно определить, говорит человек правду или лжет. Например, базовые эмоции: возмущение – брови подняты, рот открыт; волнение – суетливая моторика; ложь – расслабленная микромимика, уверенный взгляд, но ухмылка в конце реплики, а также поспешные кивки головой, быстрая речь, бегающие глаза, взгляд в сторону, шаг назад; потирание

шеи ладонью, дважды поджатые губы; напряжение – рука зафиксирована в положении «стоп»; неискренность – расширенные зрачки, напряженная микромимика; опасение – пересохшие губы, частое моргание; отвращение – уголки губ вниз; печаль – нахмуренные брови; подтверждение правды – глотание слюны; правда – улыбка с прищуриванием. Отсутствие эмоций также важно, как их присутствие; отсутствие рефлекторных откликов означает, что человеку известна правда; презрение – рот закрыт, уголки губ опущены, глаза сужены, брови сдвинуты к переносице, вертикальные складки на переносице, глаза тусклые; радость – уголки губ приподняты, глаза раскрыты или прищурены, лицо динамичное, глаза блестят; сексуальное возбуждение – хриплый голос, покраснение лица, расширенные зрачки; страх – напряженные губы, расширенные зрачки, лицо застывшее, брови подняты вверх и сведены; руки холодеют; удивление – рот открыт, глаза широко раскрыты, лицо застывшее [2].

Такая универсальность профилирования, в свою очередь, на наш взгляд, позволит создать модель использования анализа невербальных и вербальных маркеров (во время плановых бесед, групповых занятий, индивидуальных консультаций сопровождения ветеранов СВО) для выявления «группы риска» по развитию ПТСР среди военнослужащих, а также явной симптоматики ПТСР или иного деструктивного психологического аспекта у комбатанта-ветерана, вызванного его пребыванием в условиях боевой среды. Это, в свою очередь, позволит акцентировать внимание на раннем выявлении дисфункции мозга и психики лица до момента манифестации тяжелых симптомов. Например, на наш взгляд, достаточно эффективным будет установление техник репорта и управления беседой, которые зачастую использует в своем арсенале профайлер. Также в работе с комбатантом они могут помочь психологу либо иному специалисту из числа тех же ветеранов СВО, уже реабилитированных к мирной жизни и прошедших обучение, например через программу «Время героев» или иную с государственной поддержкой, получивших переквалификацию по направлению «Консультант по восстановлению и программам поддержки ветеранов» или «Специалист по реинтеграции ветеранов СВО». Репорт – это не дружба, а состояние психологического контакта, когда собеседник чувствует себя комфортно и подсознательно настроен на взаимодействие. Можно использовать данную технологию профайлинга, адаптировав к ветерану СВО копирование невербального поведения собеседника с небольшой задержкой. То есть на практике, если собеседник сидит, скрестив ноги, консультант по восстановлению и программам поддержки ветеранов (далее – консультант) через некоторое время мягко делает то же самое. Если собеседник – говорит тихо и медленно, консультант снижает темп и громкость своей речи. Если он использует определенные жаргонные слова, консультант их аккуратно вплетает в свою речь. В данном случае консультант на невербальном уровне передает сообщение «мы с тобой СВОи». Для подкрепления визуального контакта в системе «свой–чужой», которая у участников СВО «подкрепляется» колоссальной дозой выброса дофамина, можно использовать в одежде символику СВО, если консультант имеет боевой опыт, форму, шевроны, а если нет, то символику, шевроны общественных организаций, помогающих СВО.

Далее консультант может определить, какая репрезентативная система у человека ведущая (визуальная, аудиальная, кинестетическая), и использовать соответствующую лексику. То есть в данном случае мы анализируем, какие обороты речи использует собеседник. Так, у визуала в речи будут преобладать такие обороты, как: «Я смотрю на эту проблему, и мне она представляется неясной». Консультант, в свою очередь, подстраивается: «Понятно, посмотрим на это с другой точки зрения, чтобы прояснить картину». Если собеседник кинестетик, в его речи будет преобладать оборот: «Я чувствую, что в этом деле есть тяжесть, не могу ухватить суть». Консультант в данном случае может предложить: «Давайте попробуем разобрать это по полочкам, чтобы вы смогли почувствовать опору». То есть в данном случае консультант говорит с человеком на его языке, данное обстоятельство значительно повышает уровень доверия и понимания.

Если это необходимо, консультант, исходя из контекста беседы, создает у собеседника ощущение «общей правоты»: это техника, при которой консультант избегает прямого несогласия и использует фразы присоединения. К таким фразам можно отнести «Я вас понимаю...». Но эта фраза уместна только у консультантов, имеющих за спиной боевое прошлое, опыт военной службы, иные консультанты используют иные речевые конструкты: «Это интересная точка зрения...», «Если посмотреть с вашей позиции, то да...». Даже если собеседник говорит что-то спорное, консультант не перечит, а использует «да, и...» вместо «нет, но...». Данная техника позволит комбатанту снять защитные барьеры, дать собеседнику почувствовать свою значимость. Еще одна техника – это так

называемое калиброванное внимание, то есть полное, искреннее внимание к словам собеседника. В данном случае необходима открытая поза, прямой (но не давящий) взгляд, кивки, поддакивания («угу», «понимаю»), минимальные вербальные поощрения («и что же было дальше?»). Консультант в данном случае не перебивает. Применение данной техники дает возможность почувствовать собеседнику, что его слова крайне важны. Это мощнейший инструмент расположения к себе.

Кроме этого, немаловажное значение на последующих беседах имеет техника управление беседой, т. е. направление диалога в нужное русло.

После установления репорта консультант мягко, но уверенно направляет беседу в нужное русло для выбора собеседником жизненных стимулов или копинг-стратегий. Для этого консультант использует открытые и уточняющие вопросы. Это прежде всего вопросы, которые не допускают ответа «да / нет» и заставляют говорить подробно.

Все эти техники работают в комплексе. Консультант постоянно калибрует состояние собеседника. Если техника вызывает сопротивление (отвернулся, скрестил руки), консультант мгновенно отступает, возвращается к установлению репорта и пробует другой подход. Это не манипуляция в чистом виде, а гибкое, профессиональное ведение коммуникации для достижения конкретной цели.

Проведенный анализ демонстрирует теоретическую обоснованность и значительный практический потенциал применения технологий криминалистического профайлинга в системе психологической помощи военнослужащим.

Предлагаемый междисциплинарный подход позволяет наметить пути решения одной из самых острых проблем – создания эффективных инструментов ранней диагностики и коррекции боевой психической травмы. Дальнейшая работа должна быть направлена на экспериментальную апробацию выдвинутых предположений и разработку конкретных практических рекомендаций.

Список источников

1. Малюченко Г.Н. Методика «СЛИР (БВ)»: Сопровождение личностных изменений в реадаптации боевого ветерана: учеб. пособ. Саратов: Саратовский источник, 2025.

2. Брюхнов А.А., Ковальчук В.А. Профайлинг как метод определения психолого-криминалистического портрета // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17. № 3. С. 386–392.

References

1. Malyuchenko G.N. Metodika «SLIR (BV)»: Soprovozhdenie lichnostnyh izmenenij v readaptacii boevogo veterana: ucheb. posob. Saratov: Saratovskij istochnik, 2025.

2. Bryuhnov A.A., Koval'chuk V.A. Profajling kak metod opredeleniya psihologo-kriminalisticheskogo portreta // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2022. T. 17. № 3. S. 386–392.

Статья поступила в редакцию 30.09.25; одобрена после рецензирования 05.10.25; принята к публикации 05.10.25.

The article was submitted 30.09.25 ; approved after reviewing 05.10.25; accepted for publication 05.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 162.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):162.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 336.227
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_162

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ

РАМАЗАНОВ Фуад Нариман оглы
Аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу структуры и функционирования судебной системы Объединенных Арабских Эмиратов в условиях федеративного устройства государства. Рассматривается многоуровневая организация правосудия с разграничением компетенций между федеральными и местными судебными органами семи эмиратов. Исследуются иерархическая структура федеральной судебной системы, включающая Верховный федеральный суд, суды первой инстанции и апелляционные суды, а также особенности автономных судебных систем Абу-Даби и Дубая.

Ключевые слова: судебная система ОАЭ, федеративное устройство, Верховный федеральный суд, местные суды эмиратов, исламское право, шариат, светское законодательство, цифровизация правосудия, искусственный интеллект в судопроизводстве

Для цитирования: Рамазанов Ф.Н. Особенности судебной системы в Объединенных Арабских Эмиратах // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 162. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_162

Justice And Law-Enforcement Activity In The Eurasian Space
Original article

FEATURES OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE UNITED ARAB EMIRATES

RAMAZANOV Fuad Nariman ogly
Postgraduate Student of the Department of Judicial Authority, Law Enforcement and Human Rights Activities of Institute of Law of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
117198, Moscow, st. Miklouho-Maklaya, 6, Russian Federation

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the structure and functioning of the judicial system of the United Arab Emirates within the federal structure of the state. It examines the multi-tiered organization of the justice system, with a division of powers between the federal and local judicial bodies of the seven emirates. It examines the hierarchical structure of the federal judicial system, including the Supreme Federal Court, courts of first instance, and appellate courts, as well as the specifics of the autonomous judicial systems of Abu Dhabi and Dubai.

Keywords: UAE judicial system, federal structure, Supreme Federal Court, local courts of the Emirates, Islamic law, Sharia, secular legislation, digitalization of justice, artificial intelligence in legal proceedings

For citation: Ramazanov F.N. Features of the Judicial System in the United Arab Emirates = Eurasian advocacy. 2025;5(76):162. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_162

Объединенные Арабские Эмираты представляют собой федерацию из семи эмиратов, каждый из которых обладает значительной автономией в сферах внутреннего управления и правосудия. Федеративная структура государства оказывает существенное влияние на организацию судебной системы, формируя многоуровневую конструкцию с четким разграничением компетенций между федеральными и местными судебными органами.

Каждый эмират – Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Аджман, Умм-эль-Кайвайн, Рас-эль-Хайма и Фуджейра – сохраняет определенную степень законодательной и судебной независимости. В стране функционирует не единая унифицированная правовая система, а совокупность взаи-

© Рамазанов Ф.Н., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

мосвязанных правовых порядков, где федеральное законодательство сосуществует с местными нормативными актами. Подобная модель требует тщательной координации между различными уровнями судебной власти [1].

Федеральная судебная система строится по иерархическому принципу и включает три основных уровня. Верховный федеральный суд занимает высшую ступень и выполняет функции конституционного суда, рассматривая споры между эмиратами, между федеральными органами власти и органами власти эмиратов, дела о конституционности федеральных законов и местных законодательных актов. Федеральные суды первой инстанции рассматривают уголовные дела, связанные с преступлениями против безопасности государства, гражданские споры с участием федерального правительства, трудовые конфликты, торговые споры между лицами из разных эмиратов, дела в сфере банковской деятельности и страхования. Федеральные апелляционные суды выступают промежуточным звеном, рассматривая жалобы на решения судов первой инстанции.

Местные судебные системы эмиратов обладают значительной автономией и различаются по структуре и процедурным особенностям. Наиболее развитые и независимые судебные системы функционируют в Абу-Даби и Дубае. Дубайские суды создали специализированные коммерческие суды и внедрили современные технологии в судопроизводство, включая электронную подачу документов и видеоконференцсвязь. Абу-Даби развивает собственную судебную инфраструктуру, уделяя особое внимание международному коммерческому арбитражу и разрешению споров в сфере финансовых услуг.

Остальные эмираты – Шарджа, Аджман, Умм-эль-Кайвайн, Рас-эль-Хайма и Фуджейра – в большей степени полагаются на федеральную судебную систему, сохраняя определенные местные судебные органы для рассмотрения дел по семейному праву, наследованию и незначительным административным нарушениям [2]. Подобное разделение отражает различия в экономическом развитии эмиратов и их потребностях в судебных услугах.

Распределение судебных полномочий между федеральным и местным уровнями зависит от множества факторов: предмета спора, гражданства сторон, места совершения правонарушения и характера применимого права. Граждане и резиденты ОАЭ чаще обращаются в местные суды по вопросам семейного права, наследования, трудовых отношений и мелких коммерческих споров. Федеральные суды преимущественно рассматривают крупные коммерческие споры, затрагивающие интересы лиц из разных эмиратов или иностранных граждан, уголовные дела средней и высокой тяжести, дела, связанные с нарушением федерального законодательства.

Статистические данные показывают, что значительная часть судебных дел рассматривается на местном уровне, особенно в Дубае и Абу-Даби, где местные суды обрабатывают до 80 % всех поступающих исков. Федеральные суды сосредотачиваются на наиболее сложных и значимых делах, требующих применения специализированных знаний и единообразного толкования федерального законодательства.

Характерной особенностью судебной системы ОАЭ выступает сосуществование исламского права (шариата) и светского законодательства. Граница между данными правовыми системами не всегда четко определена. Шариат традиционно применяется в вопросах личного статуса мусульман: брак, развод, наследование и опека над детьми. Светское право доминирует в коммерческих отношениях, уголовном праве (за исключением некоторых преступлений против нравственности), административном праве и большинстве гражданско-правовых споров.

Современная тенденция развития судебной системы ОАЭ характеризуется постепенным расширением сферы применения светского права, особенно в коммерческих отношениях и международных спорах. Данный процесс обусловлен стремлением страны стать региональным центром международной торговли и финансов, что требует применения правовых норм, понятных и приемлемых для международного бизнес-сообщества [3]. Одновременно правительство ОАЭ тщательно соблюдает баланс между модернизацией правовой системы и сохранением исламских традиций, остающихся важной частью национальной идентичности.

Порядок назначения судей в ОАЭ различается в зависимости от уровня суда. Федеральные судьи назначаются президентом страны по рекомендации Верховного комитета судебной власти, включающего высших судейских чинов и представителей исполнительной власти. Местные судьи назначаются правителями соответствующих эмиратов, часто при участии местных судебных советов. Квалификационные требования к судьям включают высшее юридическое образование, определенный стаж работы в правовой сфере и знание как исламского, так и светского права.

Процедурные аспекты судопроизводства в ОАЭ сочетают элементы континентальной и англо-саксонской правовых традиций с исламскими принципами отправления правосудия. Судебные процессы носят состязательный характер, стороны имеют право на представительство адвокатами, решения судов подлежат обжалованию в установленном порядке. Вместе с тем некоторые процедурные особенности, особенно в делах, рассматриваемых с применением шариата, отличаются от западных стандартов, что создает трудности для иностранных граждан и компаний.

Современная судебная система ОАЭ продолжает эволюционировать, адаптируясь к изменяющимся потребностям общества и экономики. Внедрение новых технологий, развитие альтернативных способов разрешения споров, создание специализированных судов и улучшение подготовки судейских кадров остаются приоритетными направлениями реформ. Балансирование между сохранением традиционных ценностей и модернизацией правовой системы представляет собой сложную задачу, успешное решение которой во многом определит будущее ОАЭ как регионального центра права и справедливости.

Судебная система Объединенных Арабских Эмиратов в XXI веке переживает период интенсивных трансформаций, сталкиваясь с множественными вызовами современности и одновременно адаптируясь к требованиям глобализированного мира. Федеративная структура государства, объединяющего семь эмиратов с различными правовыми традициями, создает уникальную правовую среду, где исламское право переплетается с элементами континентальной и англо-саксонской правовых систем [4].

Языковой барьер представляет одну из наиболее существенных проблем современной судебной системы ОАЭ. Арабский язык остается основным языком судопроизводства, однако в стране проживает более 85 % иностранных граждан и резидентов, для которых арабский не является родным. Переводческие услуги зачастую оказываются недостаточно квалифицированными, что приводит к искажению смысла показаний и документов. Особенно остро данная проблема проявляется в коммерческих спорах, где неточность перевода технических терминов может кардинально изменить исход дела. Дубайские и абу-дабийские суды постепенно внедряют билингвальные процедуры, однако полное решение языковой проблемы требует системного подхода и значительных ресурсов.

Кадровый дефицит в судебной системе ОАЭ обусловлен несколькими факторами. Судьи, получившие традиционное исламское юридическое образование, зачастую испытывают затруднения при рассмотрении сложных коммерческих и технологических споров. Международные стандарты судопроизводства требуют от судей знания не только шариата, но и современного международного права, корпоративного права, интеллектуальной собственности и цифровых технологий. Правительство ОАЭ активно инвестирует в программы повышения квалификации судей, отправляя их на стажировки в ведущие мировые юридические центры, однако процесс формирования новой генерации судей занимает годы.

Влияние национальных традиций и исламских правовых принципов создает дополнительные сложности в интеграции с международной правовой системой. Шариат продолжает играть определяющую роль в семейном праве, наследственных спорах и некоторых аспектах уголовного права. Иностранные граждане, привыкшие к светскому правосудию, часто оказываются в ситуации правовой неопределенности, когда их дела рассматриваются через призму исламских правовых норм. Особенно проблематичными становятся вопросы, связанные с правами женщин, алкогольными правонарушениями и межрелигиозными браками [5].

Цифровая революция кардинально преобразует судебную систему ОАЭ. Дубай стал пионером в области цифровизации правосудия, запустив полностью цифровые суды для определенных категорий дел. Электронное делопроизводство, онлайн-подача исков и цифровые доказательства становятся стандартом. Система «Дубай Кортс» позволяет сторонам отслеживать ход рассмотрения дела в режиме реального времени, получать уведомления о заседаниях и участвовать в слушаниях удаленно. Абу-Даби следует примеру Дубая, внедряя собственные цифровые решения для судебной системы.

Онлайн-разбирательства, ускорившиеся во время пандемии COVID-19, показали свою эффективность и становятся постоянной частью судебной практики. Видеоконференции позволяют существенно сократить время рассмотрения дел и снизить затраты для участников процесса. Особенно востребованными оказались онлайн-процедуры в коммерческих спорах, где стороны могут находиться в разных странах. Однако внедрение дистанционных технологий требует дополнительных гарантий безопасности и аутентификации участников процесса.

Искусственный интеллект постепенно интегрируется в судебную систему ОАЭ. Алгоритмы машинного обучения используются для анализа судебной практики, поиска прецедентов и предварительной оценки перспектив дела. Дубайские суды экспериментируют с ИИ-помощниками, которые могут классифицировать иски, проверять документы на соответствие формальным требованиям и предлагать типовые решения для стандартных споров. Однако применение искусственного интеллекта в правосудии вызывает серьезные этические вопросы о справедливости алгоритмических решений и возможности их пересмотра.

Положение иностранных граждан и резидентов в судебной системе ОАЭ остается предметом пристального внимания международного сообщества. Создание специализированных коммерческих судов в свободных экономических зонах Дубая и Абу-Даби, работающих по принципам общего права и на английском языке, стало важным шагом навстречу международным стандартам. Дубайский международный финансовый центр (DIFC) и Глобальный рынок Абу-Даби (ADGM) имеют собственные судебные системы, независимые от федеральных судов и применяющие международное право.

За пределами специализированных юрисдикций иностранные граждане по-прежнему сталкиваются с существенными проблемами. Культурные различия в понимании правовых процедур, языковые барьеры и недостаточное знание местных правовых традиций создают неравенство перед законом. Особенно уязвимыми оказываются трудовые мигранты из стран Южной Азии и Африки, которые зачастую не имеют доступа к квалифицированной юридической помощи и не знают своих прав в рамках эмиратской правовой системы.

Дипломатические усилия ОАЭ по заключению соглашений о взаимном признании судебных решений с ключевыми торговыми партнерами улучшают ситуацию для бизнеса, однако частные лица испытывают трудности с исполнением решений эмиратских судов за рубежом. Отсутствие участия ОАЭ в ряде международных конвенций по гражданско-правовым вопросам ограничивает возможности трансграничного правового сотрудничества.

Прогнозы развития судебной системы ОАЭ в ближайшие десятилетия указывают на дальнейшую автоматизацию и технологизацию правосудия. Планируется создание единой федеральной цифровой платформы, которая объединит все суды эмиратов и обеспечит унифицированные стандарты электронного документооборота. Блокчейн-технологии будут использоваться для защиты целостности судебных документов и создания неизменяемых записей о ходе судебных процессов.

Искусственный интеллект получит более широкое применение не только в административных функциях, но и в процессе принятия судебных решений. Планируется создание ИИ-систем, способных анализировать сложные многосторонние споры и предлагать варианты урегулирования на основе анализа тысяч аналогичных дел. Однако внедрение таких технологий потребует пересмотра правовых основ судопроизводства и создания новых механизмов контроля за алгоритмическими решениями.

Прозрачность судебной системы будет повышаться через создание открытых баз данных судебных решений, внедрение систем онлайн-трансляции судебных заседаний и публикацию статистических данных о работе судов. Некоторые суды ОАЭ уже публикуют анонимизированные версии своих решений, что способствует формированию предсказуемой судебной практики и повышению доверия к правосудию.

Интеграция с международными правовыми стандартами будет углубляться через присоединение к дополнительным международным конвенциям, расширение программ обмена судьями с ведущими правовыми системами мира и гармонизацию эмиратского законодательства с международными нормами. Особое внимание будет уделено области защиты прав человека, корпоративного управления и интеллектуальной собственности.

Судебная система ОАЭ стоит на пороге кардинальных изменений, которые должны превратить ее в одну из самых современных и эффективных в мире. Успех реформ будет зависеть от способности страны сбалансировать уважение к традиционным исламским ценностям с требованиями глобализированного мира, обеспечить равенство перед законом для всех категорий населения и создать правовую среду, способствующую экономическому развитию и социальной справедливости.

Список источников

1. Ballantyne W.M. Commercial Law in the Arab Middle East: The Gulf States. Lloyd's of London Press, 1986.

2. Davidson C. The United Arab Emirates: A Study in Survival. Lynne Rienner Publishers, 2005.

3. Dubai Courts Annual Report 2022. Government of Dubai, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dubaicourts.gov.ae.
4. Elsaman R.S. The Legal Systems of the United Arab Emirates: Modernization and Tradition. International Journal of Legal Information. 2019. Vol. 47. № 2. P. 120–135.
5. Federal Law № 11 of 1992 (as amended). On the Regulation of the Judicial Authority in the UAE. Official Gazette, UAE.

References

1. Ballantyne W.M. Commercial Law in the Arab Middle East: The Gulf States. Lloyd's of London Press, 1986.
2. Davidson C. The United Arab Emirates: A Study in Survival. Lynne Rienner Publishers, 2005.
3. Dubai Courts Annual Report 2022. Government of Dubai, 2023 [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.dubaicourts.gov.ae.
4. Elsaman R.S. The Legal Systems of the United Arab Emirates: Modernization and Tradition. International Journal of Legal Information. 2019. Vol. 47. № 2. P. 120–135.
5. Federal Law № 11 of 1992 (as amended). On the Regulation of the Judicial Authority in the UAE. Official Gazette, UAE.

Статья поступила в редакцию 08.10.25; одобрена после рецензирования 18.10.25; принята к публикации 18.10.25.

The article was submitted 08.10.25 ; approved after reviewing 18.10.25; accepted for publication 18.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 167.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):167.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 347.965.125
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_167

О НЕКОТОРЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

КУВШИНОВ Алексей Николаевич
Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности Юридического института Пятигорского государственного университета
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается актуальная тема совершенствования уголовной политики в контексте растущей угрозы киберпреступности. Выводы автора подчеркивают важность адаптации уголовной политики к быстроменяющейся киберсреде, необходимость повышения квалификации специалистов и активного сотрудничества на международной арене для противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: киберпреступность, уголовная политика, правовая информационная безопасность.

Для цитирования: Кувшинов А.Н. О некоторых криминологических и уголовно-правовых аспектах противодействия киберпреступности // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 167. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_167

Justice And Law-Enforcement Activity In The Eurasian Space
Original article

ON SOME CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL LAW ASPECTS OF COUNTERING CYBERCRIME

KUVSHINOV Aleksey Nikolaevich
Lecturer of Department of Criminal Law Disciplines and Forensic Expertise of Law Institute of Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9, Russian Federation

Abstract: This article discusses the current topic of improving criminal policy in the context of the growing threat of cybercrime. The conclusions emphasize the importance of adapting criminal policy to the rapidly changing cyber environment, the need for professional development and active cooperation in the international arena to counter cybercrime.

Keywords: cybercrime, criminal policy, legal regulation, international cooperation

For citation: Kuvshinov A.N. On Some Criminological and Criminal Law Aspects of Countering Cybercrime = Eurasian advocacy. 2025;5(76):167. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_167

Развитие и применение информационных и сетевых технологий привело в нынешней действительности к превращению преступного пространства из физического в цифровое. Данная метаморфоза физического и цифрового пространства трансформировала форму преступности. Также преступное поведение и категория доказательств, связанных с преступными деяниями, претерпели изменения. В традиционных преступлениях вещественные доказательства, документальные свидетельства, свидетельские показания и т. д. играют важную роль при вынесении приговора, но при совершении киберпреступлений электронные доказательства имеют уникальную доказательственную ценность.

Чаще всего выявляемые киберпреступления в большей степени нацелены на информационные системы, электронное информационное оборудование и т. д., а с применением соответствующих сетевых технологий киберпреступность также сочетается с организованной преступностью и другими серьезными преступлениями [1], что приводит к большему социальному ущербу. Кроме того, анонимность, транснациональный характер и вариативность киберпреступлений, совершаемых в последнее время, затрудняют эффективное

© Кувшинов А.Н., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

реагирование соответствующих правоохранительных органов [2].

В связи с социальной необходимостью в 2024 году была принята Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности, которая обеспечила международному сообществу систематическую правовую базу для борьбы с киберпреступностью. Концепция является первым глобальным специальным актом в области противоправных действий в виртуальной среде.

К тому же исследование правоприменительной практики по данному вопросу указывает на тот факт, что Европейская комиссия запустила еще в 2001 году «Будапештскую конвенцию», которая для ряда стран, как показала практика, не является эффективным актом. В связи со сложившимся обстоятельствами в августе 2024 года, после более чем двухлетних переговоров, был принят текст Конвенции Организации Объединенных Наций. Поэтапное внедрение Конвенции не только обеспечивает более авторитетную и глобально представительную правовую базу для борьбы с киберпреступностью, но и представляет собой первый случай, когда незападные страны, такие как Китай и Россия, добились результатов в содействии разработке данного международного акта.

В частности, статья 4 Конвенции служит связующим звеном между Конвенцией и другими международными актами в этой сфере. Правовая база для оказания технической помощи и обмена информацией, предусмотренная Конвенцией, также способствует наращиванию потенциала России в области борьбы с киберпреступностью [3].

В условиях глобализации современных информационно-коммуникационных сетей сетевая безопасность России сталкивается с новыми угрозами. При переходе к цифровизации процесс управления страной был частично автоматизирован, что сделало информационные ресурсы более уязвимыми для компьютерных атак. Если вредоносные программы будут внедрены в критически важное оборудование, они окажут негативное воздействие и даже полностью парализуют важнейшую информационную инфраструктуру страны, что будет иметь катастрофические социальные, финансовые или экологические последствия.

Благодаря быстрому развитию и постоянному обновлению информационных технологий Интернета отклонения в работе информационных сетей и преступные деяния также итеративно обновляются соответствующим образом. Уголовное право не может своевременно и эффективно регулировать новые виды преступлений в информационной сети, и объективной проблемой является то, что уголовное право отстает от преступлений в цифровом пространстве. Поэтому крайне важно, чтобы национальное законодательство своевременно соответствовало социальной действительности и расширяло круг информационных киберпреступлений, с тем, чтобы эффективно устранять «белые пятна» в уголовно-правовом регулировании.

Следовательно, уголовно-правовое законодательство должно своевременно реагировать и рационально расширять круг информационных киберпреступлений. Такого рода законодательство со строгим регулированием может проявляться в следующих трех формах. Во-первых, в отношении новых видов киберпреступлений могут быть непосредственно добавлены новые категории преступлений. Во-вторых, в отношении составляющих элементов киберпреступления могут применяться такие методы, как криминализация подготовительного поведения и запрет на его совершение. В-третьих, при назначении наказаний могут быть установлены положения, ограничивающие или лишающие обвиняемого доступа к информационной сети.

Учитывая многогранность киберпреступности, жесткие меры пресечения не могут быть грубо применены непосредственно к деятельности уголовного правосудия. Уголовное правосудие имеет свои собственные законы, и оно должно следовать основным судебным принципам, таким как процессуальное право, уголовное право и адаптация вины и наказания. В этом смысле уголовное правосудие в связи с особенностями киберпреступности должно осуществляться постепенно и не должно основываться на жестких мерах пресечения или возбуждать несправедливые, ложные и противоправные дела, тем самым нанося ущерб верховенству закона и авторитету судебной системы.

Первым шагом к рациональному регулированию деятельности уголовного правосудия в связи с киберпреступностью является строгое соблюдение принципов процессуального права с точки зрения процессуальных норм. В отношении конкретных и сложных случаев киберпреступности особенно необходимо обращать внимание на важность процессуального законодательства для предотвращения нарушений процессуальных норм в связи с инцидентами и делами. Для новых типов особых дел, которые еще не имеют четких процессуальных норм, могут быть обобщены

различные сложные моменты в процессе рассмотрения конкретных дел, уточнены поправки или правила по конкретным процессуальным вопросам и, наконец, предложены законодательные поправки к уголовным судебным процедурам [4].

В процессе определения состава преступления также необходимо строго соблюдать принципы уголовного права. Принимая во внимание девиантное поведение в информационной сети нового типа, следует надлежащим образом использовать метод расширенной интерпретации, чтобы точно понять содержание составляющих элементов, и сходство не должно использоваться в качестве основы для вынесения приговора и криминализации. Следует отметить, что стремительное развитие информационных и сетевых технологий неизбежно приведет к дилемме, заключающейся в том, что скорость развития законодательства не соответствует темпам роста видов киберпреступлений. Как точно определить социальную вредность конкретных видов поведения, связанных с информационными и сетевыми технологиями, как определить взаимосвязь между техническим поведением и содержанием конкретных преступных элементов, как использовать технический контент для определения судебной юрисдикции и правил определения доказательств, – все это требует от системы уголовного правосудия внимания и использования информационных и сетевых технологий. Для построения современной уголовной политики в отношении информационной киберпреступности необходимо усилить изучение и внедрение достижений науки и техники с помощью правовых норм. Только правовые нормы с интеграцией технического содержания могут по-настоящему обеспечить эффективное управление киберпреступностью.

Таким образом, с быстрым развитием интернет-технологий формы и сложность киберпреступлений также возрастают. В настоящее время киберпреступность характеризуется мобильностью, трансграничностью, организованностью, индустриализацией и внедрением новых технологий. Преступные действия, такие как хакерство, кража данных, кибермошенничество и кибертерроризм, создают серьезные угрозы экономике, безопасности и общественному порядку различных стран. В соответствии с этими характеристиками неизбежно возникнет международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и ее предотвращении. Чтобы эффективно бороться с киберпреступностью, необходимо уделять пристальное внимание тенденциям развития цифрового пространства и определять контекст ее развития, а также находить эффективные стратегии управления. Эффективное управление киберпреступностью является важным проявлением модернизации национальной правовой системы, что может обеспечить безопасность информационного поля в период использования некинетических способов воздействия на данного рода пространство со стороны недружественных стран. Информационная киберпреступность неизбежно является серьезной проблемой криминального мира. В будущем уголовно-правовое законодательство по борьбе с информационной киберпреступностью также должно быть своевременным, эффективным, проактивным, основанным на строгих принципах и рационально расширять круг информационных киберпреступлений. В уголовном законодательстве и процессе уголовного судопроизводства неизбежной тенденцией станут технологизация уголовно-правовых норм киберпреступности и интеграция информационно-сетевых технологий в уголовно-правовые нормы. Данный метод совершенствования уголовной политики в области киберпреступности позволит в будущем эффективно бороться и предупреждать данного рода преступления.

Список источников

1. Акименко М.А. О некоторых криминологических особенностях проявления криминальной активности транснациональной организованной преступности в период пандемии COVID-19 // Евразийская адвокатура. 2021. № 3(52). С. 109–110.

2. Акименко М.А., Попов А.П. Учебно-методическое пособие для проведения лабораторных работ по криминалистике. Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на Кавказских Минеральных Водах», 2025.

3. Акименко М.А., Цуканова О.В. О некоторых криминологических признаках кибертерроризма и киберэкстремизма в современных условиях // Университетские чтения–2024: материалы Всероссийской конференции с международным участием, Пятигорск, 11–12 января 2024 года. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2024. С. 117–121.

4. Клычев Р.А. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности в социальных сетях и мессенджерах // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 1. С. 135–140.

References

1. Akimenko M.A. O nekotoryh kriminologicheskih osobennostyah proyavleniya kriminal'noj aktivnosti transnacional'noj organizovannoj prestupnosti v period pandemii COVID-19 // Evrazijskaya advokatura. 2021. № 3(52). S. 109–110.

2. Akimenko M.A., Popov A.P. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya provedeniya laboratornyh rabot po kriminalistike. Pyatigorsk: OOO «Reklamno-informacionnoe agentstvo na Kavkazskih Mineral'nyh Vodah», 2025.

3. Akimenko M.A., Cukanova O.V. O nekotoryh kriminologicheskih priznakah kiberterrorizma i kiberekstremizma v sovremennyh usloviyah // Universitetskie chteniya–2024: materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Pyatigorsk, 11–12 yanvarya 2024 goda. Pyatigorsk: Pyatigorskij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 117–121.

4. Klychev R.A. Problemy kvalifikacii prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti v social'nyh setyah i messendzherah // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2025. T. 21. № 1. S. 135–140.

Статья поступила в редакцию 30.10.25; одобрена после рецензирования 05.11.25; принята к публикации 05.11.25.

The article was submitted 30.10.25 ; approved after reviewing 05.11.25; accepted for publication 05.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 171.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):171.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 347.4
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_171

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАЛАФЕЕВ Михаил Александрович
Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Ульяновского государственного университета
432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются особенности программного обеспечения как сложного объекта гражданско-правовых отношений, в частности, информационные системы как актуальный в текущей практике объект договора. Предлагается отдельная трактовка понятия «информационная система» как объекта гражданско-правовых отношений с учетом присущих ему технических особенностей. Применяется сравнительно-правовой метод исследования, анализируются актуальные стандарты, закрепляющие понятие рассматриваемого объекта, а также его трактовки в документах отдельных организаций.

Ключевые слова: информационные системы, понятие информационной системы, программное обеспечение, объект гражданско-правовых отношений, гражданско-правовые отношения

Для цитирования: Малафеев М.А. Информационные системы как объект гражданско-правовых отношений // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 171. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_171

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

INFORMATION SYSTEMS AS AN OBJECT OF CIVIL LAW RELATIONS

MALAFEEV Mikhail Alexandrovich
Postgraduate Student of the Department of Civil and Business Law of Law Faculty of Ulyanovsk State University
432970, Ulyanovsk, Goncharova St., 40/9, Russian Federation

Abstract: The article examines the features of software as a complex object of civil law relations. Information systems are being analyzed as an modern object of the contract. This work propose to a separate interpretation of the concept of «information system» as an object of civil law relations with its inherent technical features. A comparative legal research method is applied, current standards are analyzed that regulates current concept of understanding information systems as an object of civil law, also this work analyzes the interpretation of information systems in the documents of IT organizations.

Keywords: information systems, the concept of an information system, software, object of civil law relations, civil law relations

For citation: Malafeev M.A. Information systems as an object of civil law relations = Eurasian advocacy. 2025;5(76):171. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_171

Основное понятие информационной системы определяется Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии со статьёй 2 этого акта информационная система представляется собой совокупность информации, технических средств и информационных технологий, которыми обеспечивается обработка этой самой информации. Данное понятие применяется в сфере информационного права и редко используется в гражданско-правовых отношениях.

С точки зрения гражданского права не подразумевается классификация программного обеспечения на отдельные виды. Все программные продукты в гражданско-правовом обороте характеризуются как программы для ЭВМ, это понятие представлено в статье 1261 Гражданского кодекса

© Малафеев М.А., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

РФ и подразумевает, что программой для ЭВМ можно считать всякую совокупность данных и команд, обеспечивающих работу программы на компьютерных устройствах, нацеленную на получение результата, определенного целями такой программы. В это же понятие также включены результаты и материалы, полученные в ходе разработки программы, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Упомянутый ранее закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в содержании статьи 13 предоставляет базовую классификацию информационных систем:

1) государственные;

2) муниципальные;

3) иные.

Следует отметить, что в рамках рассмотрения особенностей применения информационных систем в предпринимательской деятельности авторами отдельно выделяется вид «коммерческая информационная система» [3].

Такой подход является, по большей части, обобщающим и не требует разработки отдельных правил для оборота разных видов программного обеспечения. Однако сейчас понятие «программа для ЭВМ» выступает слишком обобщающим. В гражданском обороте присутствуют различные виды программного обеспечения [17, с. 75–77], среди которых интерес представляют и информационные системы. С точки зрения технического подхода, информационные системы отличаются тем, что их работа направлена на структурированное хранение и оборот данных, независимо от того, содержатся ли обрабатываемые данные в этой системе [5, с. 12–19]. Похожим образом информационные системы определяются Межгосударственным стандартом ISO/IEC 2382:2015, МОО. В соответствии с понятием, установленным пунктом 4.452 данного документа, информационной системой является «система, организующая обработку информации предметной области и её хранение». Государственные стандарты в целом определяют информационную систему похожим образом, добавляя отличительные признаки. Например, из содержания Национального стандарта РФ ГОСТ Р 53622-2009 «Информационные технологии. Информационно-вычислительные системы. Стадии и этапы жизненного цикла, виды и комплектность документов» следует:

– результатом работы информационной системы является предоставление выходной информации для последующего использования;

– информационная система является именно совокупностью баз данных, обрабатываемых данных и используемых сопутствующих программ, которые работают совместно как единая система для решения определённых задач.

Инженерно-техническое сообщество предлагает масштабную классификацию информационных систем, но в рамках гражданско-правовых отношений одними из наиболее актуальных можно считать именно корпоративные информационные системы. Такие системы направлены на автоматизацию ключевых бизнес-процессов организации. Они обеспечивают согласованность работы различных отделов, оптимизируют документооборот, агрегируют как общедоступную, так и внутреннюю корпоративную информацию. Такие системы широко представлены на рынке, и современная практика предполагает наличие такой системы у каждой организации или индивидуального предпринимателя. Корпоративные информационные системы, с точки зрения их технического восприятия, определяются как «программно-аппаратная структура, способная объединять в одно информационное и управленческое пространство организации с различной функциональной направленностью, например, производственные, торговые, транспортные, которые находятся на удаленном друг от друга расстоянии, для решения финансово-экономических, производственных и управленческих задач» [20, с. 78].

Субъекты, предоставляющие доступ к информационной системе на возмездной основе, также устанавливают обобщённые определения своих систем. Так, некоторые информационные системы определяются их правообладателями следующим образом:

– справочно-поисковая система КонсультантПлюс – «совокупность программы для ЭВМ и набора текстовой информации» [18];

– система Гарант в рамках договора присоединения определяется как «Электронный периодический справочник» [8], однако, учитывая возможности предоставляемой системы, это именно информационная система. В данном случае отсутствие понятия «информационная система» в договоре присоединения Гарант может быть обусловлено целями такой системы. Представление такого продукта, как структурированное периодическое издание, не учитывает явные возможности этой системы и результат, на получение которого и направлена работа этой системы [14];

– 1С – лицензионное соглашение, регулирующие правила пользования основных поставок «1С: Предприятие», представляет эту систему как «Программный продукт» [9]. Программный

продукт, в соответствии с тем же лицензионным соглашением, определяется как комплект поставки самой программы, состоящий из программных модулей. Также это соглашение дополняет понятие программного продукта тем, что он включает в себя программное обеспечение и любые сопроводительные материалы к нему;

– SAP как крупный производитель CRM систем (customer relationship management) на 15.09.2025, ранее действовавший на территории России через ООО САП СНГ, официально прекратил партнёрство с российскими контрагентами с апреля 2022 года [2]. Однако данная информационная система, созданная для взаимодействия организации с клиентами [6, С. 13], также предоставлялась на основе отдельных соглашений по предоставлению и сопровождению такой системы. Применительно к SAP следует обратить внимание на такие понятия, как «SAP Software Solutions- shall mean a group of one or multiple Production Systems running Licensee Solutions and focusing on a specific functional aspect of Licensee's business» [1]. То есть программные решения SAP определялись как группа, включающая одну или несколько продуктовых систем, использующие решения лицензиата и направленные на определённый аспект деятельности лицензиата. Также следует обратить внимание на понятие «Продуктивная система», которое в рамках SAP соглашений означает «инсталлированное ПО (программное обеспечение) SAP, используемое для обеспечения оперативно-хозяйственной деятельности Лицензиата, в которое помещены данные Лицензиата» [13]. Таким образом, SAP не формировала полноценного определения используемой в рамках его продуктов информационной системы и, как и 1С, опиралась на понятие программных элементов предоставляемой системы.

Также следует отдельно рассмотреть пример определения Государственной системы маркировки «Честный знак» [12]. Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2019 года № 899-р «О реализации проекта государственно-частного партнерства» в разделе существенных условий соглашения о государственно-частном партнерстве определяет, что объектом соглашения является сама государственная информационная система мониторинга товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, а также программно-технические комплексы, технологически связанные с этой системой и обеспечивающие её функционирование. Этим же соглашением уточняется, что объектом является «совокупность программ для электронных вычислительных машин, баз данных, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в состав которых входят программы для ЭВМ и (или) базы данных, а также имущество, технологически связанное с объектом соглашения и предназначенное для обеспечения их функционирования или осуществления маркировки». Далее соглашением приводится подробная классификация компонентов этой государственной информационной системы (Таблица 1).

Этот же состав представлен в разделе «Структура информационной системы мониторинга» в Положении о государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 26 апреля 2019 г. № 515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров». Также в рамках этого же документа предусмотрен перечень задач, выполнение которых должно обязательно обеспечиваться программно-техническими средствами информационной системы мониторинга и её подсистемами (компонентами). Среди отраслевых задач также выделяются:

Таблица 1. Компоненты системы «Честный знак»

Общие компоненты информационной системы мониторинга за оборотом товаров	Отраслевые компоненты информационной системы мониторинга за оборотом товаров
– Компонент хранения и обработки документов, поступающих от участников оборота товаров; – Компонент хранения данных о кодах маркировки; – Компонент регистрации и хранения данных участников оборота товаров и иных пользователей информационной системы; – Компонент доступа к данным в составе личного кабинета участника оборота товаров и иных пользователей информационной системы; – Компонент программных интерфейсов для организации взаимодействия с учетными и иными информационными системами участников оборота товаров и иных пользователей информационной системы; – Компонент расчёта и получения платы за услугу формирования кодов маркировки для участников оборота товаров; – Компонент эмиссии кодов маркировки; – Компонент ведения нормативно-справочной информации	Компоненты, предназначенные для определения правил маркировки отдельных товарных групп (отраслевой компонент «Табачная продукция», отраслевой компонент «Меховые изделия» и т. д.)

– реализация функции информационной системы мониторинга;

– круглосуточная непрерывная работа информационной системы;

– информационное взаимодействие информационной системы мониторинга и её компонентов с другими информационными системами;

– единство используемой участниками информационной системы мониторинга нормативно-справочной информации в информационной системе мониторинга, включая справочники, реестры и классификаторы.

Из содержания упомянутых документов следует, что, применительно к практике внедрения системы «Честный знак», под информационной системой в данном случае понимается совокупность программ для ЭВМ, сайтов, других информационных систем, баз данных и технически связанное с ними имущество, предназначенное для обеспечения функционирования системы. Такое понятие можно считать наиболее полным определением Информационной системы в сравнении с ранее рассмотренными определениями других систем.

Именно цели таких систем и их распространенность в современных организациях обеспечивают необходимость актуализации и унификации подхода к определению и обороту таких систем в рамках гражданско-правовых отношений. Действующее законодательство Российской Федерации не различает информационные системы по типам, в том числе и не отличает корпоративные информационные системы от других. Однако в целях дальнейшего анализа оборота таких систем необходимо теоретически отделять их от аналогичных. Для этих целей наиболее целесообразно воспользоваться классификацией, принятой в инженерно-техническом сообществе, поскольку она учитывает не только технические, но также целевые отличия таких систем и их масштаб. Кроме того, рассматривая особенности таких систем, следует учитывать структуру, используемую в практике 1С и «Честный знак» как модульных и сложных программ для ЭВМ, которые требуют не только разработки, но также индивидуальных доработок и адаптации в организации.

Таким образом, информационную систему как объект гражданско-правовых отношений следует понимать как программу для ЭВМ, включающую основные и (при наличии) дополнительные компоненты, а также сопровождающую такие компоненты техническую документацию, обеспечивающие работу программы в соответствии с целями, для которых предоставляется система, определёнными договором. На практике не распространены случаи, когда информационные системы неразрывно связаны с какими-либо определенными техническими средствами. Более часто для обеспечения работы информационной системы используется сервер, на котором хранится информация, обрабатываемая системой. В данном случае неразрывно связанным является, как правило, не сам сервер как техническое средство, а установленное на нём программное обеспечение, от которого будет зависеть эффективность работы системы. Например, для работы клиент-серверных систем 1С предусмотрены только определенные системы управления базой данных (СУБД) [4]. Также предложенное понятие включает в себя и «продуктовые решения», поставляемые вместе с информационной системой и применяемые в ней. В рамках предложенной трактовки их можно определять в перечне поставляемых основных или дополнительных компонентов.

Список источников

1. SAP enterprise support schedule («Schedule») [Электронный ресурс]. URL: https://www.sap.com/about/trust-center/agreements/on-premise/product-use-and-support-terms.html?sort=latest_desc&tag=agreements%3Aproduct-use-and-support-terms%2Fon-premise-software%2Fsupport-terms&pdf-asset=1e2c292c-b47e-0010-bca6-c68f7e60039b&page=1.

2. SAP Plans Russia Exit [Электронный ресурс]. URL: https://news.sap.com/2022/04/sap-plans-russia-exit.

3. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практич. пособ. М.: Юстицинформ, 2023.

4. Архитектура платформы 1С:Предприятие (версия 8.3.27) Клиент-серверный вариант работы [Электронный ресурс]. URL: https://v8.1c.ru/platforma/klient-servernyy-variant-raboty/?ysclid=mfvkgtmtnt452740458.

5. Барахнин В.Б., Федотов А.М. Информационная система: взгляд на понятие // Вестник новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2007. № 2. Т. 5. С. 12–19.

6. Беляцкая Т.Н., Амелин М.А. Анализ интеллектуальных информационных систем на примере CCRM и ERP // Прикладная информатика. 2015. Т. 10 № 3(57). С. 12–23.

7. Договор присоединения. Клуб Гарант [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/company/disclaimer/club.

8. Лицензионное соглашение [Электронный ресурс]. URL: https://1c.ru/texts/kp_license.htm?ysclid=mfh7onscrq840348104.

9. О честном знаке [Электронный ресурс]. URL: https://честныйзнак.рф/o-chestnom-znake/nacionalnaya-sistema-markirovki.

10. Общие условия оказания услуг SAP STANDARD SUPPORT по сопровождению программного обеспечения SAP STANDARD SUPPORT SCHEDULE («Общие условия») [Электронный ресурс]. URL: https://www.sap.com/about/trust-center/agreements/on-premise/product-use-and-support-terms.html?sort=latest_desc&tag=agreements%3Aproduct-use-and-support-terms%2Fon-premise-software%2Fsupport-terms&pdf-asset=8001e9d0-737d-0010-87a3-c30de2ffd8ff&page=1.

11. Перечень продуктов системы Гарант [Электронный ресурс]. URL: https://lt.garant.ru/#rec132098952.

12. Суворов И.Н., Асхатзянова А.Р., Михеев П.Р. Классификация прикладного программного обеспечения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 1–2(69). С. 75–77.

13. Условия предоставления доступа [Электронный ресурс]. URL: https://login.consultant.ru/demo-access/agreement/.

14. Черниченко А.Н., Черниченко *Л.Л.* Компьютерные сети в корпоративных экономических системах: учеб. пособ. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2024. С. 78.

References

1. SAP enterprise support schedule («Schedule») [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.sap.com/about/trust-center/agreements/on-premise/product-use-and-support-terms.html?sort=latest_desc&tag=agreements%3Aproduct-use-and-support-terms%2Fon-premise-software%2Fsupport-terms&pdf-asset=1e2c292c-b47e-0010-bca6-c68f7e60039b&page=1.

2. SAP Plans Russia Exit [Elektronnyj resurs]. URL: https://news.sap.com/2022/04/sap-plans-russia-exit.

3. Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. Pravovoe regulirovanie novyh vidov predprinimatel'skoj deyatel'nosti: praktich. posob. M.: Yusticinform, 2023.

4. Arhitektura platformy 1S:Predpriyatie (versiya 8.3.27) Klient-servernyj variant raboty [Elektronnyj resurs]. URL: https://v8.1c.ru/platforma/klient-servernyy-variant-raboty/?ysclid=mfvkgtmtnt452740458.

5. Barahnin V.B., Fedotov A.M. Informacionnaya sistema: vzglyad na ponyatie // Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Informacionnye tekhnologii. 2007. № 2. T. 5. S. 12–19.

6. Belyackaya T.N., Amelin M.A. Analiz intellektual'nyh informacionnyh sistem na primere SCRM i ERP // Prikladnaya informatika. 2015. T. 10 № 3(57). S. 12–23.

7. Dogovor prisoedineniya. Klub Garant [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru/company/disclaimer/club.

8. Licenzionnoe soglashenie [Elektronnyj resurs]. URL: https://1c.ru/texts/kp_license.htm?ysclid=mfh7onscrq840348104.

9. O chestnom znake [Elektronnyj resurs]. URL: https://chestnyjznak.rf/o-chestnom-znake/nacionalnaya-sistema-markirovki.

10. Obshchie usloviya okazaniya uslug SAP STANDARD SUPPORT po soprovozhdeniyu programmnogo obespecheniya SAP STANDARD SUPPORT SCHEDULE («Obshchie usloviya») [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.sap.com/about/trust-center/agreements/on-premise/product-use-and-support-terms.html?sort=latest_desc&tag=agreements%3Aproduct-use-and-support-terms%2Fon-premise-software%2Fsupport-terms&pdf-asset=8001e9d0-737d-0010-87a3-c30de2ffd8ff&page=1.

11. Perechen' produktov sistemy Garant [Elektronnyj resurs]. URL: https://lt.garant.ru/#rec132098952.

12. Suvorov I.N., Askhatzyanova A.R., Miheev P.R. Klassifikaciya prikladnogo programmnogo obespecheniya // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2021. № 1–2(69). S. 75–77.

13. Usloviya predostavleniya dostupa [Elektronnyj resurs]. URL: https://login.consultant.ru/demo-access/agreement/.

14. Chernichenko A.N., Chernichenko L.L. Komp'yuternye seti v korporativnyh ekonomicheskih sistemah: ucheb. posob. Pyatigorsk: Reklamno-informacionnoe agentstvo na KMV, 2024. S. 78.

Статья поступила в редакцию 30.10.25; одобрена после рецензирования 04.11.25; принята к публикации 04.11.25.

The article was submitted 30.10.25 ; approved after reviewing 04.11.25; accepted for publication 04.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 176.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):176.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 347.73
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_176

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРОЛИРУЕМЫХ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

КРОХИНА Юлия Александровна
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 13, Российская Федерация

Аннотация: В Российской Федерации правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний (КИК) претерпевает серьезные изменения, что связано с воздействием на нашу страну беспрецедентных незаконных санкционных мер со стороны недружественных стран. В ответ на внешнеэкономические вызовы российское налоговое законодательство взяло вектор на смягчение последствий санкций и адаптацию системы налогообложения для физических и юридических лиц, контролирующих зарубежные структуры. В статье дан анализ введенных в Российской Федерации в 2022 году корректирующих мер в поддержку налогоплательщиков, управляющих иностранными компаниями. Обоснован вывод, что сущность внесенных изменений заключается в стимулировании добровольного раскрытия информации и упрощении расчета налоговой базы. Одновременно новеллы правового регулирования повлекли повышенный уровень правовой и финансовой ответственности, что требует от налогоплательщиков особого внимания к структурированию владения зарубежными активами.

Проведенный сравнительный анализ правового регулирования юридической ответственности за нарушение правил КИК в Российской Федерации и Турецкой Республике показал наличие сопоставимых оснований и мер ответственности, их направленность на защиту фискального суверенитета каждого государства. Вместе с тем нарушение правила о КИК Республики Турции зачастую влечет применение уголовных санкций, что служит мощным превентивным инструментом для пресечения злоупотреблений в сфере налогообложения с использованием зарубежных структур. Обновленная российская модель правил имеет ярко выраженную антиофшорную окраску.

Ключевые слова: контролируемые иностранные компании, зарубежные активы, налоговая информация, деофшоризация, налоговые льготы, налог на прибыль, налог на доходы физических лиц, налоговое законодательство Республики Турция, налогообложение иностранных активов

Для цитирования: Крохина Ю.А. Особенности юридической ответственности за нарушение законодательства о контролируемых иностранных компаниях в Российской Федерации и Турецкой Республике // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 176. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_176

Policy and Economy of Eurasia

Original article

CONTROLLED FOREIGN COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TURKIYE

KROKHINA Yulia Aleksandrovna
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines of the Higher School of Public Audit of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, Building 1, Bldg. 13, Russian Federation

Abstract: In the Russian Federation, legal regulation of the taxation of controlled foreign companies is undergoing significant changes due to the impact of unprecedented illegal sanctions imposed on our country by unfriendly countries. In response to foreign economic challenges, Russian tax legislation has focused on mitigating the consequences of sanctions and adapting the tax system for individuals and legal entities controlling foreign entities.This article analyzes the corrective measures introduced in the Russian Federation in 2022 to support taxpayers managing foreign

© Крохина Ю.А., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

companies. It is concluded that the essence of the changes is to encourage voluntary disclosure of information and simplify the calculation of the tax base. At the same time, regulatory amendments have increased the level of legal and financial liability, requiring taxpayers to pay particular attention to structuring their foreign asset ownership.

A comparative analysis of the legal regulation of liability for violating CFC rules in the Russian Federation and the Republic of Turkey revealed comparable grounds and measures of liability, aimed at protecting the fiscal sovereignty of each state. At the same time, violations of the CFC rules in the Republic of Turkey often result in criminal sanctions, which serves as a powerful preventative tool for curbing tax abuses involving foreign entities. The updated Russian model of regulations has a distinctly anti-offshore focus.

Keywords: controlled foreign companies, foreign assets, tax information, deoffshorization, tax incentives, corporate income tax, personal income tax, tax legislation of the Republic of Turkey, taxation of foreign assets

For citation: Krokhina Yu.A. Controlled Foreign Companies in the Russian Federation and the Republic of Turkiye = Eurasian advocacy. 2025;5(76):176. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_176

С начала 2022 года страны, не входящие в число дружественных России, активизировали санкционное давление, что вызвало значительный отток капитала, как со стороны иностранных инвесторов, так и самих российских субъектов. До этого времени вектор развития регулирования КИК был направлен на последовательное ужесточение требований, чему в значительной степени способствовало принятие Федерального закона от 09.11.2020 № 368-ФЗ [1], усилившего меры ответственности за непредставление информации о КИК со стороны контролирующих лиц.

С учётом новой реальности появилась объективная необходимость в смягчении действующих норм. Дополнительные штрафные меры за непредоставление отчетности КИК в условиях санкционного давления могли бы спровоцировать массовое сокрытие активов. Как отмечается в доктринальных подходах, чрезмерное ужесточение в таком контексте способно исказить изначальный смысл антиуклонительных правил о КИК, подменяя задачу защиты налоговой базы на давление без должной правовой определённости [2, с. 48; 3, с. 26].

В 2022 году были утверждены корректирующие меры в поддержку налогоплательщиков, управляющих иностранными компаниями. К числу ключевых изменений относятся:

1) предоставление освобождения от налогообложения прибыли КИК, находящихся в специальных юрисдикциях;

2) возможность корректировать прибыль КИК при определённых условиях.

В конце 2022 года Федеральная налоговая служба обновила перечень юрисдикций, не осуществляющих автоматический обмен налоговой информацией с Россией. Некоторые государства были исключены из списка, что открыло возможность не облагать прибыль КИК налогом, если государство их регистрации имеет с Россией соглашение о налоговом сотрудничестве. Однако включение страны в этот перечень может служить основанием для признания прибыли КИК вменённым доходом контролирующего лица [4].

В рамках стратегии адаптации законодательства к новым вызовам была также предусмотрена возможность корректировки прибыли КИК. Соответствующие положения закреплены в Федеральном законе от 28.12.2022 № 565-ФЗ [5], а их разъяснение содержится в письме ФНС России от 07.06.2023 № ШЮ-4-13/7148@. В частности, в Налоговом кодексе появилось новое положение, позволяющее учитывать при расчёте налога не дивиденды, а прибыль регулируемой организации за 2022–2025 годы. Эта мера может быть применена, если контролирующее лицо не имеет возможности принять решение о распределении прибыли либо получить дивиденды из-за ограничений, в том числе если дивиденды были направлены другой иностранной компании, входящей в ту же группу [6].

Одновременно с этим были инициированы шаги по упрощению процесса передачи зарубежных активов КИК в пользу российских участников. К числу таких мер относится четвёртый этап добровольного декларирования (амнистии капиталов), который предоставил контролирующим лицам возможность легализовать участие в КИК без наступления неблагоприятных правовых последствий [7, с. 208; 8, с. 28]. Смыслом данной инициативы стало не столько наказание, сколько стимулирование добровольного раскрытия информации и упрощение расчета налоговой базы. Однако полную эффективность этих мер пока оценить затруднительно ввиду недостаточности правоприменительной практики.

В Российской Федерации вопросам соблюдения налогового законодательства о контролируемых иностранных компаниях (КИК) уделяется значительное внимание, а за его нарушение предусмотрены строгие меры ответственности. Это позволяет государству отслеживать перемещение

капитала и обеспечивать справедливую налоговую нагрузку на всех участников экономической деятельности [9, с. 560; 10, с. 6].

Основным инструментом контроля в данной сфере выступает обязанность налогоплательщика уведомлять налоговые органы о наличии КИК. На налогоплательщика возложена обязанность представить сведения о контролируемой организации, в том числе информацию о её структуре владения, конечных выгодоприобретателях, финансовых показателях и операционной деятельности.

Регулирование ответственности в этой сфере строится на анализе прав и обязанностей налогоплательщика, включающих в себя как уведомление о контроле над КИК, так и обязательное представление отчетности и надлежащий расчет налоговых обязательств. Правовое основание ответственности сформулировано в положениях Налогового кодекса РФ, предусматривающего за несоблюдение установленных требований применение штрафов, пеней и других санкций.

Контролирующее лицо обязано направлять несколько видов уведомлений. Во-первых, необходимо сообщить о факте участия в иностранной компании. Кроме того, подлежат обязательному отражению сведения о любых изменениях доли участия, а также о прекращении такого участия, если доля превышала 10 %. Все эти уведомления должны быть поданы в налоговые органы не позднее трёх месяцев с момента наступления соответствующего события.

Во-вторых, налогоплательщик обязан представить уведомление о контролируемой иностранной компании согласно пункту 2 статьи 25.14 Налогового кодекса РФ.

Начиная с 2021 года к уведомлению о КИК физические лица должны прикладывать финансовую отчетность и аудиторское заключение – если таковое требуется в соответствии с личным законом КИК либо представлено добровольно. При этом, если между РФ и юрисдикцией КИК заключен договор об избежании двойного налогообложения, а также осуществляется обмен налоговой информацией, аудиторское заключение не требуется. Однако если такой обмен не предусмотрен, то требование сохраняется. В уведомлении необходимо отразить методику расчета прибыли – по МСФО либо по нормам российского законодательства, вне зависимости от фактически полученной прибыли.

В целях обеспечения надлежащего исполнения возложенных обязанностей Налоговый кодекс РФ предусматривает систему штрафных санкций.

В соответствии с НК РФ в настоящее время действуют следующие меры налоговой ответственности:

1. За непредставление сведений о КИК или индивидуальной структуре без образования юридического лица (ИСБОЮЛ) предусмотрен штраф в размере 50 000 рублей за каждую организацию.

2. За несвоевременное представление уведомления о КИК – штраф в 500 000 рублей за все КИК, указанные за соответствующий период. Это правило применяется к доходам, определяемым в соответствии с нормами, вступившими в силу с 2020 года (п. 2 ст. 129.6 НК РФ).

3. За непредставление или заведомо искаженную информацию о прибыли или убытках КИК предусмотрен штраф в размере 500 000 рублей. Это относится к применению методики расчета прибыли и требованиям к отчетности, действующим с 2020 года (п. 1 ст. 129.6 НК РФ).

4. Если контролирующее лицо не предоставляет по запросу ФНС документы, подтверждающие доходы или убытки КИК, либо документы, доказывающие, что прибыль освобождена от налогообложения, то применяется штраф в размере 1 000 000 рублей. Это правило касается всех налоговых периодов с 2020 года и далее (п. 1.1 ст. 126 НК РФ).

5. За задержку уплаты налога налагается штраф в размере 5 % от неуплаченной суммы за каждый месяц просрочки, но не более 30 % и не менее 1 000 рублей (ст. 25.14-1 НК РФ, п. 1.1-1 ст. 126 НК РФ).

6. Если контролирующее лицо исключает из налоговой базы часть прибыли КИК, в результате чего не уплачивает налог в полном объеме, то применяется штраф в размере 20 % от недоимки, но не менее 100 000 рублей. Помимо этого, начисляются пени за каждый день просрочки из расчета 1/300 ставки рефинансирования ЦБ РФ начиная с 15 июля (ст. 129.5 НК РФ).

Дополнительно при наличии оснований возможна административная и уголовная ответственность.

Таким образом, правовое регулирование в России в части КИК направлено на обеспечение прозрачности международного налогового планирования и снижение использования оффшорных структур для уклонения от уплаты налогов. Вместе с тем нормы КИК предполагают повышенный уровень правовой и финансовой ответственности, что требует от налогоплательщиков особого внимания к структурированию владения зарубежными активами.

Опыт Турецкой Республики

В последние годы в Турции наблюдается активизация усилий по регулированию деятельности контролируемых иностранных компаний, что обусловлено стремлением предотвратить уклонение от налогообложения и ограничить отток капитала за границу. Внесенные в Закон о корпоративном налоге изменения направлены на усиление фискального контроля над доходами зарубежных организаций, находящихся под контролем турецких физических и юридических лиц, что, в свою очередь, значительно усилило юридическую ответственность за нарушения, связанные с декларированием и уплатой налогов.

Рассмотрение налогового регулирования КИК в Турецкой Республике предполагает обращение к положениям Закона о корпоративном налоге, регламентирующего обложение прибыли иностранных компаний, управляемых резидентами Турции. Ключевыми источниками правового регулирования выступают статьи 7 и 10 указанного закона, а также соответствующие подзаконные акты и официальные разъяснения налоговых органов.

Так, статья 7 предусматривает обязанность турецких резидентов, осуществляющих контроль над зарубежными структурами, подавать специальную декларацию, в которой указываются сведения о принадлежащих долях в таких компаниях, что значительно упрощает мониторинг со стороны фискальных органов.

При этом критерии отнесения иностранных компаний к категории КИК устанавливаются достаточно жёстко с целью исключения использования налоговых лазеек и устранения диспропорций между налоговыми режимами. Это усиливает необходимость осознания и точного соблюдения налоговых требований не только турецкими компаниями, но и международными структурами, в которых они участвуют.

Дополнительно статья 13 закона обязывает контролирующих лиц уведомлять налоговую службу Турции о факте установления контроля над иностранной организацией в течение 30 дней после наступления такого события. Статья 15 усиливает фискальное давление на резидентов, требуя учитывать в налоговой отчетности доходы всех контролируемых зарубежных компаний, вне зависимости от места ведения их бизнеса.

Невыполнение вышеуказанных обязанностей влечет ответственность, установленную Законом о налоговых процедурах № 213 от 04.01.1961, который является базовым актом налогового администрирования в Турции [11].

Так, в соответствии со статьей 331 указанного Закона налогоплательщики, допустившие нарушения в исполнении фискальных обязательств, могут быть привлечены к ответственности посредством наложения разнообразных штрафов, в том числе за сокрытие прибыли и нарушение порядка предоставления отчетности [11].

В случае выявления налоговыми органами ошибок или несоответствий в отчетности КИК контролирующее лицо обязано не только доплатить налоги, но и уплатить штрафы, которые могут существенно превышать сумму самой недоимки. Штрафы могут быть как фиксированными, так и исчисляться в процентах от неуплаченного налога, тем самым усиливая финансовую нагрузку на налогоплательщика.

Таким образом, правовая система Турции предполагает серьёзные последствия для лиц, нарушающих положения законодательства о КИК. Соблюдение установленных требований и открытость финансовых потоков за границей – необходимые условия для избежания юридических рисков. В целях минимизации таких рисков налогоплательщикам рекомендуется заблаговременно консультироваться с профессиональными консультантами.

Дополнительные требования закреплены в Общем коммюнике по корпоративному налогу Серия № 1 (далее – Коммюнике), опубликованном Министерством финансов Турции. Согласно его статье 7, при соблюдении определённых условий инвесторы в иностранные дочерние компании признаются получившими дивиденды в целях налогообложения, даже если фактического распределения прибыли не происходило. В этих случаях доходы таких дочерних структур подлежат налогообложению на территории Турции как прибыль контролируемой иностранной компании. Согласно положениям Коммюнике, под КИК понимаются дочерние структуры, находящиеся под прямым или косвенным контролем налоговых резидентов Турции, при условии, что доля владения в капитале, дивидендах или праве голоса составляет не менее 50 % – индивидуально либо совместно. Концепции «прямо или косвенно» и «отдельно или совместно» трактуются в расширительном смысле, не позволяя дробить доли участия между несколькими субъектами ради выхода из-под фискального регулирования [12].

Соответственно, налогоплательщики обязаны предоставлять достоверные и полные сведения о своих доходах от КИК. Игнорирование этой обязанности либо предоставление искажённой

информации приравниваются к нарушению, влекущему серьёзные правовые последствия.

Нормы, касающиеся ответственности за нарушения в сфере КИК, закреплены в Турции не только на уровне налогового законодательства, но и в рамках Уголовного кодекса. В частности, турецкое уголовное право содержит положения о преступлениях в налоговой сфере, таких как налоговое мошенничество (tax fraud) [13].

В случаях совершения деяний, квалифицируемых как налоговое мошенничество, к правонарушителям могут быть применены меры уголовного преследования в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Турции. К наиболее тяжким нарушениям относят подделку счетов-фактур, сокрытие документов и данных, подлежащих представлению фискальным органам. Согласно статье 359 Закона о налоговых процедурах, за подобные действия предусмотрено наказание в виде лишения свободы [14].

С целью повышения прозрачности и усиления налогового контроля турецкое правительство приняло ряд дополнительных мер, направленных на ужесточение санкций за фискальные правонарушения, включая КИК. В частности, были увеличены штрафные ставки и усилен мониторинг трансграничных финансовых операций.

Таким образом, в случае нарушения законодательства о КИК в Турецкой Республике могут применяться как административные, так и уголовные меры воздействия. Активное применение уголовных санкций служит мощным превентивным инструментом для пресечения злоупотреблений в сфере налогообложения с использованием зарубежных структур.

Законодательная система Турции демонстрирует стремление к снижению налоговой эрозии через усиление контроля за деятельностью иностранных организаций, находящихся под юрисдикцией местных налоговых органов. Такой подход позволяет минимизировать потери бюджета и укрепить принципы налоговой справедливости в международной экономической системе.

Список источников

1. Федеральный закон от 9 ноября 2020 г. № 368-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46021/page/1.

2. Муратов Р.А. История возникновения правового регулирования деятельности контролируемых иностранных компаний в РФ // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2021. № 2. С. 48.

3. Купин М.С. Налоговый контроль за налогообложением прибыли контролируемых иностранных компаний: правовые особенности и место в системе государственного контроля // Налоги и налогообложение. 2023. № 2. С. 26.

4. Федеральный закон от 28 декабря 2022 г. № 565-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280041.

5. Письмо Федеральной налоговой службы от 7 июня 2023 г. № ШЮ-4- 13/7148@ «О порядке применения пункта 1.2 и 1.3 статьи 25.15 НК РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/13677410/.

6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2018. № 32. Ч. I. Ст. 5083.

7. Ахмадова Э.Н. Проблемы двойного налогообложения в международных договорах о налогообложении // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. С. 208–211.

8. Грибачев С.П. О предмете исследования конвенционного режима возврата налога, исчисленного в отношении прибыли представительства контролируемой иностранной компании, при устранении двойного налогообложения // Диалог. 2024. № 2. С. 28.

9. Хамидуллин Т.Р. Особенности налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний в Российской Федерации: история развития и актуальный порядок // Вопросы российской юстиции. 2024. № 37. С. 560–563.

10. Борзенко Е.А. Правовые инструменты реализации политики деофшоризации: обобщение российского и международного опыта // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 6–11.

11. Закон о налоговых процедурах № 213 от 4 января 1961 г.

12. Kontrol Edilen Yabancı Kurum Kurallarının Güçlendirilmesi: Beps ve Atad Projelerindeki ve Türk Mevzuatındaki Düzenlemeler – Strengthening Controlled Foreign Company Rules: Beps, Atad And Turkish Cfc Rules. December 2019. Marmara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Hukuk Araştırmaları Dergisi.

13. Global Guide to Criminalization of Tax Offenses – Turkiye. International Guide on Criminalization of Tax Offenses. Baker & McKenzie. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://resourcehub.bakermckenzie.com/en/resources/tax-dispute-resolution---criminal-proceedings.

14. Уголовно-процессуальный кодекс (Закон № 5271 от 04.12.2004, с изм., внесёнными Законом № 6217 от 31.03.2011).

References

1. Federal'nyj zakon ot 9 noyabrya 2020 g. № 368-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46021/page/1.

2. Muratov R.A. Istoriya vozniknoveniya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti kontroliruemyh inostrannyh

kompanij v RF // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii / International Law and International Organizations. 2021. № 2. S. 48.

3. Kupin M.S. Nalogovyj kontrol' za nalogooblozheniem pribyli kontroliruemyh inostrannyh kompanij: pravovye osobennosti i mesto v sisteme gosudarstvennogo kontrolya // Nalogi i nalogooblozhenie. 2023. № 2. S. 26.

4. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2022 g. № 565-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii o nalogah i sborah» [Elektronnyj resurs]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280041.

5. Pis'mo Federal'noj nalogovoj sluzhby ot 7 iyunya 2023 g. № ShYu-4- 13/7148@ «O poryadke primeneniya punkta 1.2 i 1.3 stat'i 25.15 NK RF» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/13677410/.

6. Federal'nyj zakon ot 03.08.2018 № 290-FZ «O mezhdunarodnyh kompaniyah i mezhdunarodnyh fondah» (red. ot 24.02.2021) // SZ RF. 2018. № 32. Ch. I. St. 5083.

7. Ahmadova E.N. Problemy dvojnogo nalogooblozheniya v mezhdunarodnyh dogovorah o nalogooblozhenii // Innovacii i investicii. 2023. № 7. S. 208–211.

8. Gribachev S.P. O predmete issledovaniya konvencionnogo rezhima vozvrata naloga, ischislennogo v otnoshenii pribyli predstavitel'stva kontroliruemoj inostrannoj kompanii, pri ustranenii dvojnogo nalogooblozheniya // Dialog. 2024. № 2. S. 28.

9. Hamidullin T.R. Osobennosti nalogooblozheniya pribyli kontroliruemyh inostrannyh kompanij v Rossijskoj Federacii: istoriya razvitiya i aktual'nyj poryadok // Voprosy rossijskoj yusticii. 2024. № 37. S. 560–563.

10. Borzenko E.A. Pravovye instrumenty realizacii politiki deofshorizacii: obobshchenie rossijskogo i mezhdunarodnogo opyta // Yuridicheskaya nauka. 2024. № 1. S. 6–11.

11. Zakon o nalogovyh procedurah № 213 ot 4 yanvarya 1961 g.

12. Kontrol Edilen Yabancı Kurum Kurallarının Güçlendirilmesi: Beps ve Atad Projelerindeki ve Türk Mevzuatındaki Düzenlemeler – Strengthening Controlled Foreign Company Rules: Beps, Atad And Turkish Cfc Rules. December 2019. Marmara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Hukuk Araştırmaları Dergisi.

13. Global Guide to Criminalization of Tax Offenses – Turkiye. International Guide on Criminalization of Tax Offenses. Baker & McKenzie. 2023 [Elektronnyj resurs]. URL: https://resourcehub.bakermckenzie.com/en/resources/tax-dispute-resolution---criminal-proceedings.

14. Ugolovno-processual'nyj kodeks (Zakon № 5271 ot 04.12.2004, s izm., vnesyonnymi Zakonom № 6217 ot 31.03.2011).

Статья поступила в редакцию 21.10.25; одобрена после рецензирования 25.10.25; принята к публикации 25.10.25.

The article was submitted 21.10.25 ; approved after reviewing 25.10.25; accepted for publication 25.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 182.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):182.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 340.1
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_182

ВЫБОР СОБСТВЕННИКОМ ТИПА УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ[1]

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич
Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
117218, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32, Российская Федерация

Аннотация: Российская Федерация и ее субъекты, обремененные существенным объемом задач, вынуждены искать организационно-правовые формы юридических лиц, через которые они будут их выполнять. Широкое распространение получили учреждения. Правовой базис для них как организационно-правовой формы складывается из трех блоков норм: касающиеся всех юридических лиц, единые для учреждений и свойственные типу учреждения. Выбор типа учреждения – один из важных вопросов, стоящих перед его учредителем.

Ключевые слова: учреждение, государственное учреждение, автономное учреждение, бюджетное учреждение, казенное учреждение, тип учреждения

Для цитирования: Яковлев А.Ю. Выбор собственником типа учреждения: правовые основы и практическая реализация // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 182. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_182

Policy and Economy of Eurasia

Original article

OWNER'S CHOICE OF INSTITUTION TYPE: LEGAL BASIS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

YAKOVLEV Alexander Yurievich
Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32, Russian Federation

Abstract: The Russian Federation and its regions burdened with a significant volume of tasks forced to look for organizational and legal forms of legal entities through which they will implement them. Institutions became widespread. The legal basis for them as an organizational and legal form consists of blocks of norms: relating to all legal entities, common to institutions and characteristics of the institution type. Choosing the type of institution is one of the important issues facing its founder.

Keywords: institution, state institution, autonomous institution, budget institution, official duty institution, institution type

For citation: Yakovlev A.Yu. Owner's Choice of Institution Type: Legal Basis and Practical Implementation = Eurasian advocacy. 2025;5(76):182. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_182

Одним из вопросов, стоящих перед учредителем любого юридического лица, является выбор организационно-правовой формы. Публично-правовой субъект не исключение.

На сегодняшний день российское и некоторые иные государства [9] выступают заметными акторами в самых разных сферах. Также на федеральный центр и регионы конституцией страны и иными актами возложено исполнение ряда обязательств [4]. Их выполнение подразумевает образование юридических лиц. Для выполнения большинства задач социального характера сложно подобрать иной организационный инструмент, нежели учреждение.

Настоящий тезис находит подтверждение в цифрах. В отличие от некогда широко распространенных организационно-правовых форм (государственных унитарных предприятий и хозяйственных обществ с участием государства [6]) учреждения [11] не претерпели столь стреми-

1 Статья подготовлена в рамках темы государственного задания ИЭ РАН на 2024–2026 гг. «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях».

© Яковлев А.Ю., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

тельного падения своей численности. Учреждения, хоть и проходят периодические волны оптимизации посредством объединения, все же так стремительно в числовом выражении в сторону уменьшения не движутся. На сегодня в России около 60 тыс. госучреждений против менее одной тысячи государственных унитарных предприятий и 2,4 тыс. хозяйственных обществ с присутствуем государства [7]. На регионы приходится 39,5 тыс. учреждений, у РФ – 11,5 тыс.

Правовой базис для учреждения как организационно-правовой формы складывается из трех блоков норм:

– касающиеся всех юридических лиц;

– единые для учреждений;

– свойственные типу учреждения.

Среди основных актов, застрагивающих функционирование учреждений, – ГК РФ, НК РФ, БК РФ, федеральные законы «О регистрации ЮЛ и ИП», «О НКО», «О бухгалтерском учете», «Об автономных учреждениях», «О контрактной системе в сфере закупок», «О закупках…» и др.

Юридическая конструкция для конкретных учреждений достраивается актами федеральных или региональных органов, осуществляющих полномочия учредителя. Многое будет зависеть от того, какой тип учреждения выбран. Выявить мотивы предпочтения типа в каждом конкретном случае затруднительно. Определение побудителей требует глубокого погружения в события периода возникновения учреждения или смены его типа.

Наличие организационной специфики не препятствует формулированию наиболее значимых факторов выбора типа учреждения.

1. Необходимость возложения на учреждение исполнения государственных функций не оставляет собственнику иных вариантов, кроме создания учреждения казенного типа.

Федеральный центр или субъект федерации (как и муниципальное образование [8]), желая передать часть государственного функционала непосредственно от наделенного полномочиями органа государственной власти подведомственной организации, скован законодательными ограничениями и правомочен лишь передать их казенному учреждению.

Если говорить о причинах создания учреждений казенного типа, то ими могут служить:

– территориальная отдаленность местности, где планируется осуществлять государственные функции;

– нецелесообразность образования территориального органа исполнительной власти;

– деятельность по снижению численности госслужащих;

– гипертрофированный подход собственника к установлению контроля над учреждением;

– «показательная акция» по понижению самостоятельности организации в целях «дисциплинирования» иных подведомственных учреждений.

Распространены учреждения казенного типа среди: организаций, администрирующих особо охраняемые природные территории, исправительных учреждений, учебных заведений силовых ведомств (МВД России, Минобороны России, Росгвардии, ФСИН России и др.).

2. Сложившиеся историческая практика.

В постсоветский период субъекты РФ, получив некоторую степень свободы действий, стали по-разному выстраивать собственные системы управления и функционирования региональной экономики. Возможности практической реализации своего видения модели управления учреждениями с начала 2000-х снижались. Происходил общий процесс унификации. После корректировок основного закона в 2020 г. уровень свобод субъектового звена публичной власти упал еще. Однако за пройденное время регионы успели выстроить механизмы управления государственной собственностью и сферами общественных отношений. Региональное положение дел с учреждениями, преимущественно реализующими социальные функции, достаточно устойчиво. Поэтому даже смена губернаторов, влекущая перемены в государственном управлении, как правило, не сильно меняет ситуацию с учреждениями. На федеральном уровне аналогично: персональные перестановки в руководстве органа власти не несут отраслевых реформ учреждений. Работающие алгоритмы редко подвергаются глубокой перенастройке, выбранные когда-то кем-то типы учреждений часто сохраняются.

3. Представления должностных лиц относительно дозволенной степени самостоятельности учреждений.

Субъективные представления лиц, принимающих решения об использовании типов учреждений, разнятся. В значительной мере они складываются на основе опыта человека, образования, парадигм, в которых ему доводилось работать и приходится это делать в текущем времени. В целом руководители органов, где есть подведомственные организации, придерживаются принципа минимизации свободы действий директора учреждения. Среди прочего это проявляется во введении множественных процедур согласования

с учредителем, что находит отражение в приказах органа власти, уставе организации и иных документах.

4. Уровень доверия к руководителям подведомственных организаций.

Важное, а порой и решающее, значение имеет доверительный рейтинг директора у представителей учредителя. Он должен быть достаточно высоким сразу у целого ряда лиц, ставящих визы на документах, определяющих будущий тип учреждения: от кураторов до отраслевого министра, руководства органа по управлению имуществом до сотрудников аппарата правительства, курирующего заместителя и председателя правительства.

5. Авторитет и административный потенциал руководителя учреждения.

Нельзя не упомянуть о роли личности директора в судьбе организации. Помимо того, что результаты деятельности учреждения во многом зависят от него, он, при наличии личностных и бюрократических ресурсов, вполне способен пролоббировать смену типа или сохранить нужный. В особенности если на должность директора приходит человек, ранее занимавший значимую позицию в системе государственного управления.

6. Коррупционные кейсы в подведомственных организациях.

Разбирая государственный сектор экономики, сложно не остановиться на коррупционном аспекте [13]. Особо высоки риски коррупции в денежном столичном регионе [1]. Появление подобного в отдельном учреждении может вести к негативным последствиям для иных организаций отрасли или региона. Например, вскрытие фактов злоупотреблений в закупках [5] скорее всего вызовет пересмотр содержания положений о закупках в других подведомственных учреждениях. Если событие произошло в автономном упреждении и получило широкий общественный резонанс, то среди вероятных итогов ожидаема смена типа у скандального учреждения и торможение процессов перехода иных в автономные.

7. Положительный опыт функционирования учреждений соответствующего типа.

Результаты деятельности каждой подведомственной организации влияют в той или иной степени на видение представителей учредителя относительно типов, находящихся в ведении их учреждений. Отрицательные финансовые результаты, невыполненные планы, плохие показатели, злоупотребления и т. п., имеющие место в одних организациях, способны отразиться на потенциале смены типа иных. К примеру, провал «флагманского» автономного учреждения, трансформированного в порядке эксперимента из бюджетного, может на длительное время отложить появление у этого учредителя новых организаций автономного типа.

8. Общероссийские, территориальные и отраслевые тренды.

Общественные отношения, государственные институты [2], инструментарий для экономики [12], инновации [10] и цифровизация [3] воздействуют на индивидуальные и коллективные представления о структуре государственной собственности [6] и об используемых организационно-правовых формах.

9. Готовность на эксперименты с типами учреждений.

Степень косности представителей власти напрямую влияет на тип учреждений. Традиционалисты склоняются к бюджетным учреждениям, новаторы – к автономным, ярые консерваторы – к казенным.

10. Финансовое положение учредителя.

Ситуация с соотношением стоимости необходимых к решению задач и объемом располагаемых средств сказывается на выборе учредителем типа. В частности, высокодотационный регион вряд ли будет активно экспериментировать с типами учреждений, даже может сделать уклон к казенным. С другой стороны, наоборот, какой-то учредитель задумается о смещении финансирования организаций в сторону самообеспечения и перехода к автономному типу.

Российская практика использования учреждений и подбора их типа в целом свидетельствует о позитивном характере задействования данной организационно-правовой формы и перспективах дальнейшего ее развития.

Список источников

1. Борисова О.В., Иванова Н.А. Противодействие коррупции в государственном управлении: нормативно-правовые акты антикоррупционного законодательства и резонансные преступления в Московской области // Вестник ГГУ. 2023. № 6. С. 328–333.

2. Вечернин Д.С. Эволюция института оценки регулирующего воздействия: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 22–28.

3. Демин А.В., Рыбальченко И.В., Узунян А.С. Генезис современных систем управления в период цифровизации // Муниципальная академия. 2022. № 2. С. 16–23.

4. Защита духовно-нравственных ценностей в российской государственно-правовой традиции: монография / под ред. Р.В. Шагиевой, Н.Н. Косаренко. М.: РУСАЙНС, 2025.

5. Матвеева Н.С., Псарева Н.Ю. Государственные и муниципальные закупки // Муниципальная академия. 2022. № 3. С. 105–111.

6. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Управление в компаниях с государственным участием: эмпирический анализ с учетом отраслевых эффектов // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2022. № 2. С. 100–112.

7. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Управление компаниями с государственным участием: вопросы теории и эмпирические измерения: научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2024.

8. Титов С.Ю., Борисова О.В Особенности управления муниципальным имуществом и его влияние на развитие муниципального образования // Вестник ГГУ. 2019. № 1. С. 111–122.

9. Фролова Н.Д. О роли компаний с государственным участием в экономике Республики Беларусь // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 4. С. 167–182.

10. Фролова Н.Д., Шашкова Н.В. Роль компаний с государственным участием в реализации государственной инновационной политики // Экономика науки. 2025. № 1. С. 50–65.

11. Чеботников И.В., Яковлев А.Ю., Глазунова И.В. Организационно-правовые аспекты управления и финансового контроля за деятельностью государственных бюджетных учреждений города Москвы: монография. М.: Издательство МосГУ, 2019.

12. Черных С.И. Методы «мягкой силы» в политике и экономике // Общество и экономика. 2023. № 1. С. 27–36.

13. Yakovlev A. Corruption in state economic entities in Russia (legal aspects) // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 49. P. 419–424.

References

1. Borisova O.V., Ivanova N.A. Protivodejstvie korrupcii v gosudarstvennom upravlenii: normativno-pravovye akty antikorrupcionnogo zakonodatel'stva i rezonansnye prestupleniya v Moskovskoj oblasti // Vestnik GGU. 2023. № 6. S. 328–333.

2. Vechernin D.S. Evolyuciya instituta ocenki reguliruyushchego vozdejstviya: problemy i perspektivy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2014. № 4. S. 22–28.

3. Demin A.V., Rybal'chenko I.V., Uzunyan A.S. Genezis sovremennyh sistem upravleniya v period cifrovizacii // Municipal'naya akademiya. 2022. № 2. S. 16–23.

4. Zashchita duhovno-nravstvennyh cennostej v rossijskoj gosudarstvenno-pravovoj tradicii: monografiya / pod red. R.V. Shagievoj, N.N. Kosarenko. M.: RUSAJNS, 2025.

5. Matveeva N.S., Psareva N.Yu. Gosudarstvennye i municipal'nye zakupki // Municipal'naya akademiya. 2022. № 3. S. 105–111.

6. Smotrickaya I.I., Frolova N.D. Upravlenie v kompaniyah s gosudarstvennym uchastiem: empiricheskij analiz s uchetom otraslevyh effektov // Menedzhment i biznes-administrirovanie. 2022. № 2. S. 100–112.

7. Smotrickaya I.I., Frolova N.D. Upravlenie kompaniyami s gosudarstvennym uchastiem: voprosy teorii i empiricheskie izmereniya: nauchnyj doklad. M.: IE RAN, 2024.

8. Titov S.Yu., Borisova O.V Osobennosti upravleniya municipal'nym imushchestvom i ego vliyanie na razvitie municipal'nogo obrazovaniya // Vestnik GGU. 2019. № 1. S. 111–122.

9. Frolova N.D. O roli kompanij s gosudarstvennym uchastiem v ekonomike Respubliki Belarus' // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2025. № 4. S. 167–182.

10. Frolova N.D., Shashkova N.V. Rol' kompanij s gosudarstvennym uchastiem v realizacii gosudarstvennoj innovacionnoj politiki // Ekonomika nauki. 2025. № 1. S. 50–65.

11. Chebotnikov I.V., Yakovlev A.Yu., Glazunova I.V. Organizacionno-pravovye aspekty upravleniya i finansovogo kontrolya za deyatel'nost'yu gosudarstvennyh byudzhetnyh uchrezhdenij goroda Moskvy: monografiya. M.: Izdatel'stvo MosGU, 2019.

12. Chernyh S.I. Metody «myagkoj sily» v politike i ekonomike // Obshchestvo i ekonomika. 2023. № 1. S. 27–36.

13. Yakovlev A. Corruption in state economic entities in Russia (legal aspects) // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 49. P. 419–424.

Статья поступила в редакцию 05.11.25; одобрена после рецензирования 09.11.25; принята к публикации 09.11.25.

The article was submitted 05.11.25 ; approved after reviewing 09.11.25; accepted for publication 09.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 186.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):186.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_186

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ПОПОВ Павел Валерьевич
Аспирант кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского университета «Синергия»
129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье поднимается проблема цифровизации системы публичного управления и модернизации института общественного контроля. Автор анализирует современные тенденции к интеграции цифровых технологий в деятельность органов публичной власти. Особое внимание уделяется необходимости создания единого цифрового портала общественного контроля, обеспечивающего доступ граждан к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и участию в управленческих процессах. В статье подчеркивается особая значимость правового обеспечения, защиты данных и повышения цифровой грамотности населения. Предлагается концепция «умной системы публичного управления», объединяющей информационные ресурсы и механизмы контроля в целях формирования более открытого и «инклюзивного» публичного управления.

Ключевые слова: цифровизация, система публичного управления, общественный контроль, транспарентность, блокчейн, искусственный интеллект

Для цитирования: Попов П.В. Институт общественного контроля в условиях цифровизации системы публичного управления в России и за рубежом // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 186. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_186

Policy and Economy of Eurasia

Original article

THE INSTITUTE OF PUBLIC CONTROL IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN RUSSIA AND ABROAD

POPOV Pavel Valerievich
Postgraduate Student of the Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Disciplines of the Moscow University «Synergy»
129090, Moscow, Meshchanskaya St., 9/14, building 1, Russian Federation

Abstract: This article addresses the issue of digitalization of the public administration system and the modernization of the institution of public oversight. The author analyzes current trends toward integrating digital technologies into the activities of public authorities. Particular attention is paid to the need to create a unified digital portal for public oversight, providing citizens with access to information on the activities of state and local government bodies and their participation in governance processes. The article emphasizes the particular importance of legal support, data protection and improving the digital literacy of the population. It is proposed the concept of a «smart public administration system», combining information resources and oversight mechanisms to foster a more open and inclusive public administration.

Keywords: digitalization, public administration system, public control, transparency, blockchain, artificial intelligence

For citation: Popov P.V. The Institute of Public Control in the Context of Digitalization of the Public Administration System in Russia and Abroad = Eurasian advocacy. 2025;5(76):186. (In Russ.). https://doi.org/ doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_186

© Попов П.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Система публичного управления всегда была и остается основой построения общества и государства. Эпоха цифровизации не могла не оказать существенного влияния на деятельность органов государственной и муниципальной власти, тем самым трансформировав государственное и местное управление под современные реалии. На первый план в осуществлении управленческих функций вышли принципы гласности и открытости функционирования системы публичного управления. Средством успешной реализации данных принципов стали цифровые технологии, стремительно внедряемые в государственную и муниципальную деятельность.

Транспарентность системы публичного управления, прежде всего, обусловлена стремлением граждан к участию в саморегуляции общественных отношений. Как справедливо отмечается в научной литературе, целью управленческой деятельности в государстве является удовлетворение потребностей граждан [8]. Однако последнее представляется невозможным, с одной стороны, без применения правовых механизмов регулирования, а с другой – активного взаимодействия общества и государства.

Обеспечение учета общественного мнения в России и за рубежом осуществляется за счет успешного функционирования института общественного контроля. Именно общественный контроль способствует повышению прозрачности публичного управления, позволяет оценить деятельность органов государственного и местного управления с учетом интересов общества, тем самым создав возможность, во-первых, для реализации гражданских инициатив; во-вторых, для принятия превентивных мер, направленных на исключение рисков возникновения социальных конфликтов.

Цифровизация системы публичного управления не может не оказать соответствующего цифрового влияния на институт общественного контроля, поскольку последний занимает одно из центральных мест в осуществлении публичной власти.

Цифровой модернизации института общественного контроля посвящено немало научных исследований.

Н.А. Третьякова и А.А. Коробов пришли к выводу о том, что реализация политической власти в России построена на строгой нормативно-правовой регламентации. Как следствие, электронные ресурсы используются здесь исключительно для получения обратной связи. В то же время за рубежом акцент в политической жизни делается на международные стандарты, а в некотором роде «движущей силой» выступает свобода гражданских инициатив [7].

Аналогичной мысли придерживается в своем исследовании Я.Ю. Реент, поднимая проблему цифровизации общественного контроля на примере цифровой трансформации пенитенциарной сферы. Ученый называет рассмотрение предложений, заявлений и жалоб «более перспективной формой цифровизации общественного контроля», одновременно отмечая невозможность ее реализации для лиц, находящихся в местах принудительного содержания в силу отсутствия у последних свободного доступа к сети «Интернет» [5].

Довольно интересной с позиции нюансов рассматриваемой темы представляется диссертация Н.С. Лисиной, в которой исследуются особенности административно-правового регулирования института общественного контроля в контексте цифровизации. Отдельного внимания заслуживают научные положения, выносимые диссертантом на защиту. Так, в условиях цифровизации общественных отношений Н.С. Лисина предлагает разделить субъектов общественного контроля на осуществляющих контроль субъектов, субъектов, в отношении которых осуществляется контроль, и специальных субъектов, к которым она относит информационных посредников. Диссертантом также отмечается «фрагментарность» правовой регламентации цифровых технологий в общественном контроле и отсутствие специального инструментария его осуществления в эпоху цифровизации [1].

Однако особой ценностью применительно к обсуждению проблемы модернизации общественного контроля в условиях цифровизации системы публичного управления обладает научное исследование А.В. Тихонова и В.С. Богданова, в котором содержится прямое указание на недостатки современного подхода к цифровизации общественного контроля, заключающиеся, прежде всего, в замене функций «социально ориентированного управления» функциями «цифровой отчетности» [6].

Действительно, сегодня цифровизация выступает элементом бюрократизации политических процедур, когда цифровые платформы и информационные посредники способствуют получению информации от граждан в форме оценки деятельности органов публичной власти. Такого рода оценка выполняет лишь задачу обеспечения соответствия деятельности органов публичной власти требованию транспарентности.

В то же время, разделяя позицию А.В. Тихонова и В.С. Богданова, следует подчеркнуть, что «умное управление» предполагает изменение подхода к цифровизации общественного контроля, а именно: смену алгоритма с «публичное управление – оценка общественности – обеспечение прозрачности деятельности» на «общественная инициатива – публичное управление – оценка – учет общественного мнения – реализация».

Вышеизложенное позволяет предложить иной – более прогрессивный и комплексный – подход к модернизации общественного контроля в условиях цифровизации системы публичного управления. Основой такого подхода может стать концепция создания цифровой системы публичного управления с элементами цифрового общественного контроля.

Актуальность данного предложения обусловлена тем, что цифровизация системы публичного управления постепенно становится неотъемлемой частью развития политической сферы жизни общества и государства. Она позволяет повысить эффективность управления, обеспечить прозрачность управленческих процессов, улучшить качество жизни граждан и усилить общественный контроль.

Практическая основа предлагаемой концепции может быть простроена по принципу организации системы умного дома или умного города. Принцип применения интернета-вещей уже рассматривался в доктрине как один из возможных способов цифровизации общественных отношений, но применительно к правосудию [2]. Как следствие, в рамках предлагаемой концепции «умной системы публичного управления» должна быть создана единая система, объединяющая общественные отношения с механизмами публичного управления и контроля.

Вышеизложенное может быть осуществлено за счет комплексного внедрения следующих инноваций в систему публичного управления.

Во-первых, в систему публичного управления должен быть интегрирован единый цифровой портал общественного контроля, предполагающий создание единого информационного пространства, объединяющего все возможные ресурсы и инструменты общественного контроля. Сегодня портал государственных услуг РФ, системы мониторинга, базы данных, а также веб-сайты профсоюзов и иных общественных организаций находятся в разрозненном состоянии. Разработка, внедрение и применение единого цифрового портала с соответствующим мобильным приложением, основывающихся на единой базе данных общественного мониторинга и связанных со всеми существующими в России онлайн-платформами для голосования и обсуждений, а также системами видеонаблюдения, интегрированными с аналитическими платформами, позволит обеспечить прозрачность процессов и широкий доступ граждан, во-первых, к информации о деятельности органов власти, во-вторых, к непосредственному участию в этой деятельности.

Во-вторых, в системе публичного управления должна активно использоваться технология блокчейн для предотвращения распространения некорректных и ложных данных. Внедрение систем на базе блокчейн может быть осуществлено в целях фиксации обращений, решений и мониторинга исполнения публичных обязательств, а также может рассматриваться в качестве своеобразной гарантии неизменности и защищенности данных. Последнее повысит доверие граждан к инструментам реализации публичной власти.

В-третьих, в системе публичного управления должно получить широкое распространение использование аналитических систем для обработки большого объема данных. Это необходимо для выявления проблемных моментов и рисков общественного недовольства в режиме реального времени. При этом учет мнения граждан должен носить не формальный характер, а стать основой для управленческих решений со стороны органов публичной власти.

В-четвертых, в систему публичного управления должны быть интегрированы нейросетевые модели. Внедрение искусственного интеллекта необходимо для обработки обращений граждан, создания автоматического ответа на типовые вопросы, а также в целях оперативной реакции на обращения в режиме реального времени.

В-пятых, в системе публичного управления должно наблюдаться расширение возможностей участия граждан посредством использования цифровых платформ. Популяризация онлайн-голосований и виртуальных обсуждений, проведение цифровых форумов и общественных слушаний с участием граждан из разных регионов способно повысить эффективность общественного контроля, тем самым улучшив показатели управленческих решений.

В-шестых, повсеместное использование цифровых технологий должно сопровождаться достойным уровнем обеспечения безопасности персональных данных при использовании цифровых платформ. Системы электронной идентификации и аутентификации должны быть адаптированы под современные запросы общества

и государства, поскольку вопрос безопасности данных до сих пор остается актуальным. По словам Д.В. Пескова, в связи с активизацией внедрения цифровых технологий в реалии общественной жизни уровень беспокойства граждан относительно безопасности данных значительно возрос, к внедрению машинного разума относятся с осторожностью. Эти утверждения не вызывают сомнений, поскольку сегодня возрастает количество мошеннических схем, направленных на незаконное получение и использование персональных данных. Последнее может быть нивелировано, как отмечает Д.В. Песков, посредством «усиления мер по защите данных и оптимизации пользовательского опыта» [4].

В-седьмых, в рамках цифровизации системы публичного управления и корреспондирующей ей модернизации института общественного контроля должно проводиться бесплатное (в том числе в режиме «онлайн») обучение в целях повышения цифровой грамотности граждан. Реализация обучающих программ необходима для повышения уровня цифровой грамотности населения и получения навыков использования цифровой платформы общественного контроля.

В-восьмых, любая практическая составляющая концепции подразумевает законодательную поддержку – разработку и принятие специальных нормативных актов, регулирующих вопросы интегрирования и использования цифровых технологий как в системе публичного управления, так и применительно к институту общественного контроля. Законодательные новеллы призваны обеспечить правовые гарантии цифровизации и ответственность за возможные в данной сфере нарушения. Не случайно в рамках своих исследований отдельные правоведы неоднократно указывают на необходимость конституализации сервисности государства, под которой они, в частности, понимают «внедрение цифровых технологий в процесс взаимодействия граждан, институтов гражданского общества и органов государственной власти и местного самоуправления» [3].

Как следствие, основная идея концепции «умной системы публичного управления и общественного контроля» – объединение различных систем и объектов в единую интегрированную цифровую инфраструктуру, которая собирает, обрабатывает и использует данные для автоматического и управляемого реагирования на потребности граждан в целях повышения качества жизни. В основе лежит принцип взаимодействия граждан, государства и техники через интеллектуальные системы, обеспечивающие динамическое и адаптивное управление. Такой подход позволяет не только автоматизировать рутинные процессы, но и обеспечить транспарентность системы публичного управления, участие граждан в политической жизни страны и устойчивое развитие общества и государства, когда во всех территориальных единицах России установлены системы онлайн-мониторинга в режиме реального времени, любой желающий может получить необходимую для анализа текущей ситуации в стране информацию и повлиять на ход политических процессов и законодательных инициатив «кликом компьютерной мыши». Именно такая система позволит в полной мере реализовать провозглашенный в статье 1 Конституции РФ принцип народовластия.

Таким образом, реалии современной действительности приводят к новым тенденциям – к цифровизации системы публичного управления и модернизации института общественного контроля. В эпоху цифровизации ощущается острая необходимость в создании единого и безопасного цифрового пространства для общественного контроля, во внедрении современных технологий, в повышении вовлеченности граждан через цифровые инструменты, а также в обеспечении гарантированной законом защиты персональных данных субъектов общественного контроля.

Список источников

1. Лисина Н.С. Административно-правовое регулирование общественного контроля в условиях цифровизации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

2. Луконина Ю.А. Диалектика цивилистических правоотношений в условиях цифровой трансформации // Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 15 октября 2021 года. Казань: Отечество, 2022. С. 443–447.

3. Мурзанов И.А. Профсоюзы как институт гражданского общества и один из инструментов защиты коллективных трудовых прав работников в условиях формирования концепции «Сервисное государство 2.0» // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 7. С. 27–31.

4. Песков Д.В. Цифровая трансформация общества: эффективность использования электронных платформ для взаимодействия с органами публичной власти // Государственная служба. 2024. Т. 26. № 4(150). С. 105–111.

5. Реент Я.Ю. Перспективы цифровизации общественного контроля в пенитенциарной сфере // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31. № 1. С. 75–84.

6. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81.

7. Третьяков Н.А., Коробов А.А. Оценка эффективности общественного контроля публичной политики в условиях цифровизации // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 3. С. 72–78.

8. Фролова И.В. Общественный контроль в современной России: тренды и задачи цифровизации / И.В. Фролова, А.И. Уразова, О.Н. Игнатьева // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 6(162). С. 166–169.

References

1. Lisina N.S. Administrativno-pravovoe regulirovanie obshchestvennogo kontrolya v usloviyah cifrovizacii: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2024.

2. Lukonina Yu.A. Dialektika civilisticheskih pravootnoshenij v usloviyah cifrovoj transformacii // Pravootnoshenie: teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Kazan', 15 oktyabrya 2021 goda. Kazan': Otechestvo, 2022. S. 443–447.

3. Murzanov I.A. Profsoyuzy kak institut grazhdanskogo obshchestva i odin iz instrumentov zashchity kollektivnyh trudovyh prav rabotnikov v usloviyah formirovaniya koncepcii «Servisnoe gosudarstvo 2.0» // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2025. № 7. S. 27–31.

4. Peskov D.V. Cifrovaya transformaciya obshchestva: effektivnost' ispol'zovaniya elektronnyh platform dlya vzaimodejstviya s organami publichnoj vlasti // Gosudarstvennaya sluzhba. 2024. T. 26. № 4(150). S. 105–111.

5. Reent Ya.Yu. Perspektivy cifrovizacii obshchestvennogo kontrolya v penitenciarnoj sfere // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2023. T. 31. № 1. S. 75–84.

6. Tihonov A.V., Bogdanov V.S. Ot «umnogo regulirovaniya» k «umnomu upravleniyu»: social'naya problema cifrovizacii obratnyh svyazej // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 1. S. 74–81.

7. Tret'yakov N.A., Korobov A.A. Ocenka effektivnosti obshchestvennogo kontrolya publichnoj politiki v usloviyah cifrovizacii // Social'no-politicheskie nauki. 2025. T. 15. № 3. S. 72–78.

8. Frolova I.V. Obshchestvennyj kontrol' v sovremennoj Rossii: trendy i zadachi cifrovizacii / I.V. Frolova, A.I. Urazova, O.N. Ignat'eva // Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal. 2021. № 6(162). S. 166–169.

Статья поступила в редакцию 28.10.25; одобрена после рецензирования 05.11.25; принята к публикации 05.11.25.

The article was submitted 28.10.25 ; approved after reviewing 05.11.25; accepted for publication 05.11.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 191.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):191.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 34
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_191

ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

БАБАЕВ Расим Вагифович
Аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация: В статье раскрываются социальные и правовые предпосылки зарождения общественного контроля в России: от дореволюционных форм участия до советского народного контроля и современных институтов после 2014 г. Делается вывод о том, что институциональная устойчивость общественного контроля зависит от сочетания правовых гарантий, открытости власти и реальных механизмов учёта общественных заключений.

Ключевые слова: общественный контроль, генезис, предпосылки, гражданское участие, народный контроль, правовая культура, институты гражданского общества, конституционализация, открытость власти

Для цитирования: Бабаев Р.В. Предпосылки зарождения и развития общественного контроля // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 191. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_191

Policy and Economy of Eurasia

Original article

PREREQUISITES FOR THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF PUBLIC CONTROL

BABAEV Rasim Vagifovich
Postgraduate Student of the Department of Judicial Authority, Law Enforcement and Human Rights Activities of Institute of Law of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
117198, Moscow, st. Miklouho-Maklaya, 6, Russian Federation

Abstract: The article examines the social and legal preconditions for the emergence of public oversight in Russia: from pre-revolutionary participation practices to Soviet «people's control» and modern institutions after 2014. The paper argues that the institutional robustness of public oversight depends on legal guarantees, governmental openness, and effective follow-up mechanisms.

Keywords: public oversight; genesis, preconditions, civic participation, people's control, legal culture, civil society institutions, constitutionalization, government openness

For citation: Babaev R.V. Prerequisites for the Origin and Development of Public Control = Eurasian advocacy. 2025;5(76):191. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_191

Общественный контроль в России складывался на стыке эволюции представительных форм, общественных объединений и правовой модернизации. В дореволюционный период ключевой институциональной предпосылкой стала связка земского и городского самоуправления с парламентскими практиками Государственной Думы: именно здесь общественные интересы получали канализацию в виде запросов, думских расследований и публичной критики исполнительной власти, что придавало смысл идее контроля со стороны общества. В межах куриальной модели выборов и цензовых ограничений формировался представительный механизм передачи общественных ожиданий в сферу управления, хотя его эффективность упиралась в пределы самодержавной конструкции и частые роспуски дум. На уровне правосознания и общественной коммуникации предпосылками выступили легализация печати, рост добровольных объединений, расширение сферы публичных обсуждений в органах местного самоуправления и судах присяжных, что формировало практики коллективной ответственности и ожидание отчётности власти.

© Бабаев Р.В., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Содержательная сторона этих предпосылок хорошо иллюстрируется наблюдением Н.Н. Санкиной: «Как показывает мировой и отечественный опыт, чтобы государственная власть эффективно исполняла свои функции, она должна быть под постоянным и строгим общественным контролем, выступающим в качестве инструмента укрепления страны» [4]. Эта мысль раскрывается через описанную ею логику непрямого контроля до 1917 г.: «Непрямой способ общественного контроля состоял в том, что его осуществляли не непосредственно подданные Российской империи, а избранный ими представительный орган – Государственная дума» [4]. Вплоть до Февраля 1917 г. данный порядок воспроизводил представительный, а не непосредственный формат: контроль осуществлялся парламентом, партиями, общественными структурами, при этом его результат зависел от готовности верховной власти учитывать парламентскую повестку.

Смена политического режима в 1917 г. придала контролю новую форму. По точной характеристике Н.Н. Санкиной, «Февральская революция 1917 года положила начало принципиально новому этапу в развитии общественного контроля» [4]. На практике это означало одновременное существование представительных и непосредственных форм: с одной стороны, выборы во Всероссийское Учредительное собрание, с другой – массовые собрания, митинги, фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы. Именно выборы в Учредительное собрание, по справедливому выводу исследователя, стали кульминацией непосредственного контроля: «Эти выборы были невиданными в истории страны, поскольку вовлекли десятки миллионов граждан России». Сама возможность такой мобилизации стала следствием накопленных ранее общественных практик участия и расширения правового горизонта, в рамках которого обсуждение деятельности власти обрело публичную легитимность.

Дальнейшая эволюция контроля в советское время демонстрирует смену субъектов и каналов обратной связи, когда общественные начала институционализировались в системе партийно-государственных органов, а механизм контроля «снизу» трансформировался в административно организуемую модель. Историографически этот переход фиксируется как отход от подлинной представительности к мобилизационной форме участия; при этом исследовательские работы отмечают устойчивость самой идеи необходимости проверки деятельности власти и обеспечения её ответственности перед обществом [3]. В правовом плане советский период укрепил практику нормативного закрепления полномочий органов контроля, но одновременно сузил пространство автономной общественной инициативы, подменив её государственно организованными структурами. Именно потому анализ отечественной государственности показывает, что устойчивость контроля зависит не только от норм, но и от реальной автономии общественных субъектов и от того, насколько власть институционально обязана реагировать на публично артикулируемую критику [3].

В постсоветский период предпосылки возрождения общественного контроля связаны с конституционным закреплением прав и свобод человека и гражданина, развитием институтов гражданского общества и формированием механизмов участия в процессах выработки и оценки публичной политики. На рубеже 2000–2010-х годов на первый план вышли процедурные инструменты – общественные обсуждения, независимая экспертиза, оценка регулирующего воздействия, участие общественных советов при органах власти, а также формирование практик прозрачности деятельности органов публичной власти и доступности информации о результатах их работы. В научной литературе подчёркивается, что современный общественный контроль базируется на совокупности организационно-правовых форм и закреплённых процедур, что обеспечивает предсказуемость и сопоставимость результатов [2]. Важной предпосылкой стало также развитие общественных палат и их комиссий, где механизмы общественных слушаний и заключений стали элементом нормативных циклов. На доктринном уровне это осмысляется как переход от деклараций открытости к процедурам с юридически значимыми результатами, включая обязанность органов власти рассматривать общественные предложения и давать мотивированные ответы.

Параллельно с процедурной институционализацией шло теоретико-правовое прояснение понятия и границ общественного контроля. Исследователь О.А. Земскова показала, что правовая природа контроля требует охвата всей сферы публичной деятельности и её субъектов, а также вычленения в структуре контроля целей, форм и методов, что позволяет юридически категоризировать соответствующие действия и результаты [4]. В этом же ключе подчёркивается, что контроль должен быть отделён от надзора и мониторинга по критерию субъектного состава и источника инициативы, а его результативность связана с возможностью влиять на последую-

щие управленческие решения [1]. Концептуально близкие положения встречаются в работах, анализирующих трансформации отечественных подходов к общественному контролю на разных этапах государственности, где отмечается зависимость содержания контроля от политико-правовой среды и характера взаимодействия власти с обществом [3].

Смысловая и институциональная преемственность видна, если сопоставить дореволюционные, революционные и современные практики. До 1917 г. общественность воздействовала на власть через представительные органы и организации; в 1917 г. впервые была реализована широкая модель непосредственного участия; в XX–XXI вв. формируется правовой каркас, позволяющий гражданам и их объединениям инициировать оценку деятельности органов публичной власти и добиваться публичного ответа на замечания. Исследователь Е.Ю. Семелева подчёркивала, что в правовом государстве власть должна быть подчинена праву, а это подчинение достигается именно через контроль как особый институт взаимодействия общества и государства [5]. В современных условиях данная логика дополняется инструментами открытости и электронной коммуникации, однако их правовое значение в научной плоскости по-прежнему выводится через требования к субъектам контроля, процедурности и верифицируемости результатов [10].

Исторический материал по 1917 г. позволяет выделить ещё одну долгосрочную предпосылку – наличие массовых, легитимных и институционально признанных каналов политического участия. Там, где участие оформлено, контроль приобретает устойчивую форму и создаёт у власти ожидание регулярной отчётности. Здесь показателен вывод Н.Н. Санкиной: «Февральская революция 1917 года… он впервые стал осуществляться прямым (непосредственным) способом» [12]. Это не устранило представительные формы, но создало ситуацию сосуществования процедур – от выборов до митингов и комитетов, что, в свою очередь, сформировало опыт широкого включения граждан в оценку действий власти. С точки зрения последующей правовой эволюции именно это сосуществование форм стало моделью, которую современный правопорядок воспроизводит в виде сочетания процедур прямого участия и институтов опосредованного контроля через общественные советы, палаты и экспертные площадки [2].

Правовая доктрина подчёркивает, что контроль как «обратная связь» должен иметь юридически значимые выходы – предписания к исправлению нарушений, публичные отчёты, корректировки программ и нормативных актов. В научном анализе это связывается с тем, что контроль, в отличие от наблюдения или информирования, предполагает оценку соответствия действий органов публичной власти правовым нормам и установленным целям, а также формирование требований по результатам оценки [1]. При этом устойчивость института зависит от двух групп предпосылок: от качества правового регулирования процедур и статуса субъектов контроля и от фактической открытости власти к учёту общественных заключений. Когда обе группы сильны, контроль становится не символическим, а работающим инструментом, и тогда цитированная выше максима о «строгом общественном контроле» превращается из лозунга в регулятивную практику.

Историческая линия от представительного контроля дореволюционного типа к революционным непосредственным формам и далее к современному процедурно оформленному институту показывает, что предпосылки зарождения и развития общественного контроля в России составили три блока. Первый – формирование публичной сферы участия и представительства, обеспечившей передаточный механизм от общественных ожиданий к парламенту и местному самоуправлению. Второй – правовая артикуляция контроля как самостоятельного института, отличного от надзора и мониторинга, нацеленная на юридически значимые результаты. Третий – институциональные рамки современной эпохи с их процедурной предсказуемостью, обязанностью органов власти реагировать на общественные выводы и расширением механизмов участия. Эти блоки не устраняют, а дополняют друг друга, объясняя, почему контроль возникает и развивается именно там, где общество имеет как каналы участия, так и право-процедурные инструменты воздействия на решения власти.

Список источников

1. Агибалов Ю.В. Общественный контроль: практика, проблемы, направления совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2. С. 57–73.

2. Гончаров В.В. Принцип коллегиальности и единоначалия в организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 24–32.

3. Залесны Я., Гончаров В.В., Борисова А.А., Петренко Е.Г. О некоторых аспектах осуществления

общественного контроля в отношении деятельности, актов и решений Федерального Собрания Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 45. № 1(65). С. 38–47.

4. Земскова О.А. Понятие общественного контроля и его правовая природа // Альманах современной науки и образования. 2008. № 6-2. С. 76–79.

5. Иванов О.Б. Институт общественного контроля в политической системе современной России // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2017. Т. 4. № 2. С. 107–115.

6. Крицкая А.А. Особенности осуществления общественного контроля в современной России // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2021. № 3. С. 186–190.

7. Михеев Д.С. Гласность и общественный контроль за деятельностью власти на муниципальном уровне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6(56). Ч. I. С. 136–139.

8. Никитина Е.Е. Правовая природа общественного контроля и подходы к его регулированию в Российской Федерации // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 1–10.

9. Орлова И.В., Соколова Т.Д. Роль и функции общественных советов в повышении эффективности органов региональной государственной власти // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 1. С. 124–132.

10. Перельштейн Ю.А. Общественные и консультативные советы при органах государственной власти как каналы представительства интересов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 46–49.

11. Плотников А.А., Тетерин А.В. Становление и развитие общественного контроля в России: трансформация подходов на различных этапах отечественной государственности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9(59). Ч. II. С. 146–150.

12. Санкина Н.Н. Общественный контроль накануне и в революциях 1917 года: опыт и уроки // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 4. С. 138–150.

13. Семелева Е.Ю. Сущность общественного контроля и его влияние на функционирование государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2(12). С. 65–70.

14. Спиридонов А.А. Государственный, муниципальный и общественный контроль: содержание и соотношение понятий с позиций конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5 (138). С. 33–45.

References

1. Agibalov Yu.V. Obshchestvennyj kontrol': praktika, problemy, napravleniya sovershenstvovaniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. № 2. S. 57–73.

2. Goncharov V.V. Princip kollegial'nosti i edinonachaliya v organizacii i deyatel'nosti sub»ektov obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4. S. 24–32.

3. Zalesny Ya., Goncharov V.V., Borisova A.A., Petrenko E.G. O nekotoryh aspektah osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya v otnoshenii deyatel'nosti, aktov i reshenij Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii // Yuridicheskij vestnik DGU. 2023. T. 45. № 1(65). S. 38–47.

4. Zemskova O.A. Ponyatie obshchestvennogo kontrolya i ego pravovaya priroda // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2008. № 6-2. S. 76–79.

5. Ivanov O.B. Institut obshchestvennogo kontrolya v politicheskoj sisteme sovremennoj Rossii // Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2017. T. 4. № 2. S. 107–115.

6. Krickaya A.A. Osobennosti osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya v sovremennoj Rossii // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchyonye zapiski. 2021. № 3. S. 186–190.

7. Miheev D.S. Glasnost' i obshchestvennyj kontrol' za deyatel'nost'yu vlasti na municipal'nom urovne // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 6(56). Ch. I. S. 136–139.

8. Nikitina E.E. Pravovaya priroda obshchestvennogo kontrolya i podhody k ego regulirovaniyu v Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. № 4. S. 1–10.

9. Orlova I.V., Sokolova T.D. Rol' i funkcii obshchestvennyh sovetov v povyshenii effektivnosti organov regional'noj gosudarstvennoj vlasti // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2017. T. 17. № 1. S. 124–132.

10. Perel'shtejn Yu.A. Obshchestvennye i konsul'tativnye sovety pri organah gosudarstvennoj vlasti kak kanaly predstavitel'stva interesov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 1. S. 46–49.

11. Plotnikov A.A., Teterin A.V. Stanovlenie i razvitie obshchestvennogo kontrolya v Rossii: transformaciya podhodov na razlichnyh etapah otechestvennoj gosudarstvennosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 9(59). Ch. II. S. 146–150.

12. Sankina N.N. Obshchestvennyj kontrol' nakanune i v revolyuciyah 1917 goda: opyt i uroki // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2017. № 4. S. 138–150.

13. Semeleva E.Yu. Sushchnost' obshchestvennogo kontrolya i ego vliyanie na funkcionirovanie gosudarstva // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2011. № 2(12). S. 65–70.

14. Spiridonov A.A. Gosudarstvennyj, municipal'nyj i obshchestvennyj kontrol': soderzhanie i sootnoshenie ponyatij s pozicij konstitucionnogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. T. 17. № 5 (138). S. 33–45.

Статья поступила в редакцию 06.10.25; одобрена после рецензирования 11.10.25; принята к публикации 11.10.25.

The article was submitted 06.10.25 ; approved after reviewing 11.10.25; accepted for publication 11.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 195.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):195.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 336.22
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_195

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И ФОРМАХ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

РОДИОНОВА Алина Александровна
Аспирант кафедры административного, информационного и финансового права юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адвокат Коллегии адвокатов города Москвы «РиМ Дефенс (Защита)»
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 84, корп.1, Российская Федерация

Аннотация: В статье поднимается проблематика определения форм и методов налогового контроля, рассматривается разный подход с точки зрения доктрины, выделены основные формы налогового контроля и сопутствующие методы, а также вектор движения налоговой системы РФ в части взаимодействия фискального органа и налогоплательщика. Автор классифицирует налоговые проверки по разным основаниям; так, например, налоговые проверки по глубине охватываемого периода могут различаться, проверка текущего периода, как правило, охватывается камеральной проверкой, ограничивается проверкой в рамках сданных налогоплательщиком деклараций, тогда как выездная налоговая проверка может охватывать истекшие налоговые периоды в рамках одного или нескольких видов налога.

Ключевые слова: налоговый контроль, форма и метод, налоговый орган, налоговая проверка, налоговый мониторинг, законодательство, налог, налоговое обязательство

Для цитирования: Родионова А.А. К вопросу о методах и формах налогового контроля // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 195. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_195

Policy and Economy of Eurasia

Original article

ON THE METHODS AND FORMS OF TAX CONTROL

RODIONOVA Alina Aleksandrovna
Postgraduate Student of the Department of Administrative, Information and Financial Law of Faculty of Law named after M.M. Speransky Institute of Law and National Security of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lawyer of Moscow Bar Association «R&MDefence»
119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 84, building 1, Russian Federation

Abstract: This article raises the problem of determining the forms and methods of tax control, examines different approaches from the point of view of the doctrine, highlights the main forms of tax control and related methods, and highlights the direction of the Russian Federation's tax system in terms of interaction between the fiscal authority and the taxpayer. The author classifies tax audits based on various criteria, such as the depth of the period covered, as tax audits can vary in terms of the depth of the period covered. For example, a current period audit is typically limited to a desk audit, which focuses on the taxpayer's submitted declarations, while a field audit can cover past tax periods for one or more types of taxes.

Keywords: tax control, form and method, tax authority, tax audit, tax monitoring, legislation, tax, and tax liability

For citation: Rodionova A.A. On the Methods and Forms of Tax Control = Eurasian advocacy. 2025;5(76):195. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_195

Бюджет Российской Федерации в большей части пополняется за счет налоговых поступлений, поэтому основной задачей и функцией Федеральной налоговой службы является учет правильности исчисления и уплаты налога налогоплательщиками.

В целях реализации поставленных перед фискальным органом задач Налоговым кодексом РФ

© Родионова А.А., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

четко определено, что является налоговым контролем. В п. 1 ст. 82 НК РФ налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном настоящим Кодексом. Налоговый контроль проводится должностными лицами налоговых органов в пределах своей компетенции посредством налоговых проверок, получения объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сбора, плательщиков страховых взносов, проверки данных учета и отчетности, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), а также в других формах, предусмотренных настоящим Кодексом [8].

А.И. Пономарев и Т.В. Игнатова в своей работе дают определение налоговому контролю как основе налогового администрирования, делая акцент на том, что главным критерием его эффективности является уровень воспрепятствования и пресечения незаконного уклонения от уплаты налогов налогоплательщиками [1].

При этом, несмотря на то, что определение налогового контроля закреплено законодательно, вопрос в отношении форм и методов остается дискуссионным.

С одной стороны, некоторые ученые не различают формы и методы налогового контроля, разделяя формы налогового контроля на основные и вспомогательные, при этом называя и формами, и методами одни и те же мероприятия налогового контроля. Такой позиции придерживаются Е.Е. Смирнова [2], И.И. Кучеров [3], А.С. Кормилицын [4].

С другой стороны, часть авторов придерживается позиции о разделении понятий формы и методов налогового контроля. С некоторыми из них нельзя согласиться в полной мере, например, Д.Е. Ковалевская форму определяет как устойчивое сочетание методов налогового контроля [5], что представляется не совсем корректным.

В то же время С.Г. Пепеляев не дает определения формы налогового контроля, а лишь цитирует норматив из Налогового кодекса РФ, при этом делая вывод о том, что методами являются мероприятия по сбору доказательств, то есть инструменты налогового контроля [6]. Аналогичной позиции придерживается А.В. Лобанов [7]. Мнение последних авторов представляется наиболее жизнеспособным и отвечающим задачам налогового контроля, более того, активно коррелируется с практикой.

Таким образом, к основным формам налогового контроля можно отнести:

– налоговые проверки;

– налоговый мониторинг.

В свою очередь, налоговые проверки по глубине охватываемого периода также могут различаться. Проверка текущего периода, как правило, охватывается камеральной проверкой, ограничивается проверкой в рамках сданных деклараций налогоплательщиком, тогда как выездная налоговая проверка может охватывать истекшие налоговые периоды в рамках одного или нескольких видов налога. Тут важно отметить, что зачастую выездная налоговая проверка вторична по отношению к камеральной.

Для реализации риск-ориентированного подхода в рамках мероприятий налогового контроля первоочередной и приоритетной является проверка налоговой отчетности [10, с. 10], то есть камеральная. В случае же, когда в рамках такой проверки обнаружены риски, которые не были нивелированы налогоплательщиком, в совокупности с результатом предпроверочного анализа, назначается выездная налоговая проверка.

Важно отметить, что в последние годы количество выездных налоговых проверок сильно сократилось. Это связано с риск-ориентированным подходом налогового органа и введением уведомительного характера о наличии высоких рисков доначислений.

Налоговый мониторинг – вторая и достаточно новая форма налогового контроля, которая подразумевает под собой онлайн-предоставление данных налоговому органу о налоговом и бухгалтерском учете по заявлению налогоплательщика. Согласно п. 1 ст. 105.26 НК РФ, предметом налогового мониторинга являются правильность исчисления (удержания), полнота и своевременность уплаты (перечисления) налогов, сборов, страховых взносов, обязанность по уплате (перечислению) которых в соответствии с настоящим Кодексом возложена на налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) – организацию [8]. Таким образом, посредством налогового мониторинга возможен быстрый обмен данными (интегрирование с АИС «Налог-3»), а также согласование позиции. Налоговый мониторинг может вывести налоговые отношения из контроля к аудиту.

Остальные «формы» налогового контроля логичнее отнести к методам налогового контроля, как к вспомогательным по отношению к основным:

– допросы свидетелей в соответствии со ст. 90 НК РФ;

– осмотры территорий и помещений налогоплательщика в соответствии со ст. 92 НК РФ;

– истребование документов, информации в соответствии со ст. 93, 93.1 НК РФ;

– производство выемки документов и предметов в соответствии со ст. 94 НК РФ;

– проведение экспертизы в соответствии со ст. 95 НК РФ;

– привлечение специалистов в соответствии со ст. 96 НК РФ;

– привлечение переводчиков в соответствии со ст. 97 НК РФ;

– привлечение понятых в соответствии со ст. 98 НК РФ.

Важно отметить, что формы налогового контроля и проводимые налоговым органом мероприятия несут на данный момент контрольный характер, предполагая и предотвращая получение необоснованной налоговой выгоды налогоплательщиками. Однако новая форма в виде налогового мониторинга предполагает стремление системы к «обелению» налогообложения и повышению доверия фискальному органу.

Список источников

1. Пономарев А.И. Налоговое администрирование в Российской Федерации: учеб. пособ. для вузов / А.И. Пономарев, Т.В. Игнатова. М.: Финансы и статистика, 2006.
2. Смирнова Е.Е. О контрольной работе налоговых органов // Налоговый вестник. 2004. № 11. С. 86–88.
3. Кучеров И.И. Налоговое право России: курс лекций. М.: ЮрИнфоР, 2001. С. 188.
4. Кормилицын А.С. Формы и методы налогового контроля // Административное и муниципальное право. 2008. № 6.
5. Короткова Л.А., Ковалевская Д.Е. О правах и обязанностях налоговых органов // Налоговый вестник. 2003. № 6. С. 49–64.
6. Пепеляев С.Г. Налоговое право: курс лекций / под ред. С.Г. Пепеляева, А.М. Ема. М.: Статут, 2022. С. 301–323.
7. Лобанов А.В. О содержании и формах налогового контроля // Финансы. 2008. № 3. С. 30–32.
8. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).
9. Курдюкова Ю.С. К вопросу о соотношении налоговой ответственности с иными видами юридической ответственности // Современные научные исследования и разработки. 2019. № 1(30). С. 617–619.
10. Ильин А.Ю. Налог на профессиональный доход: условия перехода, применения и прекращения // Правовой альманах. 2025. № 5(45). С. 6–15.

References

1. Ponomarev A.I. Nalogovoe administrirovanie v Rossijskoj Federacii: ucheb. posob. dlya vuzov / A.I. Ponomarev, T.V. Ignatova. M.: Finansy i statistika, 2006.
2. Smirnova E.E. O kontrol'noj rabote nalogovyh organov // Nalogovyj vestnik. 2004. № 11. S. 86–88.
3. Kucherov I.I. Nalogovoe pravo Rossii: kurs lekcij. M.: YurInfoR, 2001. S. 188.
4. Kormilicyn A.S. Formy i metody nalogovogo kontrolya // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2008. № 6.
5. Korotkova L.A., Kovalevskaya D.E. O pravah i obyazannostyah nalogovyh organov // Nalogovyj vestnik. 2003. № 6. S. 49–64.
6. Pepelyaev S.G. Nalogovoe pravo: kurs lekcij / pod red. S.G. Pepelyaeva, A.M. Ema. M.: Statut, 2022. S. 301–323.
7. Lobanov A.V. O soderzhanii i formah nalogovogo kontrolya // Finansy. 2008. № 3. S. 30–32.
8. «Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya)» ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 29.11.2024, s izm. ot 21.01.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.02.2025).
9. Kurdyukova Yu.S. K voprosu o sootnoshenii nalogovoj otvetstvennosti s inymi vidami yuridicheskoj otvetstvennosti // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2019. № 1(30). S. 617–619.
10. Il'in A.Yu. Nalog na professional'nyj dohod: usloviya perekhoda, primeneniya i prekrashcheniya // Pravovoj al'manah. 2025. № 5(45). S. 6–15.

Статья поступила в редакцию 15.10.25; одобрена после рецензирования 20.10.25; принята к публикации 20.10.25.

The article was submitted 15.10.25 ; approved after reviewing 20.10.25; accepted for publication 20.10.25.

Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 198.
Eurasian advocacy. 2025;(5(76)):198.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 341.9
doi 10.52068/2304-9839_2025_76_5_198

ХАРАКТЕРИСТИКИ НОВОЙ ЗОНТИЧНОЙ ОГОВОРКИ ВО ВЬЕТНАМСКИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЯХ

ДАО Ле Минь Чанг
Аспирант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр.1, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена анализу арбитражной практики, разъясняющему зонтичную оговорку. На основе анализа положений международных договоров Вьетнама о защите инвестиций «нового поколения» и арбитражной практики установлено, что новая зонтичная оговорка имеет более узкую сферу действия, которая фокусируется конкретно на нарушениях, связанных с осуществлением суверенной власти. Выделены характеристики новой зонтичной оговорки: 1) зонтичная оговорка распространяется на нарушение договора, когда государство действует в своем суверенном качестве (de iure imperii), а не в своем коммерческом качестве (de iure gestionis); 2) чтобы успешно подать иск в соответствии с новой зонтичной оговоркой, инвестор должен доказать, что государство вмешалось в его права посредством конкретных действий государственного органа, а не посредством исполнения (или неисполнения) стандартного договора; 3) инвестор должен продемонстрировать, что нарушение контракта также представляет собой нарушение материальных норм, гарантированных международными инвестиционными договорами; 4) государство несет ответственность в соответствии с международным правом за действия своих собственных государственных органов, но не обязательно за контракты, заключенные этими органами.

Ключевые слова: зонтичная оговорка, интернационализация, суверенное государство, контракт между иностранными инвестициями и государством, международные инвестиционные соглашения нового поколения

Для цитирования: Дао Ле Минь Чанг. Характеристики новой зонтичной оговорки во вьетнамских международных инвестиционных соглашениях // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 198. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_198

Policy and Economy of Eurasia

Original article

CHARACTERISTICS OF THE NEW UMBRELLA CLAUSE IN VIETNAMESE INTERNATIONAL INVESTMENT AGREEMENTS

DAO Le Minh Trang
Postgraduate Student of Kutafin Moscow State Law University
123242, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, building 1, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the analysis of arbitration practice explaining the umbrella clause. Based on an analysis of the provisions of Vietnam's international treaties on the protection of «new generation» investments and arbitration practice, it has been established that the new umbrella clause has a narrower scope, which focuses specifically on violations related to the exercise of sovereign power. The characteristics of the new umbrella clause are highlighted: 1) The umbrella clause applies to a breach of contract when the State acts in its sovereign capacity (de iure imperii) rather than in its commercial capacity (de iure gestionis); 2) In order to successfully file a claim under the new umbrella clause, the investor must prove that the State has interfered with his rights through specific actions a government agency, rather than through the execution (or non-execution) of a standard contract; 3) The investor must demonstrate that a breach of contract also constitutes a violation of the material norms guaranteed by international investment treaties; 4) The State is responsible, in accordance with international law, for the actions of its own government agencies, but not necessarily for contracts concluded by these authorities.

Keywords: umbrella clause, internationalization, sovereign state, contract between foreign investments and the state, new generation international investment agreement

© Дао Ле Минь Чанг., 2025 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

For citation: Dao Le Minh Trang. Characteristics of the New Umbrella Clause in Vietnamese International Investment Agreements = Eurasian advocacy. 2025;5(76):198. (In Russ.). https://doi.org/ doi.org/10.52068/2304-9839_2025_76_5_198

На сегодняшний день зонтичные оговорки, содержащиеся в международных инвестиционных договорах с участием Вьетнама и России, не были использованы в рамках международного арбитража, поэтому определение механизма их действия в условиях вьетнамской правовой системы зависит от будущей арбитражной практики.

Подавляющее большинство вьетнамских и российских зонтичных оговорок составлено по образцу европейских [19]. Статья 12(2) Соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений (СПЗКВ) между Вьетнамом и Эстонией (2009) содержит довольно стандартную формулировку: «Каждая Договаривающаяся сторона должна соблюдать любые другие обязательства, которые могут возникнуть в отношении конкретных инвестиций инвестора другой Договаривающейся стороны» [20].

Промежуточный подход заключается в том, что зонтичная оговорка охватывает только те части контрактов или обязательств, которые были совершены в порядке осуществления суверенной власти. Т. Вельде (T. Wälde) считает, что принцип международного права будет защищать от нарушений и вмешательства в контракты, заключенные с правительством или подпадающие под действие правительственных полномочий, только в том случае, если правительство воспользуется своими особыми суверенными прерогативами для уклонения от выполнения своих договорных обязательств или существенного вмешательства в такие обязательства. Это также относится к контрактам, заключенным только с частными лицами в принимающем государстве, если данные контракты аннулируются государственными органами. «...Если спор по существу не связан с осуществлением государственных полномочий, а является «обычным» спором по контракту, то СПЗКВ и зонтичная оговорка не играют никакой роли» [18]. Есть авторы, которые указывают на то, что зонтичные оговорки ограничивают суверенитет государства, превращая частные инвестиционные контракты в международные договоры [1].

По мнению некоторых Трибуналов, необходимо различать государство как торговца от государства как суверена [7]. В деле Supervision v. Costa Rica Трибунал предположил, что: «Важно указать, что не любое нарушение договора государством, подписавшим Инвестиционный договор, содержащий зонтичную оговорку, может быть заявлено как прямое нарушение Договора. В деле El Paso Energy v. Argentina Трибунал заявил, что зонтичная оговорка будет применяться только в том случае, если в конкретном случае государство действует как суверенное образование, а не как частная сторона» [17].

В деле Malicorp против Египта Арбитраж также подошел к толкованию зонтичной оговорки таким образом, что государство приняло меру в рамках своих публичных полномочий («measures de puissance publique») не как сторона Контракта, а как государство [11].

В деле EDF и другие против Аргентины государство признало, что предчрезвычайные меры, затрагивающие Концессию, были осуществлением суверенных полномочий Провинции, например: изменения в регулировании, осуществленные Республикой Аргентина и провинцией Мендоса, включают замораживание тарифных ставок, изменение операционных обменных курсов и регулирование распределения электроэнергии [6]. Таким образом, серьезный отказ от обязательств по концессиям, подразумеваемый несоблюдением валютной оговорки, должен явно рассматриваться как нарушение зонтичной оговорки.

Толкование, что зонтичные оговорки охватывают только нарушения контрактов или обязательств, совершенные при осуществлении суверенной власти, было оспорено в некоторых случаях. В деле SGS против Парагвая в зонтичной оговорке нет ничего, что утверждало бы или подразумевало бы, что правительство не будет соблюдать свои обязательства только в том случае, если оно злоупотребит своей суверенной властью [14].

В деле Burlington против Ecuador Трибунал считает, что зонтичные оговорки могут применяться даже в том случае, если не задействовано осуществление суверенной власти [3].

В деле Strabag против Libya государство утверждает, что зонтичная оговорка Договора может действовать только в тех случаях, когда государство действует в суверенном качестве, включающем некоторое осуществление суверенной власти – puissance publique, или что она может применяться только к поведению, включающему нарушения международного права [16]. Следовательно, зонтичная оговорка Договора не

может применяться к обычным коммерческим актам. Трудность заключается в том, что такие аргументы фактически требуют от Трибунала введения ограничений или условий для зонтичной оговорки, которые не появляются в ее формулировке или обязательно вытекают из ее обычного значения.

Идея о том, что суверенные регулирующие полномочия государства могут быть ограничены договором – инструментом частного права, не укладывается в теорию публичного права многих стран. Это противоречило бы общим принципам права. Общепризнанным является принцип, согласно которому императивные принципы внутреннего публичного права не могут быть нарушены осуществлением автономии частных сторон, участвующих в заключении договора [15].

В деле «Consutel Group SpA in liquidazione v. People's Democratic Republic of Algeria» трибунал привел несколько основных тезисов [5].

Во-первых, государство должно действовать de jure imperii, а не de jure gestionis, чтобы приравнять требование о нарушении контракта к требованию о нарушении международного договора. В деле «Kardossopoulos v. Georgia» используется тот же подход, а именно что контрактные обязательства, принятые государственными структурами, могут быть отнесены к Грузии [10]. Однако в деле «Hamester v. Ghana» предприятие-подрядчик было обособлено от государства, которое не участвовало в заключении контракта [9]. В деле «Azurix v. Argentina» арбитражный суд постановил, что провинция Буэнос-Айрес была стороной контракта, а Аргентина не брала на себя никаких обязательств из-за отсутствия доверия между ней и инвестором [2].

Во-вторых, зонтичные оговорки носят материально-правовой характер и не являются процессуальными положениями. Таким образом, они могут быть импортированы на основании положения о наиболее благоприятствуемой нации другого международного договора, подписанного государством.

В-третьих, зонтичные оговорки распространяются только на договорные обязательства между принимающим государством и инвестором, а не на обязательства между отдельным юридическим лицом и дочерней компанией инвестора.

В деле «Gardabani and Silk Road v. Georgia» [8] иностранный инвестор утверждал, что внедоговорные обязательства могут привести к нарушению зонтичной оговорки. Но, по мнению трибунала, как и в случае с договорными обязательствами, обязательство, содержащееся в законе или нормативном акте, должно было быть принято государством «в отношении инвестиций» иностранного инвестора.

В деле «Lee-Chin v. Dominican Republic» трибунал также пришел к важным выводам в отношении зонтичной оговорки [12].

Во-первых, зонтичная оговорка может применяться в случае, если иностранный инвестор подписывает контракт с государственным учреждением. Хотя инвесторы заключили договоры не с государством, а с муниципалитетами, при определенных обстоятельствах поведение органов, отличных от государственных, вполне может быть отнесено на счет государства. Формулировка применимой зонтичной оговорки не свидетельствует о каких-либо ограничениях, которые действительно могут быть предусмотрены в других международных договорах. Рассматриваемые договорные обязательства представляют собой важные общественные проекты в интересах государства, что само оно подчеркивало на протяжении всего арбитражного разбирательства.

Во-вторых, наличие в концессионном соглашении оговорки об урегулировании споров не препятствует применению зонтичной оговорки. Абсурдно признавать, что государство или его органы могут уклоняться от выполнения своих международных обязательств, просто вводя положения об исключительной юрисдикции в контракты, которые они заключают с иностранными инвесторами. По мнению трибунала, как только зонтичная оговорка будет признана применимой, положения об урегулировании споров по контракту не будут иметь отношения к требованиям, охватываемым зонтичной оговоркой, поскольку эти требования основываются на международном договоре и, следовательно, подпадают под юрисдикцию трибунала. Более того, помимо положения контракта об исключительной юрисдикции, необходимо учитывать другие факторы, такие как доступность соответствующего юрисдикционного органа, указанного в соглашении, возможность параллельных судебных разбирательств, использование государством имеющихся ресурсов, его общее отношение к инвестициям и инвестору, а также характер договорных обязательств, о которых идет речь. В данном случае концессионное соглашение и поправки к нему касаются вопросов, тесно связанных с основными направлениями государственной политики.

Если в контракте есть положение о выборе суда (Forum Selection Clauses), юрисдикция должна быть установлена путем замены зонтичной оговорки. Тем не менее в настоящее время неясно,

применимы ли такие положения в контракте. В деле «SGS v. Pakistan» арбитражный суд определил, что если в контракте содержится законное положение о выборе суда, то зонтичная оговорка автоматически не превращает нарушение контракта в нарушение международного договора. Хотя в остальном трибунал не отрицал своей юрисдикции, в деле «SGS v. Philippines» он постановил: Филиппины пришли к выводу, что содержащееся в контракте положение об исключительной юрисдикции делает претензии по контракту неприемлемыми для рассмотрения в рамках арбитража. Чтобы предотвратить злоупотребление зонтичной оговоркой, трибунал в деле «BIVAC v. Paraguay» разрешил использовать оговорку о выборе суда.

Международные инвестиционные соглашения (МИС) нового поколения, участником которых является Вьетнам, такие как ВПТТП, ВРЭП, соглашения о создании зоны свободной торговли стран АСЕАН 2009 г., Австралии и Новой Зеландии 2019 г., являются наглядным доказательством этого, хотя в них не включена зонтичная оговорка.

Вместе с тем Соглашение о защите инвестиций ЕС – Вьетнам (СЗИ) содержит довольно сложную зонтичной оговорку (п. 6 ст. 2.5 «Режим инвестиций») [21]:

«Если Сторона заключила письменное соглашение с инвесторами другой Стороны или инвесторами, осуществляющими инвестиции, которые удовлетворяют всем нижеследующим условиям, такая Сторона не должна нарушать данное соглашение путем осуществления государственной власти. Условия этого следующие:

(a) письменное соглашение заключено и вступает в силу после даты вступления в силу настоящего Соглашения (Для большей определенности письменное соглашение, заключенное и вступившее в силу после даты вступления в силу настоящего Соглашения, не включает возобновление или продление соглашения в соответствии с положениями первоначального соглашения и на тех же или практически тех же условиях, что и первоначальное соглашение, которое было заключено и вступило в силу до даты вступления в силу настоящего Соглашения);

(b) инвестор полагается на письменное соглашение при принятии решения о внесении или сохранении инвестиций, охватываемых настоящим Соглашением, за исключением самого письменного соглашения, и его нарушение наносит фактический ущерб этим инвестициям;

(c) письменное соглашение устанавливает обмен правами и обязанностями в связи с указанными инвестициями, обязательный для обеих сторон; и

(d) письменное соглашение не содержит положения об урегулировании споров между сторонами данного соглашения посредством международного арбитража».

Кроме того, Соглашение о защите инвестиций между ЕС и Сингапуром также содержит подробную информацию о зонтичной оговорке с различными пояснениями (п. 6 ст. 2.4) [22]:

«Если Сторона сама или через любой орган, упомянутый в п. 7 ст. 1.2 (Определения), дала конкретное и четко изложенное обязательство в письменном виде по договору перед инвестором другой Стороны, охватываемым настоящим Соглашением, в отношении инвестиций последнего или в отношении таких охватываемых настоящим Соглашением инвестиций, эта Сторона не должна нарушать указанное обязательство посредством осуществления своих государственных полномочий:

(a) либо намеренно;

(b) либо способом, который существенно изменяет баланс прав и обязанностей в письменном обязательстве по договору, за исключением случаев, когда Сторона предоставляет разумную компенсацию для восстановления инвестора или инвестиций, охватываемых настоящим Соглашением, в том положении, в котором они находились бы, если бы не произошло соответствующее нарушение».

В Типовых положениях ДИД Европейского союза (ЕС) (2023) зонтичная оговорка комментируется следующим образом: «Статья «Соблюдение письменных обязательств» предусматривает, что нарушение письменного обязательства, которое принимающая страна взяла на себя с инвесторами другой Стороны или их охваченными инвестициями, будет нарушением Соглашения только в том случае, если такое нарушение произошло посредством осуществления полномочий правительства. Очевидно, что оговорка активируется, когда принимающее государство использует свою суверенную власть для нарушения письменного обязательства, т. е. полномочий, которые лежат за пределами договорных отношений (например, путем принятия законодательства), а не когда действует в рамках полномочий любого обычного коммерческого субъекта (например, неуплата счетов, задержка или непоставка согласованных товаров и услуг)» [23].

Таким образом, зонтичная оговорка регулировалась в течение длительного времени, но в последнее время в соглашения ЕС начали вноситься

поправки, направленные на ее сохранение. В инвестиционном соглашении ЕС отмечается улучшение по сравнению с классической зонтичной оговоркой. Несмотря на разногласия по поводу доктрины, связанной с зонтичной оговоркой, ее существование неизбежно. Рекомендация для России: необходимо реформировать свои инвестиционные договоры, включив положения, ограничивающие использование «зонтичных положений».

Заключение

В ходе исследования установлена и теоретически обоснована фундаментальная эволюция доктринального понимания и договорного закрепления «зонтичной оговорки» в международных инвестиционных соглашениях Вьетнама нового поколения, выражающаяся в переходе от классической (старой) модели к ограничительной (новой) модели. В отличие от договорной практики Российской Федерации, сохраняющей традиционную конструкцию, вьетнамский подход демонстрирует синтез двух моделей, что отражает поиск баланса между защитой инвестора и сохранением регулятивного суверенитета государства.

Выявлено, что классическая модель «зонтичной оговорки», характеризующаяся широким и непоследовательным толкованием арбитражными трибуналами, порождала правовую неопределенность в вопросах международно-правовой ответственности государства за нарушения договорных обязательств. В отличие от нее новая модель целенаправленно сужает сферу действия оговорки посредством системы четких критериев, фокусируя ее на нарушениях, связанных с реализацией государством властных полномочий (de iure imperii).

На основе комплексного анализа договорных положений и арбитражной практики сформулированы следующие доктринальные характеристики новой «зонтичной оговорки»:

1. Оговорка применяется исключительно к нарушениям, совершенным государством при осуществлении им суверенных функций (de iure imperii), и исключает действия коммерческого характера (de iure gestionis).

2. Для инкриминирования нарушения требуется доказательство конкретного властного вмешательства (specific sovereign interference) государственного органа в договорные права инвестора, что исключает ответственность за обычное неисполнение или ненадлежащее исполнение контрактных обязательств.

3. Инвестор обязан доказать, что нарушение контрактного обязательства одновременно constitutes нарушение материально-правовой гарантии, предоставленной международным инвестиционным соглашением (такой как справедливый и равноправный режим, защита от экспроприации, национальный режим и т. д.).

4. Государство несет международно-правовую ответственность за действия своих органов власти, наделенных властными полномочиями, однако сама по себе контрактная связь такого органа с инвестором не преобразует договорное обязательство в международное.

Таким образом, новая «зонтичная оговорка» во вьетнамской договорной практике представляет собой правовой инструмент, который, обеспечивая защиту инвестора от злоупотребления государством властными прерогативами, предотвращает трансформацию обычных контрактных споров в международные инвестиционные споры и защищает автономию государства в сфере частного права.

Список источников

1. Ахмадова М.А. Гражданско-правовой механизм регулирования инвестиционной деятельности в странах БРИКС: на примере Индии, Китая и ЮАР: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

2. Azurix Corp. v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/01/12. Award (14 Jul. 2006).

3. Burlington Resources Inc. v. Republic of Ecuador, ICSID Case No. ARB/08/5 (formerly Burlington Resources Inc. and others v. Republic of Ecuador and Empresa Estatal Petróleos del Ecuador (PetroEcuador).Decision on Jurisdiction, 2 June 2010.

4. Chaisse J. Case Comment: Consutel Group SpA in liquidazione v. People's Democratic Republic of Algeria: Umbrella Clauses and Breaches of Contract by Public Entities // ICSID Review. 2022. Vol. 37. Issue 3.

5. Consutel Group S.p.A. in liquidazione v. People's Democratic Republic of Algeria, PCA No. 2017-33.

6. EDF International S.A., SAUR International S.A. and León Participaciones Argentinas S.A. v. Argentine Republic. ICSID Case No. ARB/03/23. Award, 11 June 2012.

7. El Paso Energy International Company v. The Argentine Republic. ICSID Case No. ARB/03/15. Decision on Jurisdiction, 27 April 2006.

8. Gardabani Holdings B.V. and Silk Road Holdings B.V. v. Georgia. ICSID Case No. ARB/17/29. Award (27 Oct. 2022).

9. Gustav F W Hamester GmbH & Co KG v. Republic of Ghana. ICSID Case No. ARB/07/24. Award (18 Jun. 2010).

10. Ioannis Kardassopoulos v. The Republic of Georgia. ICSID Case No. ARB/05/18. Award (3 Mar. 2010).

11. Malicorp Limited v. The Arab Republic of Egypt. ICSID Case No. ARB/08/18. Award, 7 February 2011.

12. Michael Anthony Lee-Chin v. Dominican Republic. ICSID Case No. UNCT/18/3. Final Award (6 Oct. 2023).

13. Pan American Energy LLC and BP Argentina Exploration Company v. The Argentine Republic. ICSID

Case No. ARB/03/13. Decision on Preliminary Objections, 27 July 2006.

14. SGS Société Générale de Surveillance S.A. v. The Republic of Paraguay. ICSID Case No. ARB/07/29. Award, 10 February 2012.

15. Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. Cambridge University Press, 2015.

16. Strabag SE v. Libya, ICSID Case No. ARB(AF)/15/1. Award, 29 June 2020.

17. Supervision y Control S.A. v. Republic of Costa Rica. ICSID Case No. ARB/12/4. Award, 18 January 2017.

18. Yannaca-Small K. Interpretation of the Umbrella Clause in Investment Agreements // OECD Working Papers on International Investment, 2006/03. OECD Publishing, 2006.

19. Russian Federation – United Kingdom BIT (1989) Article 2, Russian Federation – Turkey BIT (1997) Article II, France – Russian Federation BIT (1989) Article 2, Germany – Russian Federation BIT (1989) Article 7, Greece – Russian Federation BIT (1993) Article 10 (2), Denmark – Russian Federation BIT (1993) Article 2 (4), Japan – Russian Federation BIT (1998) Article 3. 3, Korea, Republic of – Russian Federation BIT (1990) Article 2 (4), Kuwait – Russian Federation BIT (1994) Article 11 (2), Netherlands – Russian Federation BIT (1989) Article 3 (4), Russian Federation – Switzerland BIT (1990) Article 10 (1), Morocco – Viet Nam BIT (2012) Signed (not in force) Article 2 (3), Estonia – Viet Nam BIT (2009) Article 12 (2), Greece – Viet Nam BIT (2008) Article 11 (2), Finland – Viet Nam BIT (2008) Article 12 (2), Spain – Viet Nam BIT (2006) Article 3 (2), Korea, Republic of – Viet Nam BIT (2003) Article 18 (3), Iceland – Viet Nam BIT (2002) Article 9, United Kingdom – Viet Nam BIT (2002) Article 2 (2), Austria – Viet Nam BIT (1995) Article 7 (2), Romania – Viet Nam BIT (1994) Article 7 (2), Ukraine – Viet Nam BIT (1994) Article 10 (2), Netherlands – Viet Nam BIT (1994) Article 3 (4), Germany – Viet Nam BIT (1993) Article 8 (2), Singapore – Viet Nam BIT (1992) Article 15, Switzerland – Viet Nam BIT (1992) Article 11 [Электронный ресурс]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements.

20. Agreement between the Government of the Republic of Estonia and the Government of the Socialist Republic of Viet Nam on the Promotion and Protection of Investments signed 24/09/2009 [Электронный ресурс]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5753/download.

21. Investment Protection Agreement between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam signed 30/06/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with-investment-provisions/3616/eu---viet-nam-investment-protection-agreement-2019.

22. EU — Singapore Investment Protection Agreement [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:55d54e18-42e0-11e8-b5fe-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_2&format=PDF#page=12.

23. European Union (EU) Model BIT Clauses 21/09/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/8390/download.

References

1. Ahmadova M.A. Grazhdansko-pravovoj mekhanizm regulirovaniya investicionnoj deyatel'nosti v stranah BRIKS: na primere Indii, Kitaya i YuAR: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2019.

2. Azurix Corp. v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/01/12. Award (14 Jul. 2006).

3. Burlington Resources Inc. v. Republic of Ecuador, ICSID Case No. ARB/08/5 (formerly Burlington Resources Inc. and others v. Republic of Ecuador and Empresa Estatal Petróleos del Ecuador (PetroEcuador).Decision on Jurisdiction, 2 June 2010.

4. Chaisse J. Case Comment: Consutel Group SpA in liquidazione v. People's Democratic Republic of Algeria: Umbrella Clauses and Breaches of Contract by Public Entities // ICSID Review. 2022. Vol. 37. Issue 3.

5. Consutel Group S.p.A. in liquidazione v. People\'s Democratic Republic of Algeria, PCA No. 2017-33.

6. EDF International S.A., SAUR International S.A. and León Participaciones Argentinas S.A. v. Argentine Republic. ICSID Case No. ARB/03/23. Award, 11 June 2012.

7. El Paso Energy International Company v. The Argentine Republic. ICSID Case No. ARB/03/15. Decision on Jurisdiction, 27 April 2006.

8. Gardabani Holdings B.V. and Silk Road Holdings B.V. v. Georgia. ICSID Case No. ARB/17/29. Award (27 Oct. 2022).

9. Gustav F W Hamester GmbH & Co KG v. Republic of Ghana. ICSID Case No. ARB/07/24. Award (18 Jun. 2010).

10. Ioannis Kardassopoulos v. The Republic of Georgia. ICSID Case No. ARB/05/18. Award (3 Mar. 2010).

11. Malicorp Limited v. The Arab Republic of Egypt. ICSID Case No. ARB/08/18. Award, 7 February 2011.

12. Michael Anthony Lee-Chin v. Dominican Republic. ICSID Case No. UNCT/18/3. Final Award (6 Oct. 2023).

13. Pan American Energy LLC and BP Argentina Exploration Company v. The Argentine Republic. ICSID Case No. ARB/03/13. Decision on Preliminary Objections, 27 July 2006.

14. SGS Société Générale de Surveillance S.A. v. The Republic of Paraguay. ICSID Case No. ARB/07/29. Award, 10 February 2012.

15. Sornarajah M. Resistance and Change in the International Law on Foreign Investment. Cambridge University Press, 2015.

16. Strabag SE v. Libya, ICSID Case No. ARB(AF)/15/1. Award, 29 June 2020.

17. Supervision y Control S.A. v. Republic of Costa Rica. ICSID Case No. ARB/12/4. Award, 18 January 2017.

18. Yannaca-Small K. Interpretation of the Umbrella Clause in Investment Agreements // OECD Working Papers on International Investment, 2006/03. OECD Publishing, 2006.

19. Russian Federation – United Kingdom BIT (1989) Article 2, Russian Federation – Turkey BIT (1997) Article II, France – Russian Federation BIT (1989) Article 2, Germany – Russian Federation BIT (1989) Article 7, Greece – Russian Federation BIT (1993) Article 10 (2), Denmark – Russian Federation BIT (1993) Article 2 (4), Japan – Russian Federation BIT (1998) Article 3. 3, Korea, Republic of – Rus-

sian Federation BIT (1990) Article 2 (4), Kuwait – Russian Federation BIT (1994) Article 11 (2), Netherlands – Russian Federation BIT (1989) Article 3 (4), Russian Federation – Switzerland BIT (1990) Article 10 (1), Morocco – Viet Nam BIT (2012) Signed (not in force) Article 2 (3), Estonia – Viet Nam BIT (2009) Article 12 (2), Greece – Viet Nam BIT (2008) Article 11 (2), Finland – Viet Nam BIT (2008) Article 12 (2), Spain – Viet Nam BIT (2006) Article 3 (2), Korea, Republic of – Viet Nam BIT (2003) Article 18 (3), Iceland – Viet Nam BIT (2002) Article 9, United Kingdom – Viet Nam BIT (2002) Article 2 (2), Austria – Viet Nam BIT (1995) Article 7 (2), Romania – Viet Nam BIT (1994) Article 7 (2), Ukraine – Viet Nam BIT (1994) Article 10 (2), Netherlands – Viet Nam BIT (1994) Article 3 (4), Germany – Viet Nam BIT (1993) Article 8 (2), Singapore – Viet Nam BIT (1992) Article 15, Switzerland – Viet Nam BIT (1992) Article 11 [Elektronnyj resurs]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements.

20. Agreement between the Government of the Republic of Estonia and the Government of the Socialist Republic of Viet Nam on the Promotion and Protection of Investments signed 24/09/2009 [Elektronnyj resurs]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5753/download.

21. Investment Protection Agreement between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam signed 30/06/2019 [Elektronnyj resurs]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with-investment-provisions/3616/eu--viet-nam-investment-protection-agreement-2019.

22. EU — Singapore Investment Protection Agreement [Elektronnyj resurs]. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:55d54e18-42e0-11e8-b5fe-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_2&format=PDF#page=12.

23. European Union (EU) Model BIT Clauses 21/09/2023 [Elektronnyj resurs]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/8390/download.

Статья поступила в редакцию 28.09.25; одобрена после рецензирования 05.10.25; принята к публикации 05.10.25.

The article was submitted 28.09.25 ; approved after reviewing 05.10.25; accepted for publication 05.10.25.